

Минобрнауки России
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Сыктывкарский государственный университет
имени Питирима Сорокина»

**ЧЕЛОВЕК
КУЛЬТУРА
ОБРАЗОВАНИЕ**

Научно-образовательный
и методический журнал

№ 3 (17) / 2015

Сыктывкар
Издательство СГУ им. Питирима Сорокина
2015

Научно-образовательный и методический рецензируемый журнал
Издатель и учредитель – ФГБОУ ВО «Сыктывкарский государственный
университет имени Питирима Сорокина»
Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ТУ11-0174 от 30.10.2012 г.
Журнал зарегистрирован в РИИЦ (регистрационный номер 261-06
от 02.07.2012 г.). Выходит с 2011 г.

Редакционный совет журнала:

Балсевичуте-Шлякене Виргиния, доктор гуманитарных наук, профессор, профессор Вильнюсского государственного педагогического университета (Литва, Вильнюс); **Бразговская Елена Евгеньевна**, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего языкознания Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета (Россия, Пермь); **Васильев Павел Владимирович**, кандидат педагогических наук, доцент, проректор по экономическим и социальным вопросам Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина (Россия, Сыктывкар); **Гончаров Сергей Александрович**, доктор филологических наук, профессор, первый проректор Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена (Россия, Санкт-Петербург); **Гурленова Людмила Викторовна**, доктор филологических наук, профессор, директор Института культуры и искусства Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина (Россия, Сыктывкар); **Жеребцов Игорь Любомирович**, доктор исторических наук, старший научный сотрудник, директор Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН (Россия, Сыктывкар); **Зюев Николай Федосеевич**, доктор философских наук, доцент, сотрудник Масси Колледж, Торонто, председатель комитета по образованию общества "Little Russia" (Канада, Торонто); **Истиховская Марина Дмитриевна**, кандидат юридических наук, доцент, ректор Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина (Россия, Сыктывкар); **Люсий Александр Павлович**, кандидат культурологии, доцент, старший научный сотрудник Института природного и культурного наследия имени Д.С. Лихачева (Россия, Москва); **Мосолова Любовь Михайловна**, доктор искусствоведения, профессор, заведующий кафедрой теории и истории культуры Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена (Россия, Санкт-Петербург); **Муравьев Виктор Викторович**, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры культурологии и педагогической антропологии Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина (Россия, Сыктывкар); **Сулимов Владимир Александрович**, доктор культурологии, доцент, профессор кафедры культурологии и педагогической антропологии Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина (Россия, Сыктывкар); **Сурво Арно**, доктор философии, профессор, научный сотрудник кафедры фольклористики гуманитарного факультета университета Хельсинки (Финляндия, Хельсинки); **Сурво Вера Викторовна**, доктор философии, профессор, исследователь кафедры этнографии гуманитарного факультета университета Хельсинки (Финляндия, Хельсинки); **Тулчинский Григорий Львович**, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, профессор департамента прикладной политологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» – Санкт-Петербург (Россия, Санкт-Петербург); **Фадеева Ирина Евгеньевна**, доктор культурологии, профессор, заведующий кафедрой культурологии и педагогической антропологии Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина (Россия, Сыктывкар); **Шабает Юрий Петрович**, доктор исторических наук, профессор, заведующий отделом этнографии Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН (Россия, Сыктывкар)

Редакция журнала:

О. В. Золотарев, М. В. Мелихов, В. В. Муравьев, В. А. Сулимов, И. Е. Фадеева

Ответственный редактор – И. Е. Фадеева

Подписной индекс журнала Е34110, каталог «Почта России» 78782.

Подписка через сайт «Пресса по подписке» www.akc.ru .

Стоимость подписки 618 руб. на полгода.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции 6

ФИЛОСОФИЯ PHILOSOPHY

Мартысюк П. Г. Генезис философских оснований творчества:
от мифа к логосу
Martysiuk Pavel. The Genesis of the Philosophical Foundations
of Creativity: from Myth to Logos 7

Муравьев В. В. Бытие и смерть в религиозной и светской
эсхатологии
Muravyev Victor. Life and death in the religious and secular eschatology 17

КУЛЬТУРОЛОГИЯ CULTUROLOGY

Бондарев А. В. , Сараев А. С. Проблемы восприятия научного
наследия Л. Н. Гумилева: критики и скептики
Bondarev Alexey, Saraev Andrey. Problems of perception of the scien-
tific heritage of LN Gumilyov: The critics and the skeptics 33

Тихомиров С. А. «Нетипичный» человек из эпохи Отечественной
войны 1812 года (опыт междисциплинарного прочтения «новой
биографической истории»)
Tikhomirov Sergey A. «Atypical» people from the era of the War of
1812 (the experience of an interdisciplinary reading «new biographical
history») 62

Худяев А. С. «Сакральное пространство» и «сакральная география»
как семиотические концепты
Khudyaev Andrey S. «Sacred space» and «Sacred geography» as
semiotic concepts 90

Сулейманов А. А. Социокультурные процессы в среде коренных
народов Российской Арктики на рубеже XX–XXI вв. (по материа-
лам научно-исследовательских инициатив в Якутии)

Suleymanov Alexander A. Social and cultural processes in the environment of Peoples of the Russian Arctic at the turn of XX–XXI c. (based on research initiatives in Yakutia) 102

Фельдт И. Н. Образ Русского Севера и образ Арктики в современной культурной политике Архангельской области
Feldt Irina N. Image of the Russian North and Image of Arctic in modern cultural policy of Arkhangelsk region 122

Юдина В. И. Музыкальное пространство провинциального города в проблемном поле художественной урбанистики: типологическая модель и особенности социокультурной стратификации
Yudina Vera I. Musical space of a provincial town in the troubled field of artistic urbanity. Typological model and features of the socio-cultural stratification 135

ПЕДАГОГИКА PEDAGOGY

Быстров А. И. Императив непосредственной понятности: контуры интерсубъективного в образовательном пространстве
Bystrov Alexey I. The imperative of immediate understandability: the contours of the intersubjective in the educational space 148

ФИЛОЛОГИЯ PHILOLOGY

Галуцких И. А. Образные аспекты художественной телесности в семиозисе власти в поэтике постмодернизма: опыт концептуального анализа (на материале английской художественной прозы)
Galutskikh Irina A. Imagery aspects of literary corporeality in the semiosis of power in postmodernist poetics: a conceptual study 158

Гуляева Н. И. Приветствия в форме вопроса в коми языке
Gulyaeva Natalja I. Greetings in the form of a question in the Komi language 178

**МЕТОДИКА
METHODS**

<i>Мигунова С. С.</i> Использование проблемных ситуаций на уроках русского языка (на примере изучения орфографии) <i>Migunova Svetlana S.</i> The use of problem situations on the lessons of the Russian language (on the example of studying spelling)	185
<i>Петунин В. С.</i> Семантика безличного <i>es</i> в функции подлежащего (об одной из трудностей в практической грамматике немецкого языка) <i>Petunin Valentin S.</i> The semantics of the impersonal pronoun <i>es</i> as sentence subject (a difficulty in Practical Grammar of the German language)	197
<i>Гурленов В. М.</i> Психологическая интерпретация требований ФГОС среднего образования. Предмет «Иностранный язык» <i>Gurlenov Vladimir M.</i> Interpretation of the requirements of the Federal State Educational Standard (FCES) of secondary education. The school subject Foreign Language	207
Авторы выпуска	216
Сведения для авторов	218

От редакции

Редакция продолжает публикацию докладов участников **XIX** Международной научной конференции «Семиозис и культура: антропология современности», проходившей в Сыктывкаре 28–29 мая 2015 года на базе Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина.

В выпуск включены следующие статьи и материалы участников конференции:

Бондарев А. В., Сараев А. С. Проблемы восприятия научного наследия Л.Н. Гумилева: критики и скептики; *Быстров А. И.* Императив непосредственной понятности: контуры intersубъективного в образовательном пространстве; *Галуцких И. А.* Образные аспекты художественной телесности в семиозисе власти в поэтике постмодернизма: опыт концептуального анализа (на материале английской художественной прозы); *Гуляева Н. И.* Приветствия в форме вопроса в коми языке; *Мартысюк П. Г.* Генезис философских оснований творчества: от мифа к логосу; *Муравьев В. В.* Бытие и смерть в религиозной и светской эсхатологии; *Сулейманов А. А.* Социокультурные процессы в среде коренных народов Российской Арктики на рубеже XX–XXI вв. (по материалам научно-исследовательских инициатив в Якутии); *Тихомиров С. А.* «Нетипичный» человек из эпохи Отечественной войны 1812 года (опыт междисциплинарного прочтения «новой биографической истории»); *Фельдт И. Н.* Образ Русского Севера и образ Арктики в современной культурной политике Архангельской области; *Худяев А. С.* «Сакральное пространство» и «сакральная география» как семиотические концепты; *Юдина В. И.* Музыкальное пространство провинциального города в проблемном поле художественной урбанистики. Типологическая модель и особенности социокультурной стратификации.

ФИЛОСОФИЯ

П. Г. Мартысюк

Генезис философских оснований творчества: от мифа к логосу

УДК 130.2

В статье исследуется проблема творчества в системе философского знания. В ней представлено формирование и эволюция философского творчества в контексте смены мировоззренческих парадигм (от мифа к логосу). Отмечается, что философское творчество заявляет о себе в процессе обнаружения новых ориентиров знания, а также самосозидания природы познающего субъекта.

Ключевые слова: бытие, миф, логос, познание, сущее, философия, философское творчество, человек.

Martysiuk Pavel. The Genesis of the Philosophical Foundations of Creativity: from Myth to Logos

The article deals with the problem of creativity in the system of philosophical knowledge. It presents the formation and evolution of philosophical creativity in the context of the changing ideological paradigms (from myth to logos). It is noted that philosophical creativity makes itself known in the discovery process of new landmarks of knowledge, and self-creation of the nature of the cognizing subject.

Keywords: existence, myth, logos, cognition, entity, philosophy, philosophical creativity, person.

По мере эволюции познания от мифа к логосу происходит переориентация творческого поиска, вызванного преодолением мифологических гносеологических установок. Философское творчество, направленное на познание мира, перестает ориентироваться на сверхъестественную природу мифа, а начинает фундироваться на интеллектуальных резервах природы познающего субъекта, его способности генерировать рациональную картину мира. Процесс философского познания во многом схож с творческим процессом, так как выводит философствующий ум на новые рубежи постижения бытия. Творческий порыв субъекта философского мировоззрения может быть направлен как внутрь, на духовное самопознание, что приводит к самосозиданию творящего, так и вовне, на познание внешнего мира, что влечет за собой сотворение нового интеллектуального продукта. Познавательные возможности философии являются основой нового знания. В связи с этим философская гносеология в рамках настоящего исследования может быть представлена в качестве одного из инвариантов творчества.

В контексте подобного рода размышлений определенный интерес представляет сравнительный анализ философского и мифологического творчества. Подобный выбор можно объяснить тем, что миф в силу своей первичности является как предтечей, так и источником зарождения философии. Несмотря на это, по мере формирования логоса он редуцирует, утрачивая тем самым свой первоначальный сакральный статус. Не случайно философия традиционно рассматривалась с позиции духовного преодоления мифа, где мудрость выражалась в формах критического осмысления бытия и его рационального доказательства.

В качестве формы мыслительной деятельности философия стремится к рациональному объяснению всего бытия. Но, будучи одновременно выражением мудрости, она обращается к предельным смысловым основам, видит вещи и весь мир в их человеческом (ценностно-смысловом) измерении. Таким образом, философия выступает как теоретическое мировоззрение и выражает человеческие ценности, человеческое отношение к миру.

Одним из векторов творческой направленности мифа, предшествовавшего зарождению философского логоса, является стремле-

ние смоделировать мифологическую картину мира по образу человеческого тела. На основе антропоморфного принципа взаимодействия человеческого деяние и космическое (природное) становление соединяются воедино. «Не случайно, – как отмечает М. Мамардашвили, – одной из первых моделей мира – и в познании и искусстве – была модель человеческого тела, в которой космическими аналогиями и гомологиями мир как целое и разные его части проецировались на целое и части человеческого тела (то есть в целях понимания существенно использовалось описание мира таким, чтобы в нем было место человеку с его заданной духовно-телесной формой)» [2, с. 87].

Мифологическая картина мира представляется как череда изоморфных объектов, к которым можно отнести Вселенную, Землю, территорию племени, социум и самого человека. Все эти объекты пребывают в тесной и неразрывной связи, имея в своей основе «закон участного внимания» и закон «идеального равновесия», а также представление о мире как совокупности мест взаимодействия множества неповторимых и незаменимых живых существ, сопричастных как всему этому миру, так и друг другу и потому ответственных за этот мир и за все его проявления.

Миф предоставляет человеку возможность выйти за рамки своей временной ограниченности, в процессе которой всеобщее «я» становится его собственной «великой реальностью», а «великая реальность» – собственной индивидуальностью. Человек при этом не субъективная мера всех вещей, а личность, мерой которой и становится мифологический универсум. В мифе преодолевается субъектно-объектная форма связи, разделенность человека с миром, порождаемая замкнутостью его на себе, что является источником возникновения иных форм общности свободных индивидов. Миф способен к восполнению и созиданию человеком себя в бытии, в котором для него нет весомых природных оснований. Это объяснимо тем, что в нем есть нечто гораздо большее, чем содержится в поддающемся рациональному осмыслению окружающем мире.

Несмотря на конструктивный потенциал мифа, в нем присутствуют сдерживающие механизмы, привязывающие человека к мифологической реальности и тем самым ограничивающие его позна-

вательные возможности, что, в свою очередь, приводит и к минимизации гуманистической сферы его бытия.

В оценке природы человека и его познавательных возможностей в мифе примечателен изложенный Ф. Ницше разговор царя Мидаса с пойманным Селеном. «Ходит стародавнее предание, что царь Мидас долгое время гонялся по лесам за мудрым Силеном, спутником Диониса, и не мог изловить его. Когда тот, наконец, попал к нему в руки, царь спросил, что для человека наилучшее и наименее предпочтительнейшее. Упорно и недвижно молчал демон; наконец, принуждаемый царем, он с раскатистым хохотом разразился такими словами: «Злополучный однодневный род, дети случая и нужды, зачем вынуждаешь ты меня сказать то, что полезнее было бы тебе и не слушать? Наилучшее для тебя вполне достижимо: не родиться, не быть вовсе, быть ничем» [3, с. 66].

В этой связи имеют особый вес размышления О. Е. Иванова по поводу того, что в рамках мифа «человек не в состоянии вместить в себя мифологическое существо. Оно превышает всякую человеческую меру, подлинно безмерно и потому совпадает с хаотическими безднами космогонических мифов» [1, с. 159].

Человеческие возможности явно ограничены по сравнению с этой безмерностью, и человек не способен вместить в свое бытие бездну, перед которой трепещут даже боги, которая способна поглотить и самые могущественные природные стихии. Он ограничен, бездна же безгранична.

Таким образом, в рамках мифологического сознания утверждается не истинно-сущее, а «блестящее порождение» грез, вызванное «расположением подлинного мира там, где господствуют «страхи и ужасы» существования». С позиции Ницше говорить о «спокойной устойчивости» мифологической эпохи можно лишь с оговорками. Присутствие бездны не может быть устранено из мироощущения, ведь «даже бессмертным богам страшно это чудо». Понятно, что такое самоощущение никогда не может прийти к тождеству самосознания, собраться в единство человеческого «Я», как бы зависающего над пропастью.

Определяя потаенную сферу бытия, миф раз и навсегда лишает человека творческой возможности через овладение миром познать

как свою подлинную сущность, так и сущность окружающего мира. Наряду с этим, являя собой замкнутую картину мира, он также ограничивает сферу познания, определяя нечто завершенное со всех сторон, удерживаемое в известных пределах. Мифологический процесс – это явление такой полноты протекания, своего рода движение, которое исходит из определенного начала, проходит через определенные центры, достигает определенного конца, тем самым замыкая и завершая себя.

Расхождение между философским и мифологическим выражением творческой воли субъекта уже с очевидностью прослеживается в том, что творческий порыв в философии рождается в акте вопрошания. В этой связи философия включает в свой гносеологический конструкт проблемы и попытки дать ответ на поставленные ею вопросы. В отличие от нее миф уже в самом себе содержит определенный ответ, не ставя перед собой вопросов, решение которых становится возможным в рамках философского дискурса. В пределах мифа всякие онтологические высказывания, то есть высказывания о бытии мира, о мире как сущем профанируются, в результате чего оказываются представленными в упрощенных этиологических схемах. Они реальны только в философии, поэтому именно философия способна претендовать на роль онтологии или учения о бытии таковом.

В работе «Диалектика мифа» А. Ф. Лосев уточняет, что «предельно-интенсивной» реальность мифа является лишь для мифологического сознания. К этому следует добавить, что в основе мифологической реальности лежат вещественно-телесные интуиции, являющиеся продуктом мифологического сознания. Философская же онтология призвана установить фундаментальные значения реальности на все времена, выявить возможный для человека максимум ее значения. Таким перманентно реальным оказывается лишь самосознание как предельное состояние субъективности. Однако его реальность не является его собственным достоянием, она оказывается присущей самосознанию лишь потому, что самосознание открыто Сверхсущему. Благодаря Сверхсущему явленные в философском творчестве смысловые формы доводятся до уровня самосознания, обеспечивающего целостность полагаемого смысла.

В пределах мифа всякие онтологические высказывания, то есть высказывания о бытии мира, о мире как сущем, о природе человека оказываются ограничены бытийными возможностями самого мифа и, соответственно, неосуществимы. Человек, следуя трагическому примеру мифического героя Икара, обостренно ощущает допустимые границы своего собственного бытия, а также границы познаваемого им мира. Лишь философия способна претендовать на роль онтологии или учения о бытии как таковом и призвана установить фундаментальные значения реальности на все времена, выявить возможный для человека максимум ее значения.

Если в освоенном пространстве мифа кроме человеческого, зафиксированного в антропоморфной мифологической картине мира, ничего нет, и значит, истина есть сам человек, то в философии круг истинного гораздо шире. Притом увеличение его пространства имеет принципиальный характер. Человек узнает нечто сверх себя и помимо себя. Тем самым расширяются и творческие возможности человека. Перенося центр мировосприятия за пределы ограниченно человеческого, в область сущего как такового, человек вовсе не теряет, а выигрывает, так как раздвигаются пределы пространства его реализации, возникают новые творческие цели, виды деятельности и т.д. Истина вне человека оказывается в этом плане более «человеческой», чем истина по масштабам человека.

Но для того, чтобы мыслящий субъект подвинулся к осмыслению запредельно человеческого, в его сознании должно возникнуть противоречие между положениями мысли и положениями бытия. До тех пор пока мир для человека существует таким, каким он ему кажется, всякое утверждение мысли о мире, очевидно, относится только к миру кажущемуся, и потому всякое утверждение мысли о мире, если только это утверждение согласно с собою самим, всегда и безусловно полагается состоятельным, так что никакого сомнения, а тем более критики мысли в этом случае, очевидно, возникнуть не может. Когда же мир действительный отделяется от мира кажущегося, тогда всякое суждение о мире кажущемся не может быть перенесено на мир действительный без особого оправдания этого переноса в отношении мира действительного, так что для состоятельности мысли о мире в этом требуется уж не одно только

формальное согласие мысли с собою самой, но и согласие ее с действительностью: в этом именно согласии мысли и действительности и полагается истинность философского познания.

Особый характер философского творчества определяет и коренное отличие природы философских понятий от понятий, в которых вещи предстают прежде всего как конкретные, внеположные человеку в их истинно человеческом смысле. К их числу относятся не только мифические представления, имеющие божественную природу, но и, казалось бы, в корне противоположные мифу понятия науки. И там и там, разумеется в различных качествах, вещь находится в центре внимания, а «человеческое дело» – на периферии. В отличие от мифа и науки творческая задача философии заключается в том, чтобы привести сущее к своей подлинной природе, а не вытолкнуть в *несуществование*. Поэтому дистанция философии по отношению к сущему не дистанция-отторжение, но дистанция-связь. Устанавливая в своем знании подлинный статус сущего, она тем самым делает человеческой данностью самое бытие. Будучи одновременно выражением мудрости, философия в своем творческом поиске обращается к предельным смысловым основам, видит вещи и весь мир в их человеческом (ценностно-смысловом) измерении.

Философия открывает новые перспективы, расширяющие горизонты знания до постижения мира самого по себе, как чистого объекта, уже не окрашенного и не искаженного человеческой субъективностью. В этом плане философия рассматривается как преддверие европейской науки, как изначальная концентрация ее основных смыслов. Однако не следует забывать, что важнейшей целью философского творчества является пробуждение в человеке универсального Я и приведение его в соответствие с внешним бытием. В соотношении с предметным миром философия раскрывает это Я как центр познавательной ситуации, вне которой никакие данные опыта, то есть почерпнутое извне предметное содержание, не может стать знанием. Вне философии знание тем самым становится чем-то иным, меняет свою природу и лишь по формальным признакам сохраняет свое присутствие.

Современный европейский человек оказался во всевластии науки, которая создала уже неотторжимое от него «неорганическое тело» – мир современной техники. Думать и расстаться с ним всерьез, наверное, можно было еще во времена Руссо, когда «гуманитарное пространство» было еще достаточно обширным. Не случайно Кант видел заслугу Руссо в том, что тот поставил этику выше всего на свете, в том смысле, что есть некоторые этические достоверности, которые не зависят от прогресса науки и знания. Но они возможны в силу устройства мира. Главное, не считать себя лишним в мире. Сегодня подобная точка зрения утратила свою действенность. Ученый еще хочет, чтобы наука была знанием, выдававшим присутствие человека, но для этого нет иного способа, кроме как вновь вернуться к основе всякого знания – отношению Я и предмета. Но тогда требуется вновь актуализировать чистое, неопредмеченное Я в мышлении. В этой связи возникает потребность в обращении к философии, которая способна решить вполне конструктивную творческую задачу – открыть путь научения идее чистого Я. Знание о чистом Я остается единственным видом подлинного знания.

Благодаря философскому поиску мы возвращаем человека к его подлинной сущности из безличностных форм существования, где он, человек, выносит суждения о мире, нисколько не подозревая об отсутствии необходимого основания, которое, собственно, и делает его таковым. В результате возникает перспектива устранения дефицита личности и приведения ее к чистой форме, абсолютному значению. При этом в процессе творческого роста зачастую происходит самоустранение субъекта с целью последующего достижения органичности восприятия и в конечном счете обретения себя уже на новом уровне. Фактически же устранение происходит в момент творческого озарения, благодаря которому открывается перспектива выхода за пределы своего собственного «я», что приводит к самоизменению субъекта, а также развитию его мировоззрения. Творческий подход субъекта к оценке внешнего бытия, а также его обращенность к духовным аспектам своего существования являются основным мировоззренческим принципом, личностной основой.

Философия рассматривает мир окружающих ее объектов как физического, так и духовного плана под углом зрения конечной цели истории и мироздания. Конечный смысл мироздания или конечный смысл истории является частью человеческого предназначения. А человеческое предназначение заключается в том, чтобы в итоге стать Человеком. Предназначение человека состоит в том, чтобы исполниться по образу и подобию Божьему и тем самым укрепиться в своей духовной природе. Образ и подобие Божье – это символ, соотносимость с которым человек исполняет в качестве Человека. Бог как предельное выражение возможностей человека устраняет исключительно натуралистическую мысль о изначальной заданности его природой и эволюционными процессами, происходящими в ней. Человек непрерывно создается в истории и культуре с участием его самого, его индивидуальных усилий.

Одним из важнейших результатов творческой деятельности принято считать открытия. В особенности это принято относить к науке. Что касается сферы философского творчества, то здесь, как верно заметил О. Е. Иванов, «философские открытия заключаются не в демонстрации, не в знакомстве с сущностями, которые нам были совершенно неизвестны в нашем дофилософском опыте. Они являются... полным осознанием фактов, которые нам уже в той или иной мере известны и важность которых обычно предполагается в наших действиях. Открытие Аристотелем сущности и правил логических умозаключений не означает того, что эти правила до обнаружения его работ были совершенно неизвестны людям и никогда не применялись. Напротив, в определенной степени эти правила были известны всем людям, по крайней мере, имплицитно» [1, с. 124–125].

Философские открытия часто заключаются в некоем ясном, полностью осознанном понимании фактов, возможном благодаря их философскому анализу. Данные факты изначально воспринимаются как известные и добываются из непосредственного соприкосновения с действительностью. При этом философствующий субъект хочет познать объект не для того, чтобы «устранить» его как побежденного, а чтобы глубже и реальнее приобщиться к нему, отмечая его неизменную данность.

Философская креативность стремится к постижению основ бытия путем сотворения параллельного бытия и реальности, пусть и в ущерб эмпирическому. Она идет как бы «внутри», «вглубь». В этом случае новизна имеет персональный, экзистенциальный характер. Причем благодаря онтологичности устремлений в этом типе креативности органично сочетаются гносеологический, эстетический и этический компоненты. В целом философский тип креативности «работает» в духовной сфере деятельности, основным «продуктом» ее можно назвать духовные, трансперсональные ценности.

Философия как стремление человека к познанию себя самого определяет и выражает собою весь процесс духовного развития человека. Так как исходным моментом этого развития служит постоянное противоречие мысли и жизни, основанием же этого противоречия является коренное противоречие между природным содержанием человеческой личности и механической природой физического мира, то человек, естественно, пытается отгадать себя и определить свое положение в мире из познания своих отношений к безусловному бытию Бога. А потому первым и непосредственным содержанием философского мышления является содержание религиозных верований и философия ближайшим образом определяет и выражает собою весь процесс религиозно-нравственного развития человека.

Философское творчество представляет собой акт, в рамках которого происходит не только переосмысление существующего и формирование нового знания об объективной реальности, но также осуществляется процесс закрепления человека в бытии. Реальность для философа – это отнюдь не мир, воспринимаемый нами как нечто внешнее по отношению к человеку, а сложнейшая проблема соединения человека и мира, проникновение человека в мир. В философской деятельности проявляется глубинное творческое стремление человека к непрерывному поиску новых путей решения существующих проблем и к самоутверждению в мире. Философское творчество несет в себе попытки прорыва к нормальному функционированию субъекта в постоянно усложняющемся мире. В философском творчестве не только выявляется всеобщее в системе «мир–человек», но и этой системе также дается определенная ин-

терпретация и формируются новые смыслы. Все это позволяет находить определенный ориентир в совокупности массовых решений, смыслов, заложенных в динамично развивающемся мире.

В целом философское творчество есть процесс выработки исходных, наиболее общих принципов и универсальных форм понимания мира как целого, выступающих мировоззренческими ориентирами в творческой деятельности человека. Оно нацелено на самореализацию и самосозидание мыслящего субъекта, на приведение в соответствие его духовного мира и объективных основ бытия, что в итоге универсализирует знание и придает ему целостный и всеобъемлющий характер.

1. Иванов О.Е. Самосознание как основа метафизики. Опыт введения в философию. СПб.: Церковь и культура, 2002.
2. Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию. М.: Прогресс, 1992.
3. Ницше Ф. Рождение трагедии, или Эллинство и пессимизм // Ф. Ницше. Сочинения : в 2 т. / пер. с нем. Г. А. Рачинского; сост., ред., вступ. ст. и примеч. К. А. Свасьяна. М., 1990. Т. 1. С.47–157.

В. В. Муравьев

Бытие и смерть в религиозной и светской эсхатологии

УДК 2(078)

Эсхатология – учение о конечных целях существования индивида и человечества. В истории культуры сложилось несколько ее типов. В религии и философии в качестве антропологических суператтракторов рассматривались: спасение в загробной жизни; слияние с мировой субстанцией; духовное просветление; построение общества, основанного на священных или научных принципах;

индивидуальное бессмертие; моменты счастья, освещающие жизненный цикл.

Ключевые слова: эсхатология, смерть, воскресение, вечность.

Muravyev V. V. Life and death in the religious and secular eschatology

Eschatology defines final goals of human existence. There were several types of it in history of culture. Religions and philosophies defined such anthropological super attractors as eternal salvation, reunion with the substance of The Universe, spiritual enlightenment, creation of society based on sacred or scientific principles, personal immortality, high lights, individual life happy moments.

Keywords: eschatology, death, resurrection, eternity.

Постижение конечных целей индивидуальной жизни и природы смерти, предсказания будущего человечества – вопросы религиозной и светской эсхатологии. Их решение наделяет существование смыслом, дает возможность определить место человека в чуждом, нередко враждебном мире, в который он заброшен появлением на свет.

Во всех известных культурах имел место вариант понимания смерти индивида как окончательного прекращения психической деятельности, полного исчезновения Я. В основе аргументации критиков иллюзии бессмертия была идея конечности всего существующего. В эсхатологии также сложились учения о временном или вечном продолжении жизни Я, психеи после гибели тела. Воззрения о вечном бессмертии души существовали в двух видах: концепции реинкарнации, в которых допускалась возможность ее возврата к земной жизни, и концепции безвозвратного потустороннего существования душ. В поле второй концепции были предложены следующие модели: а) души умерших продолжают заниматься тем, что делалось их носителем при жизни; б) в потустороннем мире качество существования снижается; в) загробная жизнь лучше предшествовавшей смерти; г) учение о воздаянии. Различные концепции смерти сосуществовали в одних и тех же культурах.

В древних Месопотамии и Китае не сложились систематизированные, связные учения о загробной жизни. Египетская культура породила объемную, сложную и противоречивую совокупность картин потустороннего существования. В ранней иудейской религиозной идеологии преобладающее значение имело понимание естественной смерти как завершения физического и психического бытия индивида. В Индии при возникновении новых концепций смерти прежние включались в них в подчиненном, снятом виде, образуя непротиворечивую идеологическую конструкцию. Зороастризм и христианство, вслед за ними ислам, генерировали последовательные концепции пакибытия, основанные на принципе воздаяния.

Великий Заратуштра положил в основание теодицеи принципы, позволившие объяснить, почему единственный, всемогущий и благой бог допускает существование страданий в созданном им мире. Ахура Мазда пожелал наделить людей свободой выбора добра или зла. Выбор предполагает ответственность, воздаяние в потусторонней жизни: «Обе стороны, о Мазда, – и последователи истины, и лживые, – предстанут перед сияющим божественным Огнем Твоим, и огненное испытание это раскроет судьбу каждой из сторон, являя награду Твою! Полное крушение будет участью лживых, последователи же истины пожнут добрые плоды благословения Твоего!» [4, 51: 9]. Идеи воскресения и воздаяния в существенно не различающихся интерпретациях стали основой христианской и мусульманской эсхатологии.

В «Евангелии от Иоанна» читаем: «Не дивитесь сему: ибо наступает время, в которое все, находящиеся в гробах, услышат глас Сына Божия. И изыдут творившие добро в воскресение жизни, а делавшие зло в воскресение осуждения» [1, Ин. 5: 28–29]. В Священном Коране сказано: «Когда наступит День воскресения, и люди увидят его ужасы, никто из них не сможет говорить без разрешения Аллаха. В этот День люди разделятся на две части: неверные, которые будут несчастными из-за мучительного наказания, и верующие, которые будут счастливыми благодаря благополучию в будущей жизни» [9, 11: 105].

Отличия в толковании идеи оживления умерших существовали в понимании способов воскресения и его сроков. Также обсуждался вопрос о том, будет ли наказания заблудших вечным.

Как воскреснут умершие: телесно или духовно? В зороастризме считалось, что последователи истины, артовцы увидят собственную душу в загробном мире в образе юной девушки. Апостол Павел полагал, что индивид возродится к новой жизни только психически, духовно: «Но скажет кто-нибудь: как воскреснут мертвые? и в каком теле придут? Сеется тело физическое – воскресает тело духовное. Но скажу вам братия, что плоть и кровь не могут наследовать Царствия Божия, и тление не наследует нетления» [1, 1-е Кор. 15: 35, 44, 50]. Евангелист Матфей писал о всестороннем воскресении, духовном и плотском. В частности, воскрешенные будут обладать зубами, которых не может быть у души: «И ввергнут их в печь огненную; там будет плач и скрежет зубов» [1, Мф. 13 : 50]. О телесном возрождении мертвых говорилось во многих аятах Корана: «Эта кипящая вода будет проходить в их утробы, растапливая то, что внутри, так же как растапливается их кожа» [9, 22: 20]. Обитатели рая и ада нуждаются в пище, в раю существует брак: «Сверх этого воздаяния, Мы сочетаем их браком в раю с черноглазыми, большеокими, от чрезмерной красоты которых глаза придут в изумление» [9, 44 : 54].

В размышлениях о сроках воскресения в христианстве и исламе наметились две тенденции. В рамках первой утверждается, что оно происходит сразу после того, как завершается земная жизнь. В притче о богаче и нищем оба воскресли до наступления конца света: «Умер нищий и отнесен был Ангелами на лоно Авраамово; умер и богач, и похоронили его; И в аде будучи в муках, он поднял глаза свои, увидел вдали Авраама и Лазаря» [1, Лк. 16: 22–23]. В «Откровении» после второго пришествия оживают мученики: «души обезглавленных за свидетельство Иисуса... ожили и царствовали со Христом тысячу лет» [1, Откр. 20: 4]. Для всех остальных новая жизнь и суд наступают через тысячелетие: «Прочие же из умерших не ожили, доколе не окончится тысяча лет... Тогда отдало море мертвых, бывших в нем, и смерть и ад отдали мертвых, которые были в них; и судим был каждый по делам своим» [1, Откр 20: 5, 12].

В древнеегипетской религии и зороастризме считалось, что те, кто не получил оправдания на суде богов, умирают снова и окончательно. В завершающей книге Библии также повествуется о второй смерти грешных. Ада как вечного наказания нет: «И смерть и ад повержены в озеро огненное. Это – смерть вторая. И кто не был записан в книге жизни, тот был брошен в озеро огненное» [1, Откр. 20: 14–15]. В суре «Худ» сообщается о вечном наказании несправимых грешников: «Они будут пребывать там вечно, пока существуют небеса и земля. Они выйдут оттуда только тогда, когда Аллах пожелает вывести их, чтобы подвергнуть их другому наказанию» [9, 11: 107].

В буддизме махаяны, католическом учении о чистилище, исламе признавалась возможность временного пребывания воскресших в местах потусторонних мучений. Священный Коран повествовал: «Непокорных же из верующих Аллах не допустит сразу войти в рай, а пожелает, чтобы они остались в огне на определённый им срок, расплачиваясь за свои грехи. После этого они войдут в рай» [9, 11: 108].

Не все дочери и сыны человеческие рождались для смерти. Даосская алхимия указывала последователям пути обретения личного бессмертия. Некоторые иудейские пророки были взяты на небо живыми. Христианский апостол писал: «Говорю вам тайну: не все мы умрем, но все изменимся» [1, 1-е Кор. 15: 51].

Тема смерти занимала одно из ведущих мест в духовной культуре Индии. Однако ей, как событию индивидуального бытия, индийцы не придавали такого драматического значения, как древние египтяне. «Не следует желать смерти, не следует желать жизни», – учил Ману [7, 6: 45]. Посмертные обряды и культ предков были в Индии намного более скромными, чем у египтян, а картины загробной жизни – менее определенными.

Считалось, что смерть не всегда была тенью, неизбежно сопровождавшей людей. В начале мира не было ни смерти, ни бессмертия [16, X, 129, 2]. Первые люди Критаюги имели возможность во все не умирать и наполняли землю. Смерть была учреждена потому, что людей стало слишком много. Как в Месопотамии, она возникает как способ разрешения проблемы перенаселения. Смерть

первоначально отказывалась от порученного ей Брахмой уничтожения людей, не желая быть источником страданий тех, кто теряет близких. Работа Смерти для нее (или для него, когда смерть выступает как мужское божество – спутник Ямы) – это неприятная обязанность. Смерть не испытывает злорадного удовольствия, когда приходит за человеком. Поэтому в древнеиндийской культуре не наблюдается негативного отношения к ней. Образ скелета с косой в черном балахоне как олицетворение смерти не выглядит подходящим для Индии. Следовало отнести к приходу смерти, как оправданному старостью, болезнью, полученным в сражении ранением, несовершенством жизни или тем, что на земле есть другие люди, нуждающиеся в ее ограниченных ресурсах.

Представления индийцев об участии умерших изменялись с течением времени существования их цивилизации. В Ведах сказано о том, что они с помощью Агни попадают в обитель первого умершего – Ямы, находившуюся в высших слоях неба, если при жизни должным образом выражали почтение богам:

*Кто подает сладкое блюдо,
готовит мягкое ложе в жилище своем,
Жертвует живое жертвенное животное,
Тот попадает в высшую часть неба.*

[15, I, 31, 15]

Каких-либо определенных указаний на потусторонние наказания, существование мест мучений для мертвых в Ведах нет.

В Брахманах посмертная участь человека тоже определялась его отношением к соблюдению религиозных традиций. В X мандале Ригведы содержалось предположение о посмертном суде, оценке богами содержания прожитой покойным жизни и воздаянии, говорилось о взвешивании хороших и плохих поступков умершего:

*На какой тайной мысли сходятся
Боги, не знаем мы этого.
Митра, Адити, бог Савитар пусть
Провозгласят нам там невиновными!*

[16, X, 12, 8]

Явные свидетельства возникновения учения об аде появляются в «Бхагавад-гите» и других разделах «Махабхараты»: «Отделив-

шись от тела, душа не погибает; зря говорят невежды, что она умирает. Душа переходит в иную телесную оболочку... Добрые деяния приводят ее к богам, смешанные – к людям, нечестивые – к животным, а греховные – в ад» [12, с. 421]. Места наказания умерших грешников помещены под землей на нижнем уровне мироздания. Там протекает река огня и крови, в которую попадает часть грешников. Другие обитатели ада мучаются от того, что погружены в раскаленный песок, висят на деревьях с шипами вместо листьев, их грызут собаки и черви, они горят в огне, лишены пищи и воды. Страдания очищают души неправедных людей. Со временем, освободившись таким образом от последствий предосудительных поступков, эти души могут быть переведены в небесные миры.

Добродетельные люди, находясь в местах блаженства, наслаждались там обилием пищи, доброжелательностью и ласками прекрасных существ противоположного пола и прослушиванием музыкальных произведений. Некоторые люди, неукоснительно следовавшие принятым обетам, попадали в небесные миры живыми [12, с. 487].

Уже в Ригведе встречались стихи, в которых содержались предположения о возможности повторного рождения умершего. Их можно рассматривать как зачатки учения о реинкарнации:

*Соединись с отцами, со(единись) с Ямой,
С жертвами и (добрыми) деяниями на высшем небе!
Оставив все греховное, снова возвращайся домой,
Соединись с телом, полный жизненной силы!*

[16, X, 14, 8]

В законченном, целостном виде доктрина переселения душ представлена в Упанишадах и «Бхагавад-Гите». В них описывается действие закона *кармы*, согласно которому мысли и поступки человека, совершенные в прошлых жизнях, определяют его положение в последующих, и также то, что испытывает душа в перерывах между рожденьями. Особое значение придавалось предсмертному духовному состоянию индивида. Его последние размышления и желания оказывали воздействие на качество жизни в последующем рожденьи. В этих произведениях также выражена идея о возможности

окончательного освобождения души от *сансары*: избавившийся от желаний больше не рождался и не умирал [2, IV, 4, 7].

Источником жизни Упанишады называют индивидуальный Атман, душу. Смерть наступает, когда Атман покидает тело человека: «И как эта повозка, оставленная вожатым, не движется и не издает звука, так и это [тело], оставленное познающим Атманом, не говорит, не ходит, даже не дышит – оно гниет, [к нему] сбегаются псы, слетаются вороны, спускаются коршуны, [его] стремятся пожрать шакалы» [8, с. 651].

Атман – пронизывающая, наполняющая мир духовная субстанция, частицы которой проникают в тело человека, поддерживая в нем жизнь и проявляясь в виде психической деятельности. Индийские мыслители избегали строгих дефиниций Атмана, используя при его описании аналогии и негативные определения: «Он, этот Атман, [определяется] так: «Не [это], не [это]». Он непостижим, ибо не постигается, неразрушим, ибо не разрушается, не прикрепляем, ибо не прикрепляется, не связан, не колеблется, не терпит зла» [2, IV, 5, 15]. Подобные негативные определения, содержавшие круги, давали и Брахману – мировой субстанции, объективной стороне единого Брахмана – Атмана, соединение с которым и растворение в нем – конечная и высшая цель индивидуальной души.

Человеческий индивид является временным собранием элементов, соединенных Атманом. С наступлением смерти это единство распадалось, и заимствованные элементы возвращались вселенной: «...речь этого умершего человека входит в огонь, дыхание в ветер, глаз – в солнце, разум – в луну, ухо – в страны света, тело – в землю, Атман – в пространство, волосы на теле – в травы, волосы на голове – в деревья, кровь и семя попадают в воду» [2, III, 2, 13]. Атман уходил из человеческого тела через глаза, голову или другие части [2, IV, 4, 2].

Душа неуничтожима, как боги, материальная природа и время: «Для души не существует ни рождения, ни смерти. Она никогда не возникала, не возникает и не возникнет. Она – нерожденная, вечная, всегда существующая, изначальная. Она не уничтожается, когда погибает тело» [3, 2: 20]. Меняются лишь формы существования души, богов, и природы. Хотя душа – частица духовного нача-

ла, она, подобно египетской Ба, имеет некоторые материальные качества. Души умерших едят, мучаются от боли в аду, способны получать любовные наслаждения. Они имеют размеры, хотя и небольшие. Размер частичек души равен одной десятитысячной части кончика волоса.

Души индивидуальны. В них сохраняется самосознание умершего, его Я, личность. При новом рождении, обретении очередного тела образы прошлой жизни исчезали из сферы сознания. Сохранялся лишь страх будущей новой смерти, обусловленный опытом пережитых прошлых смертей. У тех, кто достигал успехов в медитации, воспоминания о прошлых жизнях начинали всплывать в памяти.

Доктрина переселения душ не стала отрицанием ведических представлений о царстве умерших, где правил Яма. Соответствующие идеи Вед были включены в учение Упанишад и «Бхагавад-Гиты» в качестве подчиненного элемента. Считалось, что души умерших находились в местах наказания в течение определенного времени, соответствовавшего совершенному при жизни злу. Период их пребывания в обителях блаженства зависел от числа прожитых лет добродетельной жизни. В потустороннем мире время не останавливалось. С завершением определенных его отрезков души умерших возвращались к земной жизни, испытывая новые рождения и получая новые тела. Даже боги, включая самого Брахму, умирают и рождаются, хотя периоды их жизни и смерти намного продолжительнее, чем у людей [3, 8:17].

На основе идей реинкарнации мудрецы Упанишад и Гиты, Махавира Джина и Будда развивают учения об освобождении, путях выхода из замкнутого цикла рождений и смертей: «Мудрые, отдавая себя преданному служению господе, освобождаются от цепей кармы и круговорота рождения и смерти и достигают состояния, неподвластного страданию» [3, 2: 51]. Таким образом, в целом для умирающего определены четыре возможных варианта посмертного пути: «Одни возвращаются в материнское лоно, делающие зло попадают в преисподнюю, праведники – на небо, лишённые желаний достигают нирваны» [6, с. 130].

Метафизическим основанием учения о выходе души за рамки действия законов материального мира являлась принятая в духовной культуре Индии оценка создания этого мира. Творение Вселенной понималось индийскими мыслителями как нарушение первичного единства, абсолютной внутренней неразличимости Брахмана. Слияние индивидуальной души с Брахманом рассматривалось в качестве одного из моментов процесса восстановления нарушенной творением целостности субстанции бытия. В буддизме негативность определений Брахмана достигла предела и сам он (а если следовать индийскому языку – Оно) отождествлялся с Пустотой. Переход души в Ничто, нирвана понималась поэтому как освобождение от иллюзии существования. Для буддизма индивидуальная душа является фиктивным единством элементов потока психических состояний. Поэтому путь к освобождению предполагал осознание ошибочности мнения о ее реальном существовании. Буддисты, в отличие от авторов «Бхагавад-гиты», не рассматривали метемпсихоз как переход неизменного «Я» от одного тела к другому. Они сравнивали переселение с тем, как энергия движения передается от одного катящегося шара к другому или как огонь гаснущей свечи зажигает новую. У джайнов мокши это состояние очищения души от как бы налипшей, приставшей к ней тонкой материи кармы. Когда душа очищается от кармы, она становится богом.

В ведических религиях конечной целью бытия считалось слияние с субстанцией мира, завершение индивидуального существования, когда исчезало разделение субъекта и объекта. Мокши, нирвана аналогичны задуванию свечи. Растворение души в Брахмане подобно растворению соли в воде. При этом действие закона кармы прекращалось.

С древности по настоящее время появлялись религиозные и философские школы, провозглашавшие конечной целью человеческого существования духовное просветление. К этому направлению эсхатологии можно отнести стоицизм, гностицизм, чань-буддизм, движение трансцендентальной медитации. Последователи этих учений искали пути внутренней трансформации, ведущей к иному восприятию себя и мира, избавлению от иллюзий, состоянию, в котором душа переполняется радостью, удовлетворением и покоем. В

XX столетии в русле эсхатологии просветления возникла сайентология, последователи которой есть во многих странах, включая современную Россию.

Сайентологическое учение основано на принципе выживания. Человек стремится выжить как организм, дух, имя в его детях. Он стремится обеспечить выживание групп, к которым принадлежит и человечество в целом.

Абсолютное выживание, вечность, бессмертие – суператтрактор для Я и человечества. Движение к нему осуществляется по четырем направлениям. Первое – стремление индивида к личному выживанию. Второй путь – выживание путем размножения (брак, семья, забота о детях). Третье направление – стремление обеспечить выживание социальных групп, подсистем взаимодействий, элементом которых выступает личность. Такой группой может быть этнос, государство, трудовой коллектив, конфессия, политическая партия, соседская община. Четвертая линия активности – действия, обеспечивающие сохранение, выживание человечества как рода [17, с. 26–27]. Индивид в состоянии духовного равновесия предпринимает усилия, способствующие выживанию по каждому из четырех указанных направлений. Его моральным принципом выступает золотое правило сайентологии: «Делай другим то, что ты хотел бы, чтобы другие делали тебе»!

Динамика – энергия, стремление жить, настойчивость в выживании. Потенциальная ценность человека и группы определяется показателем интеллекта, умноженного на динамичность. Препятствия на путях выживания – сапрессоры. Сапрессор – то или тот, что приносит вред, мешает выживанию, унижает, делает неуверенным. Его воздействие на психику отражается в инграмме – бессознательном образе, реактивной психической программе. Проявления инграмм – состояния бессознательности, содержащие физическую боль и негативные эмоции. Инграммы не поддаются осмыслению.

Инграммы являются препятствиями к выживанию. Они рассеивают жизненные силы, подавляют интеллект, вводя в сознание неверную или неправильно оцениваемую информацию. Инграммы – источники психосоматических болезней и аберраций. Абберрация есть ненормальное, нерациональное поведение. Она снижает по-

тенциальную ценность субъекта и ведет к смерти. Сайентологическая практика – одитинг – психоаналитические процедуры, позволяющие обнаружить индивидуальные инграммы и нейтрализовать их. Одитинг – совершенствование интеллекта и динамики с целью повышения способности к выживанию. Их реализация и ведет к просветлению, преодолению препятствий на пути к цели абсолютного выживания, достижению успехов, получению удовольствий.

Эсхатология просветления допускала возможность достижения высших ценностей существования в земной, а не загробной жизни. Идея воскресения мертвых не была универсальной для религиозной идеологии. Существовали религии, в которых она отсутствовала. Большая часть текстов иудейского «Танаха» показывала смерть как переход в небытие, полное прекращение существования организма и личности. Душа живого существа исходит из тела с кровью [1, Левит 17: 14]. Эти описания соответствовали начальному замыслу Бога, который выслал людей из Эдемского сада, чтобы они не могли жить вечно. Иегова не обещал, что к вопросу о бессмертии когда-нибудь можно будет вернуться или что человеку дается шанс вернуться в рай в виде духовной сущности: «И сказал Господь Бог: вот Адам стал как один из Нас, зная добро и зло; и теперь как бы не простер он руки своей, и не взял также от дерева жизни, и не вкусил, и не стал жить вечно. И изгнал Адама, и поставил на востоке у сада Едемского херувима и пламенный меч обращающийся, чтобы охранять путь к дереву жизни» [1, Бытие 3: 17, 23–24]. Поэтому древнееврейские тексты отвергали культ предков. «Не обращайтесь к вызывающим мертвых», – наказывал Бог Моисею [1, Левит 19: 31]. Как известно, Саул нарушил это предписание, посетив аэндорскую волшебницу, занимавшуюся некромантией. Лишь в книгах Исайи [1, Исаия 25: 8] и Даниила упоминается победа человека над смертью. При этом Даниил писал, что воскреснут многие, но не все. Некоторые из воскресших обретут вечную сияющую жизнь. Другие восстанут из праха, чтобы понести наказание [1, Даниил 12: 2–3]. Даже во времена Иисуса Христа саддукеи отрицали возможность возврата мертвых к жизни: «Ибо саддукеи говорят, что нет ни воскресения, ни Ангела, ни духа, а фарисеи признают и то и другое» [1, Деяния 23: 8].

Если нет воскресения, то награды Бога, благополучие, счастье можно получить лишь в земной жизни личным правильным поведением и устройением общества всеобщего благоденствия. Такое общество основано на священных принципах. Ему присущи определенные атрибуты: оно натурально, «от мира сего», своего рода земной рай. Во-вторых, общество благоденствия появится в будущем. Далее, эта социальная система имеет совершенное управление. Ею руководит совершенный, мудрый правитель, следующий воле Неба, а не собственным планам: «Лучший правитель тот, о котором народ знает лишь то, что он существует» [5: 17]. В идеальном обществе, в отличие от обычного, должны быть реализованы священные идеалы социальной справедливости: «Небесное дао отнимает у богатых и отдает бедным то, что у них отнято» [5: 77]. Поэтому в управлении населением нет необходимости прибегать к насилию: «Если выдвигать справедливых людей и устранять несправедливых, народ будет подчиняться. Если же выдвигать несправедливых и устранять справедливых, народ не будет подчиняться» [10, 2: 19]. Счастливые граждане общества мечты доброжелательны и полезны друг другу: «Небо непременно желает, чтобы люди взаимно любили друг друга и приносили друг другу пользу, но небу неприятно, если люди делают друг другу зло, обманывают друг друга... Это видно из того, что небо придерживается всеобщей любви и приносит всем пользу» [14, с. 180].

В светской эсхатологии допускалась возможность создания совершенного общества без участия потусторонних сил. Исследования и гуманистические идеалы К. Маркса стали основой программы создания материально-технической базы коммунизма, которая обеспечит изобилие материальных и духовных благ. От распределения по труду общество будущего перейдет к распределению по потребностям. Освоение океанов и космоса, развитие науки дадут возможности решения глобальных проблем, прогресса производства и потребления, бессмертия человеческой цивилизации.

Последователи теории «невидимой руки» сочли эти планы утопическими. Невозможно планировать будущее, только стремление каждого к личному обогащению и благоденствию естественным образом приведет к процветанию общества в целом.

Индивидуальное объективное бессмертие в светской эсхатологии рассматривалось как иллюзия. Не было эмпирических и научных оснований полагать, что индивидуальное мышление продолжает существовать после смерти тела, поскольку смерть разрушает организацию мозга.

Если признать, что кончина навсегда уничтожает личность, Я, самосознание, то надежды и тревоги, любые действия, имеющие целью угодить умершему или обеспечить себе хорошее место на том свете, нельзя принимать всерьез. Значит, надо стараться брать все от досмертного существования. Мертвые не знают о своей славе или позоре, смерть всех уравнивает: «Умирает и десятилетний, и столетний; умирают и добродетельный, и мудрый; умирают и злой, и глупый... Разложившиеся кости одинаковы, кому известно различие между ними? Поэтому следует наслаждаться, пока живы» [18, с. 216]. По сообщениям некоторых авторов, египтяне перед началом пира демонстрировали гостям маленький деревянный гроб с кукольным мертвецом в виде мумии и говорили: «Взгляни на него, а потом пей и наслаждайся, ибо после смерти ты станешь таким же, как он» [13, с. 98].

Наблюдая за работой смерти, размышляя о направлениях ее ударов, люди пытались определить, почему выбор падает на того или другого, как надо встретить ее, следует ли относиться к смерти как абсолютному злу. В добуддистском Китае считалось, что смерть окончательна, она наступает один раз. Ее действие избирательно. Люди с выдающимися достоинствами умирают раньше [14, с. 177].

Людям свойственно бояться смерти. Поэтому тот, кто обладает правом и силой лишать жизни, использует этот страх, манипулируя людьми и вынуждая их подчиняться. Способность преодолеть страх смерти делает человека свободным. Не изменить своим принципам даже перед лицом смерти – одно из качеств незаурядной личности. Случается, что умереть предпочтительнее, чем вести мучительное существование: «Целостная жизнь занимает первое место, ущербная жизнь – второе место, смерть – третье место, а жизнь под гнетом – последнее место» [11, с. 292]. Не нужно торопиться умереть, но ни к чему изворачиваться, теряя лицо, и пытаться замедлить

приближение кончины любой ценой. Если человек остается спокойным, находясь под угрозой гибели, смерть может отступить. Китайские полководцы учили, что исход боя решают солдаты, поставленные в самое опасное место сражения. Значит, в силах человека преодолеть боязнь погибнуть, бороться со смертью и победить ее.

А. Маслоу утверждал, что счастье обретается в сфере индивидуального сознания, а не в боге, потустороннем мире или священных книгах. В натуральном мире невозможно быть счастливым всегда. Но в жизни каждого есть моменты, минуты счастья, *high lights of life* – общение с детьми, состояния религиозного экстаза, восхищение природой или музыкой, любовные переживания. Они надеются существование смыслом, освещают наш жизненный путь.

В материалистической эсхатологии принято считать, что естественное течение возрастных изменений необходимо завершается переходом в ничто. Смерть рассматривается как прекращение объективно реального бытия. Наука не принимает всерьез утверждений о загробном существовании мертвого, он не является демографическим объектом. Однако ушедшие из жизни люди остаются в поле зрения религии. Они продолжают взаимодействовать с живыми, оставаясь их родственниками, единоверцами, советчиками, покровителями или недоброжелателями. Исследование показывает, что разнообразные мифы, предположения и учения о природе смерти были самыми многочисленными в истории духовной культуры. Рождены сыны и дочери человеческие для счастья или страданий, что ждет их за порогом натурального жизненного цикла, возможно ли индивидуальное и коллективное бессмертие – темы, исследованные в надежде отыскать способы избавления от зла, хаоса, бессмысленности натурального мира с помощью естественных или потусторонних сил.

1. Библия. Книги Ветхого и Нового Завета. М.: Издание Московской Патриархии, 1990.

2. Брихадараньяка упанишада // Упанишады. М.: Восточная литература РАН, 2000. С. 17–172.

3. Бхагавадгита / пер. с санскрита, исслед. и примеч. В. С. Семенцова; предисл. Г. М. Бонгард-Левина. 2 изд-е, испр. и доп. М.: Восточная литература РАН, 1999.
4. Гаты: Святыи Гимны Заратуштры. Минск: Юнипак, 2004.
5. Дао дэ цзин // Древнекитайская философия : в 2 т. М.: ПринТ, 1994. Т. 1. С. 114–138.
6. Дхаммапада // Антология мировой философии : в 4 т. М.: Мысль, 1969. Т. 1. Ч. 1. С. 129–133.
7. Законы Ману. Манавадхармашастра. М.: ЭКСМО-Пресс, 2002.
8. Из Чхагалея упанишады // Упанишады. М.: Восточная литература РАН, 2000. С. 651–661.
9. Коран / пер. И. Ю. Крачковского. Ростов-н/Д: Феникс, 2001.
10. Лунь юй // Древнекитайская философия : в 2 т. М.: ПринТ, 1994. Т. 1. С. 139–174.
11. Люй-ши чунь цю // Древнекитайская философия : в 2 т. М.: ПринТ, 1994. Т. 2. С. 284–310.
12. Махабхарата. Книга третья. Лесная (Араньякапарва) / пер. с санскрита, предисловие и комментарий Я. В. Васькова и С. Л. Невелевой. М.: Наука, 1987.
13. Монте П. Египет Рамзесов. М.: Наука, 1989.
14. Мо-цзы // Древнекитайская философия : в 2 т. М.: ПринТ, 1994. Т. 1. С. 175–200; 225–247.
15. Ригведа. Мандалы I–IV / пер. и комм. Т. Я. Елизаренковой. М.: Наука, 1989.
16. Ригведа. Мандалы IX–X / пер. и комм. Т. Я. Елизаренковой. М.: Наука, 1999.
17. Хаббард Л. Рон. Дианетика. М.: Нью Эра, 1999.
18. Ян Чжу // Древнекитайская философия : в 2 т. М.: ПринТ, 1994. Т. 1. С. 212–224.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

А. В. Бондарев, А. С. Сараев

Проблемы восприятия научного наследия Л. Н. Гумилева: критики и скептики

УДК 130.2+001.8:001.98

В статье рассматриваются варианты системного непонимания историко-культурологического творчества Л.Н. Гумилева. Авторы на большом текстовом материале показывают, что ошибочное понимание и ложные интерпретации работ Гумилева обладают преемственностью. Выделение аутентичной философской мысли Гумилева является важным вкладом в современное гуманитарное знание.

Ключевые слова: Гумилев, интерпретация, преемственность ошибок, историко-культурный контекст.

Bondarev A.V., Saraev A.S. Problems of perception of the scientific heritage of LN Gumilyov: the critics and the skeptics

The article deals with the methods and systemic misunderstanding of historical and cultural creativity L.N. Gumilyov. Authors on the large text material show that misunderstanding and false interpretations of works Gumilyov has its own continuity. Isolation of an authentic philosophical thought ENU was an important contribution to the modern humanities.

Keywords: Gumilyov, interpretation, continuity errors, historical and cultural context.

Имя Льва Николаевича Гумилева (1912–1992) известно представителям самых различных областей науки от физики до психологии – настолько многогранно его научное наследие. Но прежде

всего Л. Н. Гумилев – историк, причем в самом широком значении слова: историк-востоковед, историк России, теоретик истории, историко-географ, археолог. Сам Гумилев предпочитал называть себя этнологом, что оправданно, если воспринимать этнологию как теоретическую науку, отличая ее от описательной этнографии. Двойственность терминологии породила недоразумение, когда многие апологеты стали называть Гумилева единственным «основателем этнологии», дав критикам дополнительный аргумент для нападок¹.

В своих неизменно междисциплинарных работах Гумилев решал те или иные задачи, опираясь на достижения как гуманитарных, так и естественных наук. К изучаемому материалу он всегда подходил многосторонне, в зависимости от решаемой исследовательской задачи меняя угол зрения и степень приближения, сочетая гуманитарные и естественно-научные методы исследования². Простого же читателя неизменно привлекал легкий язык, свойственный всем без исключения книгам Гумилева³ и делавший доступными, а главное, интересными сложнейшие и скучнейшие для непосвященных научные проблемы. Не меньшее значение имели оригинальность постановки задач, свежесть тем, неординарность названий, так и приглашавших читателей отправиться вместе с автором на поиски никогда не существовавшего христианского царства «пре-свитера Иоанна», следов хазар на Нижней Волге и Северном Кавказе или же «фактора X», приводящего в движение целые народы.

¹ Так, В. А. Шнирельман не без иронии отвечал на это, что Гумилев как основатель этнологии «не провел ни одного полевого этнографического исследования и игнорировал огромный массив этнографических материалов» [1, с. 3]. Справедливости ради заметим, что то же с полным правом можно сказать и об академике Ю. В. Бромлее – создателе официальной советской теории этноса, заведовавшем главным этнографическим институтом, но не занимавшимся собственно полевыми этнографическими исследованиями.

² Обоснования методологических подходов даны в статьях [2], [3].

³ С.Б. Лавров считал, что первые работы Гумилева «отчаянно трудны, даже если украшены нарочито публицистическими названиями глав. Они загромождены трудно воспринимаемыми именами, названиями, этнонимами, калейдоскопом дат» [4, с. 224]. Мнение это, подхваченное В. Н. Деминим, помогло ему обнаружить в книге Гумилева «Хунну», написанной «далеко не в лучших традициях научной литературы», «тучи канцелярских оборотов и наукообразных выражений» [5, с. 125]. Странно, но говорится это о монографиях, которые по определению не должны быть популярными, притом что одним из главных недостатков первых работ Гумилева критики считали именно их легкий литературный стиль.

Последнему Гумилев дал бессмертное имя – *пассионарность*. Даже критики не могли не признать важности открытия этого феномена. Так, например, известный востоковед И.М. Дьяконов отмечал, что «явление это имеет огромное, часто ключевое историческое значение, хотя до сих пор проходило для историков незамеченным» [6, с. 226].

Тем не менее ни широкая известность работ, ни заслуживающие уважения факты биографии не гарантировали автоматического признания заслуг Л. Н. Гумилева как ученого. Личность и идейное наследие Л. Н. Гумилева по-прежнему вызывают самое неоднозначное отношение и прямо противоположные оценки: от признания его великим ученым до представления о нем как о фантазере и лжеученом. Часто приходится слышать, что Гумилев – не историк и вообще не ученый, а «сознательный фальсификатор», «лукавый мифотворец», «полуграмотный обманщик», «свихнувшаяся жертва сталинского режима», «расист», «антисемит» и к тому же «русский националист». Приходится слышать и читать, что Гумилев, если и имел образование, то оно ограничивалось неполным курсом исторического факультета, а все остальное – «лагерные университеты». Причем заведомо предполагается, что ничего путного из такого «образования» не могло получиться. Подобные характеристики касаются не только работ Гумилева по этногенезу, но и востоковедческих, о которых говорится, что основаны они лишь на переводах, причем устаревших, поскольку их автор якобы не знал ни одного восточного языка, не владел элементарными приемами источниковедения и просто выдумывал факты на каждом шагу. Для научной среды эти представления стали столь очевидными истинами, что до сих пор нет ни одного серьезного анализа конкретно-исторических работ Л. Н. Гумилева [7, с. 27]¹.

Полярность суждений очевидна, и ее нельзя признать нормальной. Более 20 лет, прошедших со времени смерти Гумилева, вполне

¹ Заметим, что и В. А. Коренько, будучи археологом, специализирующимся на кочевниках Великой степи, сам отмечает отсутствие «нормальной, подробной и системной историографической критики сочинений Л.Н. Гумилева», однако вместо преодоления этой лакуны он посвящает основную часть своей статьи декларативному и малоубедительному «низведению» пассионарной теории.

достаточно, чтобы поставить хотя бы основные задачи и проблемы изучения его наследия и расставить соответствующие акценты. Вместо этого мы имеем на одном полюсе «великого ученого, гения», на другом – «дилетанта, неученого, фантазера». Можно было бы вообще усомниться в необходимости подобных изысканий, как и в значимости личности Гумилева. Но это не так, интерес к научному наследию Л. Н. Гумилева огромен, а публикации о нем идут одна за другой.

Представляется чрезвычайно важным попытаться объяснить причины столь резкого расхождения в оценках исследователей, постараться понять причины значительной популярности и востребованности идейного наследия этого неординарного ученого. Необходимо при этом учитывать, что многогранность и неоднозначность его творчества, а также неординарность его личности породили немало мифов, превратно переданных слухов, идеологических обвинений и субъективных предубеждений, часть которых мы уже перечислили. Все это делает весьма непростой задачу адекватного понимания того, что хотел донести до нас Л.Н. Гумилев, какова была его миссия в науке и т.д.

Особенности критики. В сознании большинства критиков Л. Н. Гумилев предстает неким *enfant terrible* советской и постсоветской историографии. Нормой стало упоминание его в одном ряду с дилетантами, а хорошим тоном для серьезных исследований – игнорирование его работ вообще и сознательное исключение их из перечня использованной литературы. Для того чтобы окончательно скомпрометировать работы Гумилева, некоторые критики используют самые недостойные способы ведения полемики: метод передергивания цитат, недобросовестного выдергивания из контекста отдельных фраз, метод «унижающего сопоставления» (с А. Фоменко, А. Розенбергом и даже А. Гитлером!), метод «додумывания» хода мысли за автора или вовсе приписывания чуждых критикуемому ученому идей и высказываний (отсюда и берутся новые мифологемы и ярлыки – «фантазер», «не ученый», «сказки дедушки Гумилева»). Эти методы составляют лишь часть более обширных технологий по дискредитации Л. Н. Гумилева, его личности и идей. Спорить с такими авторами, использующими в качестве

доказательств и аргументов лишь ложь, подтасовки и оскорбления, разумеется, бессмысленно. *«Я не против критики, – неизменно подчеркивал Гумилев, – тем более если она конструктивна. А вот дискредитация сильного всегда была уделом слабых и корыстных...»*.

Постепенно вокруг имени Л. Н. Гумилева создалась странная ситуация, когда даже благожелательно настроенные по отношению к нему авторы нередко называли его работы парадоксальными, не вписывающимися в рамки традиционной или официальной науки. Для критиков подобная позиция вообще единственно возможная, но с явным смещением акцента в сторону отрицания всякой ценности и достоверности сочинений Гумилева.

Таким образом, мы можем условно выделить три варианта отношения к научному наследию Л. Н. Гумилева: 1) его работы можно знать и принимать (разделять какие-то взгляды и концепции); 2) знать, но не принимать; 3) не знать и, ссылаясь на чужое мнение, не принимать. Последняя точка зрения наиболее распространена среди критиков Гумилева, поэтому рассмотрим её поподробнее.

Безусловное право каждого ученого – не принимать взгляды коллег и выдвигать контраргументы. В науке, однако, встречаются примеры критики намеренно организованной, а также сознательно-го замалчивания работ какого-либо автора. И то и другое ярко проявилось уже с выходом в 1960 г. первой монографии Гумилева – «Хунну». Сначала на нее появилась разгромная рецензия [10], написанная сотрудником того института (Институт востоковедения АН СССР), под грифом которого вышла книга. Одно это уже само по себе странно, поскольку присвоению грифа академического учреждения должны предшествовать рецензирование рукописи и не одно обсуждение с участием автора. Так оно и было, и если бы книга оказалась настолько плохой, то ее просто бы не допустили до печати. За рецензией последовало два публичных обсуждения [11]. В ходе первого (в Эрмитаже) голоса «за» и «против» разделились примерно поровну, но на втором (в Институте востоковедения) при отсутствии автора была признана полная правота рецензента.

После этого книгу стало возможным игнорировать, и в том, как это делалось, также выявляется определенная закономерность. Она

хорошо видна на примере одного издания – собрания сочинений В. В. Бартольда. Редактором-составителем V тома, в котором помещены работы академика Бартольда по истории тюркских и монгольских народов, был С. Г. Кляшторный, выступавший на обсуждении «Хунну» с резкой критикой книги и ее автора. Несмотря на то, что тематика тома полностью совпадала с областью интересов Гумилева, а к 1968 г., когда том был издан, помимо «Хунну» вышли в свет еще две его монографии – «Открытие Хазарии» (1966) и «Древние тюрки» (1967), – ни одна из них не была упомянута редактором в комментариях, содержащих ссылки на новейшую литературу (издания 1966 и 1967 гг. там имеются) по истории тюрков и монголов. Подготовкой же части первой II тома занимался Б.Я. Ставиский, поддержавший Л. Н. Гумилева на обсуждении «Хунну». Неудивительно поэтому, что им в одном из комментариев к очерку Бартольда «Киргизы» среди последних работ по хуннам упомянута и книга Гумилева [12, с. 475].

Однако поначалу игнорирование даже вызывало удивление у части нейтрально настроенных по отношению к Гумилеву коллег. Так, в автореферате докторской диссертации Гумилев сообщал, что примет участие в написании разделов по истории хуннов и тюрков для I тома готовящейся «Истории Сибири» [13, с. 26]. Когда в 1968 г. том вышел, среди авторов Гумилева не оказалось, и более того, ни его имя и ни одна его работа в нем не упомянуты. Рецензентами тома это было отмечено: «Известное завершение процесс классообразования в кочевом обществе нашел со времени сложения гуннского объединения, которое в рассматриваемой книге могло быть охарактеризовано и более полно. Обращает на себя внимание, что автором соответствующего раздела не использованы работы Л. Н. Гумилева» [14, с. 288–289]. Игнорирование тем же автором (М. И. Рижским) книги «Хунну» также было отмечено в рецензии на его научно-популярную книгу по археологии Забайкалья [15, с. 305]. Однако уже на следующую крупную монографию Гумилева – «Древние тюрки» – не было опубликовано ни одной научной рецензии; коллеги решили оставить ее выход без внимания.

Это замалчивание дало со временем свои плоды. Когда первые оппоненты Гумилева из среды востоковедов и археологов готовили

учеников, то прививали им предвзятое к Гумилеву отношение. А ученики тех учеников и вовсе не читали его статей и книг, но с падением идеологических запретов возродили миф, запущенный еще в ходе первой дискуссии по «Хунну», согласно которому все востоковедные работы Гумилева не несут ничего оригинального, являясь пересказом старых западных и отечественных работ по истории кочевников, и в лучшем случае могут считаться удачной (в смысле доступного стиля изложения) популяризацией чужих достижений. Так, по мнению автора некролога Гумилеву М. И. Чемерисской, самая его классическая монография «Хунну» как раз «наименее оригинальна» [16]. А почему так – не разъясняется. И.Н. Данилевский, анализируя работы Гумилева по истории Руси, одной из главных его заслуг считает открытие мира степей для школьников, т.е. снова популяризаторство [17, с. 338]. Византист С. А. Иванов называет книги «Хунну» и «Древние тюрки» «до какой-то степени кондиционными», однако общий вклад Гумилева в науку, по его мнению, близок нулю [18].

И тут мы переходим ко второму парадоксу, заключающемуся в априорно предвзятом отношении к Л. Н. Гумилеву при крайне поверхностном знании его работ. Зададимся вопросом, который, кажется, еще никогда не ставился: на чем основывается и насколько самостоятельна критика наследия Л. Н. Гумилева? Дело в том, что обычно вполне здравомыслящие скептики, говоря о ненужности дальнейшего опровержения его работ, ссылаются, казалось бы, на сильный и убедительный аргумент – единодушные уже существующей критики. Однако авторы этих строк, непрерывно отслеживая неизменно пополняющийся корпус антигумилевских работ, нередко испытывали странное ощущение, что нечто подобное уже где-то читали. При детальном сличении критических работ разных авторов получилась поразительная картина: многие из них основываются не на собственном анализе сочинений Гумилева и новейшей научной литературы, а на критике прошлых лет, нередко заимствуемой без ссылок.

Приведем ряд характерных примеров. В упомянутой статье С. А. Иванова говорится: «Единственная книга, которая написана по законам жанра, – это самая ранняя его монография, “Хунну”, но

как раз она наименее оригинальна. Просто «в тюрьме он научился выуживать необходимые сведения из научно-популярных книг»». Нетрудно заметить, что первая часть фрагмента заимствована автором из статьи М. И. Чемерисской, следующее предложение (в кавычках) – из воспоминаний литературоведа Э. Г. Герштейн [19, с. 443]¹ – давней знакомой Гумилева, но явно не эксперта по востоковедению, т.е. то и другое основано не на собственном анализе книги «Хунну», а взято из вторых рук. Следующий фрагмент статьи С. А. Иванова: «Его сочинения пестрят выражениями типа “поле”, “лучистая энергия Солнца”, “биоритмы”, “сигнальная наследственность”, “перегрев”... <...> Многочисленные графики и кривые в работах Гумилева не должны сбивать с толку – ни про одну из единиц и составляющих этих чертежей ни разу не сказано, чему они соответствуют и как их мерить» – в вольной форме пересказывает фрагмент статьи Л. С. Клейна [20, с. 231]. Этот же пересказ присутствует и у И. Н. Данилевского [17, с. 337].

Статья же последнего «Читая Л. Н. Гумилева» оказалась основным источником для исследования борца с «лжеисторией» А. Е. Петрова. Вся критика взглядов Гумилева на татаро-монгольского нашествия и «иго» в его статье позаимствована у И. Н. Данилевского [21, с. 43–45]. Это подтверждается идентичностью не только содержания текстов обоих авторов, но и ссылок на работы Гумилева, совпадающих вплоть до годов издания и номеров страниц [17, с. 339, 343–344, 379]. Другим источником заимствования А. Е. Петрова стал учебник А. Г. Кузьмина по истории России, на который он даже не ссылается. Однако сличение текстов говорит само за себя: «Стремление смотреть на историю России только с точки зрения интересов Степи и степных народов привело Л. Н. Гумилева к использованию методик, характерных для лженаучных сочинений» [21, с. 43]; «...Л. Н. Гумилев предпочитал смотреть на историю России с точки зрения интересов Степи, степных

¹ Важно отметить, что Эмма Герштейн не вкладывала в эти слова чего-либо оскорбительного. Напротив, на следующей странице она подытоживает вышесказанное: «Как видим, с получаемой литературой Лев Николаевич работал в лагере рассудительно, целеустремленно и увлеченно. Ко времени ареста 1949 г. он был уже достаточно подготовлен..., чтобы не тонуть в избыточных идеях, нередко возникающих у одаренных людей в долгом одиночестве».

народов. В результате он пришел к выводу о благотельном характере монгольского завоевания для Руси...» [22, с. 321]. Остается только удивляться, как такая компилятивная статья могла быть выполнена в рамках международного проекта, финансирующего серьезные научные исследования.

Другой автор, для которого лженаучный характер работ Гумилева не требует особых доказательств, Ю. И. Семенов [23, с. 5], восхищаясь критикой Л. С. Клейна и Я. С. Лурье, фактически многое у обоих позаимствовал. Приведем только два примера. Так, со ссылкой на Клейна Семенов утверждает, что «в его [Гумилева] историософских, и не только историософских, работах момент расизма несомненно присутствует» [23, с. 79]¹. Чтобы понять, насколько это «несомненно» доказано, обратимся к источнику заимствования: «Ученый оговаривает, что его “этнос” – не раса. Вероятно, он и сам в этом убежден. Но нам-то как убедиться, что это его заявление не чисто декларативное? И далеко ли отстоит его “этнос” от общепринятого понятия “раса”?» [20, с. 234]. Как видно, Л. С. Клейн, обвиняя Гумилева в нелогичности построений и отсутствии методологии, сам применяет по меньшей мере странный прием доказательства – цепь намеков. Он хочет возбудить в читателе своей статьи сомнение и подвести его к выводу, который прямо не формулирует, но который со всей очевидностью вытекает из его наводящих вопросов. Вот на этой цепи намеков Ю. И. Семенов и построил утверждение о «несомненном присутствии момента расизма», причем не только в историософских, но и в исторических работах Гумилева, хотя о последних у Клейна ни слова.

У другого критика, Я. С. Лурье, Семенов заимствовал ссылку на критическое замечание польского слависта А. Поппе в адрес монографии Гумилева «Поиски вымышленного царства» [23, с. 182], [24, с. 176]. Поппе назвал книгу «красивой болтовней» (Семенов для красочности заменил «болтовню» «трепотней») о странствованиях по вымышленным землям, неким «перфектологическим», т.е.

¹ О силе доказательств этого автора свидетельствует продолжение цитированной фразы: «Но если сам Л. Н. Гумилев прямо и не объявлял расы субъектами исторического процесса, то были люди, которые это делали». Совершенно понятно, что таким способом можно обвинять кого угодно в чем угодно.

обращенным к прошлому, романом и удивлялся серьезной реакции на нее Б. А. Рыбакова. Уже от себя Семенов добавляет, что, по мнению Поппе, «роман» этот никакого отношения к исторической науке не имеет. И совсем уж комично выглядит интерпретация этого сообщения в недавней статье Л. А. Мосионжника, по мнению которого «крупный польский историк Древней Руси профессор А. Поппе воспринял книгу Гумилева как роман в стиле исторической *fantasy*» [25, с. 305]. Впрочем, если не видеть оригинала заметки, к ее содержанию можно добавлять что угодно, лишь бы упрек в «красивой» болтовне выглядел правдоподобнее. В действительности в этой заметке, кроме приведенного Я. С. Лурье ее пересказа и предельно краткого изложения концепции Гумилева, нет больше ничего. Представляет она из себя всего лишь отрывок из аннотированного библиографического описания новой литературы о «Слове о полку Игореве», половину которого занимают собственно ссылки на монографию и статью Гумилева, а также на рецензию Б. А. Рыбакова [26, с. 220]. Так что поднимать на щит случайно брошенную фразу, за которой не стоит даже минимальной аргументации, не очень-то осмотрительно.

В свою очередь, Я. С. Лурье тоже нашел, что позаимствовать у Л. С. Клейна. И, как ни удивительно для специалиста-источниковеда, позаимствовал он фрагмент, касающийся критики источниковедческой методики Гумилева: «Л. Н. Гумилев начисто отвергает всякое источниковедение, объявляя его “мелочеведением”, при котором “теряется сам предмет исследования”: “Для нашей постановки проблемы, – писал он, – источниковедение – это лучший способ отвлечься настолько, чтобы никогда не вернуться к поставленной задаче – осмыслению исторического процесса”» [24, с. 169]. Л. С. Клейн двумя годами ранее писал о том же: «...Л. Н. Гумилеву не хочется тратить силы на работу с источником: “восстановление его истинного смысла – дело трудное и не всегда выполнимое... Короче, для нашей постановки проблемы источниковедение – это лучший способ отвлечься настолько, чтобы никогда не вернуться к поставленной задаче – осмыслению исторического процесса”» [20, с. 230]. И снова совпадают сами цитаты из Гумилева, годы издания книги, откуда они взяты и, соответственно,

номера страниц. К заимствованию этой фразы присоединились много позже В. А. Шнирельман и С. А. Панарин, писавшие: «Не желая заниматься кропотливым трудом по критике источников, он заявлял, что “источниковедение... отвлекает от осмысления исторического процесса”» [27, с. 8]. Ссылка на работу Гумилева идентична двум предыдущим.

Однако еще более важным источником статьи Шнирельмана и Панарина, не упомянутым в ссылках, является рецензия В. И. Козлова на монографию Гумилева «Этногенез и биосфера Земли» [28]. Состоит рецензия большей частью из комментированных выписок оттуда. В свете приведенных фактов уже не покажется удивительным, что множество выписок Шнирельмана и Панарина находят полное соответствие с выписками В. И. Козлова [27, с. 12–13]. Из статьи последнего авторы заимствовали также пример со «славяно-болгарской химерой»: «Исторические примеры полиэтнических “химерных” образований, приводимые Л. Н. Гумилевым, весьма неубедительны; достаточно показателен в этом отношении пример взаимодействия кочевых тюркоязычных болгар с оседлыми южнославянскими племенами, в результате чего... возникла отнюдь не химера, а столь жизнестойкий болгарский этнос...» [28, с. 107]; «...конкретные доказательные примеры Гумилева изобилуют разительными противоречиями и взаимными неувязками. Почему тюрко-славянский симбиоз в Болгарии времен хана Аспаруха породил “химеру”, а аналогичный симбиоз русских с татарами пошел Руси лишь на пользу?» [27, с. 27].

Возвращаясь к спекуляциям о расизме Гумилева, приведем еще один пример несамостоятельной критики. Археолог и антрополог Л. Т. Яблонский пришел к следующему заключению: «Многочисленные попытки установить расовую основу тех или иных культурных форм основаны на глубоко тенденциозных посылах о влиянии биологического фактора на ход исторического процесса. Как известно, подобные попытки в последнее десятилетие получили интенсивное развитие в трудах Л. Н. Гумилева и его последователей...» [29, с. 78–79]. При этом Яблонский ссылается без указания страниц сразу на три тома депонированной в ВИНТИ рукописи Гумилева «Этногенез и биосфера Земли». Статья, заметим, вышла в

1996 г., когда эта рукопись была уже неоднократно издана и переиздана в виде отдельной книги. Вторая ссылка отправляет читателя к критической статье [30] в адрес работы, превратно интерпретирующей некоторые идеи Гумилева. Но какое это имеет отношение непосредственно к Гумилеву? Все недоумения, однако, проясняются при обращении к третьей работе, на которую ссылается Яблонский, – книге академика В. П. Алексеева «Этногенез» [31, с. 4–5]. Оказывается, В. П. Алексеев именно в такой форме ссылается на две вышеназванные работы. Для 1986 г. ссылка на депонированный трехтомник логична, поскольку первое печатное издание «Этногенеза...» вышло только в 1989 г. Но главное даже не в том, что Л. Т. Яблонский, не открывая книги Гумилева, выдвигает серьезнейшее обвинение его в расизме, а в том, что та критика, на которую он опирается, не дает достаточных оснований для подобного обвинения. В. П. Алексеев в действительности писал: «Л. Н. Гумилев аргументировал многими историко-географическими наблюдениями и теоретическими соображениями представление о народах как о каких-то природных общностях, сходных с популяциями... и образующих так называемую этносферу, тесно связанную с биосферой. Гипотеза эта развивалась ее автором на протяжении многих лет и аргументировалась в ряде специальных работ... Схематичное изложение этой гипотезы вызвало справедливую критику, но и при ее развернутой аргументации она встречала многочисленные возражения по конкретным вопросам взаимодействия общества и природы в разных районах мира». Как видим, В. П. Алексеев, не будучи согласным с Гумилевым, предельно корректен и отнюдь не обвиняет его в расизме.

«Критики» и «скептики». Мы намеренно почти не касались вопроса о справедливости приводимых критических суждений в адрес работ Л. Н. Гумилева. По нашему мнению, определение источников этой критики переносит проблему в иную плоскость: *вопрос справедливости критики* уступает место *вопросу о ее достоверности*. Как было показано выше, значительная доля критики Гумилева новейшего времени основывается не на новом прочтении и анализе его работ, а на заимствовании фрагментов критики прежних лет в модернизированном словесном оформлении, а иногда с

заменой смысла до противоположного. Как можно определить подобную критику?

Для ответа на поставленный вопрос нам пригодится определение, данное крупным английским философом и методологом истории Р.Дж. Коллингвудом: **критик** – это «человек, который хочет и может самостоятельно воспроизвести работу чьей-нибудь мысли, чтобы убедиться, была ли она хорошо проделана» [32, с. 240]. Критику, т.е. человеку думающему, стремящемуся к установлению истины, Коллингвуд противопоставлял **скептика**, «который не желает этим заниматься, и так как вы не в силах заставить человека думать, как лошадь – пить, то в нашем распоряжении нет способов доказать скептику, что определенная мыслительная работа проделана хорошо и, следовательно, нет оснований принимать близко к сердцу его замечания». Это разделение на «критиков» и «скептиков» представляется удачным и предельно точно описывающим коллизию с оценками научного наследия Л. Н. Гумилева.

Теперь можно без сомнения сказать, что пока мы имели дело лишь с примерами работ «скептиков», для которых ненаучность всего созданного Гумилевым настолько очевидна, что они себя не утруждали проверкой достоверности ни собственных суждений, ни заимствованных у своих коллег. Однако неправота скептиков не значит, что все в наследии Гумилева должно безоговорочно приниматься как раз и навсегда установленное. Следует принимать во внимание и то, что взгляды самого ученого не оставались неизменными, ведь он постоянно находился в творческом поиске. Менее всего Гумилев был похож на догматика, изрекающего «неизменные и единственно верные истины», каким он видится иным апологетам и эпигонам, поэтому было бы преступно по отношению к памяти ученого консервировать его наследие в том виде, в каком оно зафиксировано в его опубликованных трудах. Не этого хотел Гумилев, предполагая совершенно обратное: *«И то, что пишу я, вероятно, будет через полвека переосмыслено, но это и есть развитие науки»* [33, с. 71].

Таким образом, проблема адекватной оценки наследия Л. Н. Гумилева, т.е. подлинной «критики», состоит в первую очередь в отказе от априорных установок, как отрицательных, так и

положительных. Его наследие нуждается больше всего не в восхвалении (равно как, конечно же, и не в поспраии), а в развитии и всестороннем изучении, что не исключает выявления конкретных ошибок и упущений или отказа от ряда преждевременных неподтвердившихся гипотез. В этом смысле симптоматична реакция скептиков на любую обнаруженную у Гумилева ошибку или неточность или хотя бы намек на их наличие. Каждый подобный факт раздувается до немислимых размеров и служит в представлении скептиков доказательством несостоятельности Гумилева как ученого и всех его работ в целом.

На поверку все оказывается не совсем так. Выше мы приводили пример беглого замечания Анджея Поппе о книге Гумилева, которое, будучи заимствовано несколько раз по цепочке, по принципу «испорченного телефона» дало результат, мало похожий на оригинал, не говоря уже о том, что и оригинал, в общем, не содержал никаких доказательств ошибочности построений Гумилева. Приведем еще одно скептическое суждение, сходным образом интерпретирующее заимствованную критику: «Долгое время он занимался в основном кочевниками степей Евразии. И в этих его работах было множество натяжек, ни на чем не основанных положений. Но востоковеды, видя все это, щадили его. Л. Н. Гумилев был человеком, пострадавшим от власти, гонимым, и никому не хотелось присоединяться к гонителям. Однако полностью воздержаться от критики его построений они не могли. Китаисты, например, отмечая ошибочность его построений, связывали это с “органическими дефектами источниковедческой базы его исследований”. В частности, они указывали, что основными использованными источниками являются у Л. Н. Гумилева такие материалы, которые в действительности “представляются второстепенными в общей совокупности источников, имеющихся сегодня в распоряжении исследователя”» [23, с. 181–182]¹.

Эта же цитата из работы китаеведов была заимствована Л. А. Мосионжником именно у Ю. И. Семенова (есть ссылка), но, видимо, в его распоряжении оказалась другая книга тех же авторов,

¹ Цитируется следующая работа: [34, с. 8].

и он не без удивления отметил: «Впрочем, в следующей книге той же серии эти авторы пользовались данными, приводимыми Л. Н. Гумилевым и его стихотворными переводами, хотя не всегда соглашались с его интерпретациями...» [25, с. 305]¹.

А есть ли основания для удивления? Ведь далеко не все ученые, специализировавшиеся по конкретным историческим дисциплинам, поддерживали априорное мнение о «неученом» (иногда даже «лжеученом») Гумилеве. Были те, кто действительно читал его работы, находя в них недостатки, но одновременно не затушевывая и достоинства. Авторы указанной серии монографий по этнической истории китайцев вполне могут быть отнесены к последней категории. Ими отмечались не только «органические дефекты источниковедческой базы» книги Гумилева «Хунны в Китае», но и то, что эта книга – «единственная на русском языке монография об этнических взаимоотношениях на севере Китая в первой половине I тысячелетия н. э.» [34, с. 7]. Не соглашаясь с Гумилевым в вопросе о древнекитайской демографии, авторы посвящают аргументации своих возражений специальный очерк, а не просто отмахиваются от его доводов, как ненаучных [34, с. 60–68]². Кроме того, несмотря на полемику по разным вопросам (от причины переселения кочевников в Китай [34, с. 69–70] до проблемы разделения китайского этноса на два – северный и южный [34, с. 279–280]), не все мнения Гумилева им кажутся неудачными [34, с. 86], и в одном месте они даже цитируют документ (письмо согдийского купца) по его книге [34, с. 101]. В другом томе этой серии авторы, ссылаясь на мнение Гумилева, называют его «специалистом по истории сюнну» [37, с. 58] (хуннов). В устах китаеведов, особенно после дискуссии по первой монографии Гумилева «Хунну», такая аттестация должна считаться высшей похвалой.

Приведем еще несколько примеров аргументированной критики. Этнограф-кочевниковед, специалист по ламаизму Н. Л. Жуковская, признавая научную значимость работ Гумилева по буддийскому искусству и добуддийским верованиям монголов и

¹ Ссылки им приводятся по книге: [35].

² Впрочем, исследования современных демографов подтверждают скорее точку зрения Гумилева. См.: [36, с. 177–183].

тибетцев [38, с. 192–193], [39, с. 28], в то же время полагала ошибочными представления Гумилева и его соавтора Б. И. Кузнецова о природе древнемонгольской религии и сущности шаманизма [39, с. 27]. Директор Института востоковедения АН СССР академик Б. Г. Гафуров считал необходимым по вопросу, были ли эфталиты кочевниками или горцами, специально отметить свое несогласие с Гумилевым, причем поставив его наравне с крупнейшим немецким востоковедом: «В этом вопросе мы согласны с Ф. Альтхаймом и полностью расходимся с Л.Н. Гумилевым» [40, с. 266]. Важно в данном случае не то, ошибался Гумилев или нет (обе точки зрения по-прежнему существуют), а то, что ученый столь высокого ранга считался с его мнением.

Наконец, сошлемся на неопубликованную статью уже упоминавшегося Б. Я. Ставиского, машинопись которой хранится в музей-квартире Л. Н. Гумилева [41]¹. Статья имеет целью отвести нападки монголоведа И. Я. Златкина, обвинявшего Гумилева в отсутствии в его теоретических статьях марксистской методологии. Однако автор подошел к своей задаче не апологетически и наряду со справедливой критикой излишне догматической позиции Златкина отмечал и некоторые упущения Гумилева. Так, по его мнению, можно было бы полнее использовать работы В. И. Вернадского и более развернуто объяснять, на какие взгляды последнего автор опирается. Б. Я. Ставиский жалеет, что некоторые положения своей концепции Гумилев формулирует недостаточно четко – «то ли из-за необходимости уложиться в рамки журнальных статей, то ли в силу их недоработанности» – и не всегда сам следует в своих конкретных историко-географических исследованиях (без указания примеров) выдвигаемым методологическим принципам. Таким образом, объясняя, почему не прав И. Я. Златкин, Ставиский также обращает внимание на те спорные места в одной из статей Гумилева, которые могли эту критику вызвать. В завершение он призывает к продолжению дискуссии по поднятым Л. Н. Гумилевым проблемам: «Пусть только это обсуждение носит спокойный и деловой характер и преследует цели товарищеской конструктивной критики ради

¹ Машинопись на 8 листах. Не датирована, но не позже начала 1971 г.

создания научной теории этногенеза, а не шельмования того или иного советского ученого...». К последнему выводу мы всецело присоединяемся.

Оценивая научное наследие любого неординарного ученого, следует различать две вещи: *постановку проблем*, с одной стороны, и *методы их решения* – с другой. В постановке проблем Гумилев, безусловно, обладал поразительно верным чутьем гениального ученого, всецело охваченного явленной ему огненной вспышкой озарения. Вместе с тем нельзя закрывать глаза и на ряд фактических ошибок¹, явных передержек и спорных моментов в интерпретациях, имеющих в работах Гумилева и отмечавшихся как им самим, так и различными исследователями [42]. Кроме того, наука не стоит на месте, и современными учеными было внесено значительное число уточнений в предложенные в свое время Гумилевым реконструкции этнополитической, социальной и этнокультурной истории народов Евразии.

Но разве как-то иначе обстоит дело с научным наследием М. В. Ломоносова и Н. М. Карамзина, С. М. Соловьева и В. О. Ключевского, Т. Моммзена и Э. Майера или современной оценкой философско-исторических концепций Дж. Вико и И. Г. Гердера, О. Шпенглера и А. Дж. Тойнби? Современных ученых многое может не устраивать в их сочинениях. Тем не менее никто даже из самых въедливых критиков не позволяет себе в их адрес тот оскорбительный тон, который зачастую имеет место в отношении Л. Н. Гумилева². Почему так происходит? Ведь научные и историософские взгляды Гумилева, равно как и других мыслителей прошлого, следует оценивать исторически, в контексте своей эпохи и без априорных предубеждений, за которыми на самом деле скры-

¹ Кстати сказать, очень многие «ошибки», встречающиеся в работах Л. Н. Гумилева, на самом деле являются не более чем опечатками, допущенными сознательно либо по безответственности редакторами и корректорами его книг. Число же такого рода «ошибок» в бесчисленных пиратских переизданиях трудов ученого просто вселяет ужас. Складывается впечатление, что на Гумилеве издательства просто зарабатывают деньги, не заботясь ни о качестве собственной продукции, ни о том, как это сказывается на научном реноме автора, который приносит им громадные доходы.

² Некоторые из прежде непримиримых критиков позже даже сожалели об излишне резком тоне своих прежних работ в его адрес: [43], [44, с. 547].

ваются не более чем мифы и предвзятые штампы. Прав был С. Б. Лавров, когда писал: «Об идеях Л. Гумилева можно спорить, но, как и об идеях любого крупного ученого, спорить надо квалифицированно и корректно». Как справедливо уже отмечалось в литературе, посвященной Гумилеву, по-настоящему великий ученый ценен не только своими открытиями и прозрениями, но даже своими ошибками, просчетами и заблуждениями [45, с. 51]. Этот тезис подтверждает вся история науки.

Научное наследие Л. Н. Гумилева отличается значительной сложностью, неоднородностью, неравнозначностью и многослойностью, что и обуславливает его общую неоднозначность в целом. Действительно, сейчас многие положения и выводы Гумилева кажутся недостаточно обоснованными. Однако надо иметь в виду, что в свое время некоторые из них могут сыграть свою позитивную роль, становясь импульсом к исследовательским поискам других ученых. Ведь своевременная и правильная постановка проблемы нередко бывает не менее значима, чем собственно само ее решение. Более того, история науки знает множество случаев, когда даже ложная посылка, если она затрагивает существо дела, также может в условиях конструктивной критики привести к значительным научным результатам. Какой бы гипотетичной ныне не казалась та или иная идея Гумилева, это еще не повод ее отбрасывать. Кроме того, поднятые Гумилевым проблемы были невероятно сложны и носили междисциплинарный характер, а в его распоряжении находились всего два ученика, которые к тому же были между собой в весьма сложных отношениях. Если принимать все это во внимание, то становится понятным, что далеко не все идеи Гумилева являются равноценными, следует признать, что на настоящий момент лишь некоторые из его интуитивных догадок находят свое подтверждение. Тем большее значение они для нас имеют. Несчастье Гумилева было в том, что как объективные условия жизни и работы, так и личные субъективные особенности его научного темперамента не давали ему возможности спокойно и взыскательно разобраться в бурном потоке захвативших его идей и отделить в них подлинно научное, выверенное и прочное от сомнительного, ненадежного и гипотетичного. Следует согласиться с мнением тех, кто считает,

что Гумилев оставил после себя больше вопросов, чем ответов. Он поставил перед наукой новые фундаментальные проблемы, поиск их решения будет стимулировать работу еще не одного поколения ученых в самых различных областях научного знания. Тем не менее на этом междисциплинарном пути, пусть лишь только намеченным Гумилевым, исследователей подстерегает и целый ряд сложнейших теоретико-методологических, методических и чисто практических трудностей.

О научном этосе и причинах негативного восприятия работ Гумилева. Как известно, необходимым условием научной критики является адекватное понимание объекта критики, но этого-то как раз и не доставало и до сих пор не хватает большинству оппонентов Гумилева. Причин для такого «непонимания» множество, причем у каждого критика они могут быть разными. В прошлом это и личная неприязнь, зависть к несомненной одаренности, ревность к научным успехам, опасения карьерного толка и т.д.

В целом же на настоящий момент помимо всех прочих разногласий имеется несколько основных причин негативного восприятия работ Гумилева среди критически настроенных авторов.

Во-первых, это, конечно, новизна выдвинутых Гумилевым идей, потребовавших разработки нестандартных теоретико-методологических подходов и непривычной методики исследования, оригинальность стиля и спорность полученных выводов, противоречащих общепринятым в традиционной исторической науке. В этой связи С. Б. Лавров очень точно отмечал, что «идеи Л. Гумилева были оригинальны, а иногда и парадоксальны. Они подавались им нарочито заостренно, публицистично» [46]. Как писал сам Гумилев, «самым трудным для моей научной идеи было то, что ее негде было обсудить, поскольку это синтетическая наука, а все отвечали, что это не по их специальности» [47, с. 16].

Во-вторых, это нарушение корпоративных канонов того научного сообщества, которое сложилось в условиях тоталитарного строя в 30–50-х годах и для которого выживший после маховика репрессий Гумилев был опасным конкурентом и бесчинствующим возмутителем академического спокойствия. На эту причину неприятия Гумилева, весьма существенную в плане антропологии акаде-

мической жизни, обратил внимание А. И. Куркчи: «Когорта готова была принять “приглаженного” вольнодумца, сделав его ручным, но не хотела видеть в нем лидера. Но именно лидера она и почувствовала в нем, и этого ему не простили» [48, с. 43].

В-третьих, это сила инерции неприятия работ Гумилева, чисто психологической инерции старого предвзятого отношения, инерции мифологем и устоявшихся стереотипов.

В-четвертых, это идеологические расхождения. Многие критики не разделяют евразийских убеждений Гумилева, им чужда его гражданская позиция искреннего патриота своей страны [49], [50], [51].

Но наиболее существенной причиной, объясняющей недостатки имеющейся на настоящий момент критики работ Гумилева, во многих случаях является принципиальное различие в исходных установках исследования, применяемых методах и подходах. Иными словами, это то, что в свое время было весьма удачно обозначено Т. Куном как *столкновение исследовательских парадигм*, когда характерные для разных научных сообществ модели постановки проблем и их решений, сами подходы настолько различны, что это исключает даже возможность адекватного восприятия и понимания ключевых положений друг друга [52], [53]. Это обуславливает наличие своего рода «парадигмального разрыва» между столь разными дискурсами и их живыми выразителями – научными сообществами. С этим также связано представление о «несоизмеримости научных теорий» [54], согласно которому адекватно понять ту или иную исследовательскую парадигму можно лишь исходя из ее собственных концептуальных оснований, а не в сравнении друг с другом, поскольку представители различных парадигм вкладывают различный смысл даже в одни и те же термины (так, например, Л. Н. Гумилев и Ю. В. Бромлей использовали даже базовые понятия – *этнос* и *этногенез* – в существенно разных значениях).

Если же мы, несмотря на отмеченные трудности, хотим дать объективную оценку научного наследия Гумилева, то необходимо принимать во внимание достигнутые этим ученым результаты, внесенный им вклад в развитие науки, а не только без конца заниматься перечислением частных ошибок, действительных или выдуман-

ных самими критиками противоречий и заблуждений. Нет ничего легче, чем показать слабость или даже несостоятельность ряда положений и методов Гумилева, касающихся построения графиков роста пассионарного напряжения в этногенезе, недостатка строгих методик диагностики пассионарности как на личностном, так и на суперэтническом уровнях, объяснения причин пассионарных толчков и т.д. Но в то же время было бы неправильно стать на путь огульного зачеркивания всего, что было Гумилевым сделано.

Проблема понимания. Все сказанное подводит к выводу, что главное, чего не хватает дискуссиям о Гумилеве, это *стремления к пониманию*: пониманию особенностей его личности, его идейного наследия, его вклада в науку, выяснению идейного контекста его исканий, осмыслению самого феномена его научной индивидуальности в отечественной культуре XX века. Этот ученый и при жизни был понят лишь отчасти и очень немногими, остается он не понят и сейчас, спустя двадцать лет после своей кончины. Вспоминаются слова Л. Н. Толстого, который, комментируя мысль Амиеля, очень точно подметил: *“Нужно пленение, а потом освобождение; очарование, а потом разочарование; увлечение и охлаждение. Тот же, который находится еще под очарованием, так же как и тот, который не был очарован, – одинаково не могут понимать. Мы знаем хорошо только то, чему прежде поверили и потом обсудили. Чтобы понимать, надо быть свободным, но прежде этого быть пленным”*.

Структура понимания немислима без учета внелогических, т.е. психологических, социокультурных и ментальных аспектов. По мнению М. М. Бахтина, одного из крупнейших отечественных мыслителей XX века, понимание всегда диалогично, но диалог невозможен между нежелающими услышать друг друга, невозможен диалог и между говорящими на разных языках. Диалог возможен лишь между стремящимися понять друг друга. Применительно к оценкам наследия Л. Н. Гумилева это предельно емко сформулировал А. М. Буровский, писавший: «На мой взгляд, научная среда отнеслась к работам Льва Николаевича и несправедливо, и односторонне. Уже без всякого идеологического прессинга, без всякого давления властей, ученый мир сам по себе требовал от Льва Нико-

лаевича соответствия “принятому” стандарту. И стандарту поведения самого ученого, и стандарту формы изложения, и стандарту методов исследования. Главная претензия, которую научное сообщество предъявляло ко Льву Николаевичу – это то, что он не вписывался в это сообщество» [55, с. 17].

По словам Бахтина, могучее и глубокое творчество во многом бывает бессознательным, полисемантическим и многосмысленным, т.е. допускающим различные вариации своего осмысления и интерпретации. В понимании думающего человека оно восполняется его собственным сознанием, раскрывая многообразие смыслов, вложенных автором в свое творение, и добавляя новые, рожденные в диалоге или споре с ним [56, с. 346]. Только тогда понимание работ Гумилева, его идей, будет носить подлинно творческий характер. Согласно М. М. Бахтину, понимание всегда аксиологично. В этой связи позволим себе привести небольшой фрагмент из размышлений этого выдающегося мыслителя, очень важный для правильного решения проблемы понимания самого феномена Л. Н. Гумилева и его идейного наследия: «Безоценочное понимание невозможно. Нельзя разделить понимание и оценку: они одновременны и составляют единый целостный акт. Понимающий подходит к произведению со своим, уже сложившимся мировоззрением, со своей точки зрения, со своих позиций. Эти позиции в известной мере определяют его оценку, но сами они при этом не остаются неизменными: они подвергаются воздействию произведения, которое всегда вносит нечто новое. Только при догматической инертности позиции ничего нового в произведении не раскрывается (догматик остается при том, что у него уже было, он не может обогатиться). Понимающий не должен исключать возможности изменения или даже отказа от своих уже готовых точек зрения и позиций. В акте понимания происходит борьба, в результате которой происходит взаимное изменение и обогащение. Активное согласие – несогласие (если оно не предрешено догматически) стимулирует и углубляет понимание, делает чужое слово более упругим и самостоятельным, не допускает взаимного растворения и смешения» [56, с. 366.]. Представляется, что только в этом, намеченном М. М. Бахтиным, направлении

должны разворачиваться дальнейшие дискуссии об идейном наследии Л. Н. Гумилева.

«Скептики» любят повторять, что последователи Гумилева представляют собой некое подобие секты и потому спорить с ними бессмысленно. Это могло бы быть справедливо для определенного числа эпигонов, эрудиция которых ограничивается одной-двумя прочитанными книгами Гумилева, но совершенно неправомерно называть сектантами всех тех, кто разделяет те или иные взгляды Гумилева и развивает его идеи. С другой стороны, единодушные критиков наводит на схожую мысль: как строки из священных текстов из работы в работу они повторяют одни и те же фразы, которые заимствуют друг у друга, и все меньше стремятся обращаться к непосредственному анализу критикуемых работ – для них, похоже, важнее авторитет выдвинувшего обвинение автора, а не соответствие этого обвинения действительности. Подобная критика преследует не научные цели, не установление истины, а одну лишь дискредитацию ненавистного им ученого и его наследия. Мы привели немало примеров, чтобы стало очевидным проявление некоего подсознательного неприятия любых работ Л. Н. Гумилева. Чем это не сектантство?

Итак, мы видим, что идеи этого ученого составили не просто одну из концепций, имеющих узкоспециализированное научное значение. Нет, случилось так, что вопреки уничтожающей критике и попыткам удушающего замалчивания, наперекор всему идейное наследие Гумилева вдруг получило необычайно широкий для научной теории общественный резонанс, завоевало удивительную популярность, прочно вошло в сознание многочисленной аудитории и стало целым явлением отечественной культуры на всем постсоветском пространстве. Поэтому имеются все основания говорить о *феномене Льва Гумилева*, продолжающего и после смерти жить в своих трудах. Идеи Гумилева и сейчас вдохновляют исследователей, подвигая их на дальнейшую разработку самых различных проблем, затронутых в его трудах.

Рассмотренные примеры показывают тенденциозность критики работ Гумилева. Даже в тех случаях, когда она представляла скорее традиционный научный спор, нежели развенчание, при детальном анализе обнаруживался по меньшей мере паритет позиций Гумилева и его оппонентов, что показал еще С. И. Руденко в статье, подводившей итоги дискуссиям о книге «Хунну». Лейтмотивом критики являлось не установление истины, а дискредитация Гумилева как ученого. Обвинения в ошибочности построений, в незнании источников, в отсутствии методологии удалось (хотя только временно) в ходе дискуссий с оппонентами отбить ему самому, и книги «степной трилогии» так или иначе были признаны научной средой, на них даже стали ограниченно ссылаться. Но повторимся, полноценного их использования так и не произошло. А уже после начала публикаций по этногенезу за Гумилевым потянулся шлейф куда более серьезных и опасных для того времени идеологических обвинений: в немарксизме, биологизаторстве, бихевиоризме, даже в расизме, а незадолго до его смерти – и в антисемитизме. Поскольку большого хронологического разрыва между опровержением первой группы обвинений и появлением второй не было, какое-то время они даже шли параллельно (в начале 1970-х гг.), то начавшееся было освоение научной средой востоковедных работ Гумилева практически сошло на нет.

Поразительно во всем этом не только незнание современными критиками работ Гумилева и отсутствие желания их адекватно понять, но и предъявление работам Гумилева заведомо завышенных требований, не соответствующих жанру кратких журнальных статей или же обобщающих монографий (аккумуляция источников и основной литературы по проблеме с целью подведения итогов ее изучения и выявления «белых пятен», на заполнение которых нужно обратить внимание при ее дальнейшем изучении и т.д.). Всем указанным критериям работы Гумилева соответствовали и даже во многом их превосходили. Следовательно, претензии к Гумилеву нынешних историков, когда отпали все идеологические и конъюнктурные причины его непризнания, демонстрируют лишь инерцию его прежнего неприятия (их учителями или научной средой в целом), причины которого забыты, а труды самого Гумилева

известны крайне поверхностно. И эти обвинения куда парадоксальнее тех, что предъявлялись ему при жизни. Они не имеют целью что-либо опровергнуть или с чем-нибудь поспорить в его работах. Нет, их цель показать, что опровергать там нечего, поскольку работы эти полностью несамостоятельны и компилятивны, а их автор просто не был способен что-либо научное написать в силу как обстоятельств биографии, так и присущего ему дилетантизма, смешанного с постановкой нереалистичных задач. При этом нередко «особость», «дилетантизм» или «ненаучность» взглядов Л. Н. Гумилева просто постулируются, но отнюдь никак не доказываются, поскольку рассматриваются как абсолютно очевидные и всеми «специалистами-профессионалами» разделяемые.

Таким образом, с сожалением следует признать, что чаще всего в отношении оценки работ Гумилёва приходится сталкиваться либо с односторонней апологетикой, либо с поверхностным критиканством, которое ничего общего не имеет с подлинно научной критикой, основанной на вдумчивом понимании и глубоком проникновении в суть работ оппонента, знании и надлежащем применении методов, этики и стиля научной критики. Апологетические же сочинения «обожателей» своей эмоциональной пристрастностью, идеологическим пафосом, а порой и своей нелепостью, непрофессионализмом и вопиющим невежеством только подогревают эту критику, подавая лишние поводы для новых нападок... почему-то не на их авторов, а непосредственно на самого Гумилева. Усилиями таких авторов создано множество мифологем, в соответствии с которыми Гумилев предстает либо «пророком», «духовидцем», «апологетом Бога на земле», либо проводником идей «расизма», «шовинизма», «нацизма», «национализма», «географического детерминизма», «биологизаторства» и т.д. Сам Гумилев неоднократно говорил о мифотворчестве и его разъедающем воздействии на науку: «Однако мифы, несмотря на призрачность своей природы, совсем не безвредны. Они норовят подменить собой эмпирические обобщения наблюдаемых фактов, то есть занять место науки и заменить аргументацию декларациями, подлежащими принятию без критики. Проверить данные мифа невозможно. Когда миф торжествует, то наступает подлинный упадок науки, да и всей культуры...» [3,

с. 231]. Эти слова ученого об опасности мифологизации науки теперь относятся и к оценкам его наследия. Его оппоненты прилагают вполне целенаправленные, хотя и не всегда скоординированные усилия по созданию околोगумилевских легенд, чтобы активно бороться с ними, порождая новые мифы.

Весь этот неизменно повышенный градус эмоциональной напряженности в дискуссиях о Л. Н. Гумилеве не может не вызывать удивления. Однако этот «эмоциональный накал пристрастности» можно рассматривать не только как свидетельство неоднозначности личности и спорности идей Гумилева, но и как веский критерий мировоззренческой значимости и фундаментальности поставленных в его работах проблем.

В связи с этим главная задача при изучении личности Л. Н. Гумилева заключается не в том, чтобы заниматься его восхвалением или критиканством, а в том, чтобы попытаться понять его как человека и интересного мыслителя. Необходимо попытаться осмыслить творческое наследие этого ученого во всей его сложности и попытаться развить заложенный в его учении потенциал. Со всей очевидностью встает задача возвращения российской науке не только доброго имени Л. Н. Гумилева, но и полноценного использования его научного наследия, которое возможно только при наличии конструктивной, а не обвинительно-негативистской критики с навешиванием ярлыков и штампов. Поэтому так важно преодолеть этот одномерный черно-белый взгляд на личность и наследие Л. Н. Гумилева.

1. Шнирельман В. А. Введение // Этнографическое обозрение. 2006. № 3. С. 3–7.
2. Гумилев Л. Н. Место исторической географии в востоковедных исследованиях // Народы Азии и Африки. 1970. № 1. С. 85–94.
3. Гумилев Л. Н. Этнос: мифы и реальность // Дружба народов. 1988. № 10. С. 218–231.
4. Лавров С. Б. Лев Гумилев: Судьба и идеи. М.: Айрис-пресс, 2003. 608 с.
5. Демин В. Н. Лев Гумилев. М.: Молодая гвардия, 2007. 310 с.

6. Дьяконов И. М. «Огненный дьявол» // Нева. 1992. № 4. С. 225–228.
7. Кореняко В. А. К критике концепции Л. Н. Гумилева // Этнографическое обозрение. 2006. № 3. С. 22–35.
8. Каргалов В. В. Русь и кочевники. М.: Вече, 2004. 528 с.
9. Сухова С. Рюрик жил на одну зарплату... // Итоги. № 47 (337). 26 ноября 2002. URL: <http://www.itogi.ru/archive/2002/47/103311.html> (дата обращения: 23.04.2012).
10. Васильев К. В. Л. Н. Гумилев. Хунну, Срединная Азия в древние времена : рецензия // Вестник древней истории. 1961. № 2. С. 120–124.
11. В Государственном Эрмитаже и Ленинградском отделении Института народов Азии АН СССР // Вестник древней истории. 1962. № 3. С. 202–210.
12. Бартольд В. В. Сочинения. Том II, часть 1. Общие работы по Средней Азии. Работы по истории Кавказа и Восточной Европы. М.: Издательство восточной литературы, 1963. 1020 с.
13. Гумилев Л. Н. Древние тюрки. VI–VIII вв. : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Л., 1961. 28 с.
14. Борисковский П. И., Гурина Н. Н., Массон В. М. История Сибири с древнейших времен до наших дней. Том I. Древняя Сибирь. Л., 1968 : рецензия // Советская археология. 1974. № 4. С. 285–290.
15. Гришин Ю. С. М. И. Рижский. Из глубины веков. Рассказы археолога о древнем Забайкалье... : рецензия // Советская археология. 1971. №1. С. 304–305.
16. Чемерисская М. И. Лев Николаевич Гумилев и его научное наследие // Восток. 1993. № 3. С. 165–181.
17. Данилевский И. Н. Русские земли глазами современников и потомков (XII–XIV вв.) : курс лекций. М.: Аспект Пресс, 2001. 389 с.
18. Иванов С. А. Лев Гумилев как феномен пассионарности // Неприкосновенный запас. 1998. № 1. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/1998/1/nzgumil.html> (дата обращения: 9.06.2012).
19. Герштейн Э. Мемуары. М.: Издатель Захаров, 2002. 762 с.
20. Клейн Л. С. Горькие мысли «привередливого рецензента» об учении Л. Н. Гумилева // Нева. 1991. № 4. С. 228–246.
21. Петров А. Е. Перевернутая история. Лженаучные модели прошлого // Новая и Новейшая история. 2004. № 3. С. 36–59.

22. Кузьмин А. Г. История России с древнейших времен до 1618 г.: учеб. для студ. высш. учеб. заведений: в 2 кн. М.: ВЛАДОС, 2003. Кн. 1. 447 с.
23. Семенов Ю. И. Философия истории. М.: Современные тетради, 2003. 776 с.
24. Лурье Я. С. Древняя Русь в сочинениях Льва Гумилева // Звезда. 1994. № 10. С. 167–177.
25. Мосионжник Л. А. Исторический миф Л. Н. Гумилева: технология создания // Нестор №14 (2010). Технология власти–2. СПб.: Нестор-история, 2010. С. 303–344.
26. *Russia mediaevalis*. Т. 1. München, 1973.
27. Шнирельман В. А., Панарин С. А. Лев Николаевич Гумилев: основатель этнологии? // Вестник Евразии. 2000. № 3. С. 5–37.
28. Козлов В. И. Пути околэтнической пассионарности // Советская этнография. 1990. №4. С. 94–110.
29. Яблонский Л. Т. «Палеоантропология СССР» Г. Ф. Дебеца с позиций современной палеоантропологии // Этнографическое обозрение. 1996. № 4. С. 78–84.
30. Кедров Б. М., Григулевич И. Р., Кривелев И. А. По поводу статьи Ю. М. Бородея «Этнические контакты и окружающая среда» // Природа. 1982. № 3. С. 88–91.
31. Алексеев В. П. Этногенез. М.: Наука, 1986. 176 с.
32. Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. Автобиография. М.: Наука, 1980. 488 с.
33. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера земли. Л.: Гидрометеиздат, 1990. 528 с.
34. Крюков М. В., Малявин В. В., Софронов М. В. Китайский этнос на пороге средних веков. М.: Наука, 1979. 328 с.
35. Крюков М. В., Малявин В. В., Софронов М. В. Китайский этнос в средние века (VII–XIII вв.). М.: Наука, 1984. 336 с.
36. Коротаев А. В., Малков А. С., Халтурина Д. А. Законы истории. Математическое моделирование исторических макропроцессов. Демография, экономика, войны. М.: КомКнига, 2005. 344 с.
37. Крюков М. В., Переломов Л. С., Софронов М. В., Чебоксаров Н. Н. Древние китайцы в эпоху централизованных империй. М.: Наука, 1983. 416 с.
38. Жуковская Н. Л. Изучение ламаизма в СССР (1917–1976) // Народы Азии и Африки. 1977. № 2. С. 187–196.

39. Жуковская Н. Л. Народные верования монголов и буддизм (к вопросу о специфике монгольского ламаизма) // Археология и этнография Монголии. Новосибирск: Наука, 1978. С. 24–36.
40. Гафуров Б. Г. Таджики. 2-е изд. Душанбе: ИРФОН, 1989. Кн. 1. 380 с.
41. Ставиский Б. Я. О месте исторической географии в востоковедных исследованиях (по поводу критики И. Я. Златкиным концепции Л.Н. Гумилева) : рукопись // Архив Мемориального музея-квартиры Л.Н. Гумилёва (филиал музея Анны Ахматовой в Фонтанном доме).
42. Гумилев Л. Н. Искать то, что верно // Советская литература. 1990. № 1. С. 72–77.
43. Козлов В. И. Лев Николаевич Гумилев // Советская этнография. 1992. № 5. С. 173–175
44. Рыбаков Р. Б. Сын об отце // Вестник Российской академии наук. Т. 78. 2008. № 6. С. 544–548.
45. Скаковский Л. Р. «Золотая осень цивилизации» как инерционная фаза этногенеза: достижения, проблемы и издержки // Международные исследования. Общество. Политика. Экономика. 2010. № 3(4). С. 48–51.
46. Лавров С. Б. В чем феномен Льва Гумилева // Санкт-Петербургские ведомости. 9 апреля 1993.
47. Гумилев Л. Н. Автобиография. Воспоминания о родителях // Лавров С. Б. Лев Гумилев: Судьба и идеи. М.: Айрис-пресс, 2003. С. 7–16.
48. Куркчи А. И. Л. Н. Гумилев и его время // Гумилев Л. Н. Поиски вымышленного царства. М.: Институт ДИ-ДИК, 1997. 480 с.
49. Семенов Ю. И. Идеологическая мода в науке и скептицизм // Скепсис. 2003. № 2. С. 11–18.
50. Кузьмин А. Г. Пропеллер пассионарности, или Теория приватизации истории // Молодая гвардия. 1991. № 9. С. 256–277.
51. Янов А. Л. Учение Льва Гумилева // Свободная мысль. 1992. № 11. С. 104–116.
52. Кун Т. Структура научных революций. М.: АСТ, 2003. 365 с.
53. Лакатос И. Методология исследовательских программ. М.: АСТ: Ермак, 2003. 380 с.
54. Порус В. Н. О философских аспектах проблемы «несоизмеримости» научных теорий // Вопросы философии. 1986. № 12. С. 57–70.
55. Буровский А. М. Лев Николаевич Гумилев – о месте в науке и в истории // Лев Николаевич Гумилев. Теория этногенеза и исторические

судьбы Евразии : материалы конференции. СПб.: Европейский Дом, 2002. Т. 1. 271 с.

56. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. 2-е изд. М.: Искусство, 1986. 445 с.

С. А. Тихомиров

**«Нетипичный» человек из эпохи Отечественной войны
1812 года (опыт междисциплинарного прочтения
«новой биографической истории»)**

УДК 821.161.1, 82-342, 929

Сюжет для публикации продиктован историко-антропологическим контекстом современных исторических исследований. Пристальному междисциплинарному вниманию была подвергнута комедия Н. В. Гоголя «Ревизор» и история её написания, поскольку художественная литература издавна считалась ценным историческим источником. Черная сведения в архивных документах, автор прослеживает судьбы исторических прототипов и литературных персонажей произведения, показывает их жизнь в истории и литературе. В исследовании сталкиваются биографические факты и реальная жизнь русской провинции, воплощённые писателем в произведении, так как истоком всему явилось время, в котором жило и творило поколение эпохи Отечественной войны 1812 года.

Ключевые слова: эпоха Отечественной войны 1812 года, военное поколение, комедия Н. В. Гоголя «Ревизор», история создания произведения, повседневная жизнь русской провинции, судьбы исторических персонажей и литературных прототипов.

Sergey A. Tikhomirov. «Atypical» people from the era of the War of 1812 (the experience of an interdisciplinary reading «new biographical history»)

The subject for the publication was dictated by historical and anthropological context of contemporary historical research. The interdisciplinary attention was drawn to the comedy of Nikolai Gogol «Revizor» and the story of its writing, because for a long time the fiction has been considered a valuable historical source. Find information in the archival documents, the author traces the lives of historical prototypes and literary characters, showing their lives in a real life and literature. The study faces biographical facts and real life of Russian province, writer embodied in the product, because the source of all was the time in which lived and worked war generation of 1812.

Keywords: *the war era of 1812, the war generation, the comedy of Nikolai Gogol «Revizor», the story creation of the work, the daily life of the Russian provinces, the lives of historical personages and literary prototypes.*

Публикуемое в настоящем издании исследование мне хотелось бы посвятить памяти двух людей, сыгравших существенную роль в том, что я ещё в студенческие и аспирантские годы обратился к творческой истории комедии Н. В. Гоголя «Ревизор»: это замечательный человек и педагог от Бога, школьный учитель из города Устюжны, что в Вологодской области, *Андрей Александрович Поздеев* (1886–1975), открывший многие архивные документы о создании этого произведения, и профессор *Пётр Андреевич Колесников* (1907–1996), мой основной и, пожалуй, главный наставник по жизни и научным изысканиям, к сожалению, не доживший до сегодняшнего дня – слишком много было ему тогда лет... Именно его рассказы по истории Русского Севера и привили мне любовь к этому региону – памятнику отечественной и мировой культуры.

Древние мудрецы говорили, что помимо главных предназначений человека в жизни (посадить дерево, построить дом и воспитать ребёнка) нужно встретить своего УЧИТЕЛЯ, который научил бы тебя ремеслу, помог выполнить шедевр (в Средневековье этот тер-

мин обозначал ученическую работу) и привил привязанность к профессии...

Сегодня стало вполне очевидным, что русская культура всегда носила ярко выраженный литературоцентричный характер.

К сожалению, читать ныне не модно...

Но литературные произведения всё чаще и чаще стали использоваться в качестве исторического источника, поскольку они зачастую носят ярко выраженный историко-антропологический характер [2; 16; 27; 61; 66; 67].

Согласно представлениям Умберто Эко, описанным в очерке «Шесть прогулок в литературных лесах», *«читать литературное произведение – значит принимать участие в игре, позволяющей нам придать осмысленность бесконечному разнообразию вещей, которые произошли, происходят или ещё произойдут в настоящем мире. Читая литературный текст, мы бежим от тревоги, одолевающей нас, когда мы пытаемся сказать нечто истинное об окружающем мире...»* [65, с. 164].

И сегодня без междисциплинарных исследований, основанных на архивных находках, отличающихся продуманностью, доказательностью и научной щепетильностью, не обойтись... Как не вспомнишь здесь принципы *«конкретного литературоведения»*, сформулированные ещё академиком Д. С. Лихачевым: *«медленное чтение»*, *«углублённое понимание произведений в реальной обстановке»*, *«реальное понимание стиля»*, *«доказательность выводов»*.

Экстремальные периоды человеческой истории, к которым относятся мировые и локальные военные конфликты, революции, другие социальные потрясения, представляются противоречивыми общественными процессами, затрагивающими различные стороны повседневного бытия. Подобные исторические изменения характеризуются ускоренным протеканием социального времени, динамичностью психологических процессов, изменением общественных настроений и чувств. События начала XIX в., связанные в русской истории с наполеоновским нашествием, скорректировали привычную жизнь российского столичного и провинциального общества. *«Противное человеческому разуму и всей человеческой природе событие»* (такое определение наполеоновскому нашествию в романе

«Война и мир» привёл писатель Л. Н. Толстой) заставило россиян рассуждать, задавать политические и общественные вопросы, благодаря нашествию наполеоновских войск произошёл подъём национального и этнического самосознания.

Каждому историческому периоду свойственны события, обостряющие человеческое восприятие. Если посмотреть на историю эпохи наполеоновского нашествия, то можно увидеть судьбоносные знаки, предваряющие событие. Они выражаются в предсказаниях, знамениях, видениях.

Ещё в самом начале Александровского царствования сосланный в Соловецкий монастырь монах Авель предсказал *«роковой, незабвенный год»* (Н. М. Карамзин), когда *«Ныне от Адама семь тысяч триста и двадцатый год, а от Бога Слова тысяча и восемьсот и второй на десять. И слыша мы в Соловецком монастыре, яко бы южный царь или западный, имя ему Наполеон, пленит грады и страны, и многия области, уже и в Москву вшёл. И грабит в ней и опустошает все церкви и вся гражданския, и всяк взывая: Господи помилуй и прости наше согрешение. Согрешихом пред Тобою, и несть достойны нарекатися рабами твоими; попустил на нас врага и губителя, за грех наш и за беззакония наша! и прочая таковая взываху весь народ и все людие...»* [18, с. 423].

Так было и накануне 1812 года, когда у русских людей отношение к новому времени было настороженное, если не сказать неприязненное.

Наступавший 1812 год выдавался високосным, а значит, по русскому поверью, напряжённым и тревожным.

Когда стало известно об этом, среди простонародья уже ходили фантастические слухи...

Поводом к рождению народных толков стало появление осенью 1811 г. на небосводе *«власатой»* кометы, обозначившейся *«задолго до нашествия на Москву неприятеля»*.

Московский старожил П. Г. Кичеев в своих записках отмечал: *«Эта комета была замечательна по блестящему хвосту, и её-то Наполеон называл своей счастливою звездой и путеводительницей в Россию»* [23, с. 157].

Священник Вельского Троицкого собора, что в бывшей Вологодской губернии, по поводу появления кометы писал: *«Сего же года августа на 18-е число в ночи в северной стране явилась комета, или блудящая звезда, от которой был хвост протягающий вверх с наклоном к западу струями, а в сентябре оказалась в лете, а оной хвост был тогда наклонен к востоку. Даже была видима ноября в последних числах, а обращение имела от запада на восток»* (цитируется по оригинальному документу, хранящемуся в Архангельской областной универсальной научной библиотеке им. Н. Г. Чернышевского, получившему название «Летописец города Вельска от основания до 1842 года». Инв. № РК-АОНБ. Л. 43).

Последовало вскоре объяснение произошедшему: кто-то говорил, что хвост кометы – это пучок розог, а кто-то, как Д. И. Заваляшин, сравнивал его с метлой, которая явилась, *«чтобы вымести всю неправду из России»* [19, с. 146].

Газета «Санкт-Петербургские ведомости» (№ 73) 12 сентября 1811 г. опубликовала официальное сообщение Императорской Академии наук, составленное астрономом Ф. Ф. Шубертом (С. 1080–1081): *«...поелику по сие время величина и свет ея ежесдневно весьма приметно умножались, и в течение всего Сентября будут ещё умножаться, то и должно ожидать, что Комета сия будет одна из величайших, каковых уже более целого столетия видимо не было...»*.

Говорили, что французы, якобы оставив христианскую веру, изобрели себе Бога Умника (религия Разума) и рабски стали поклоняться ему. Говорили, что Франция вся предалась Антихристу, избрав себе в полководцы его сына *Аполона*, который по звёздам якобы угадывает будущее, знает, когда начать и закончить войну; жена этого чародея – колдунья, которая может заговаривать огнестрельное оружие, противопоставляемое мужу, и французы поэтому побеждают.

Грамотные простолюдины носились с *«новой»* трактовкой девятой главы Апокалипсиса, где якобы упоминается *«Аполион-антихрист»*.

Кроме того, в учёной среде нашёлся знаток, утверждавший, что в Откровении Иоанна Богослова упоминаются три шестёрки (666), в которых сокрыто имя Наполеона. Кстати пришлась дата первого

письменного упоминания об основании Москвы – 665 лет. В обществе решили: *«быть великой войне»* ...

И уже после завершения Отечественной войны 1812 года и вступления русской армии в Европу московский житель писал: *«Позднейшее потомство будет говорить о 1812 годе, как мы теперь говорим о всемирном потопе. Тогда окружённый водою ковчег спас Ноеву семью; здесь же объятая пламенем Москва спасёт наводнённую, так сказать, злодеяниями, безбожием и ужасными бедствиями Европу. Глаза Вселенной обращены были на Наполеона и на Россию: на него с ужасом – на нас с надеждою и упованием»* [60, с. V–VI].

Случались в русской истории события и иного порядка, повторявшиеся с завидной периодичностью, которые приобретали масштабы анекдота...

Самозванство на Руси – явление давнее, скорее культурная традиция. Исследователи в России пришли к выводу, что самозванцы, как правило, чаще всего по своему социальному происхождению были выходцами из непривилегированных слоёв населения, они присваивали себе вымышленные чужие звания, имена и фамилии. Иногда самозванцы выходили из других социальных групп и представляли собой авантюристов. Они в русской истории всегда появлялись в моменты обострения социальной жизни и ухудшения жизни в стране: во время войны, хозяйственных и политических кризисов, неурожая, голода, роста податей и налогов и так далее.

Появлялись самозванцы и авантюристы в России в эпоху наполеоновского нашествия...

«Среди смутных в 1812 году для России обстоятельств явился в город Георгиевск один молодой человек, под именем Соковнина, якобы лейб-гвардии конного полка поручик и адъютант министра полиции; он предъявил надлежащие документы, как бы от правительства ему данные на имя гражданского губернатора и в казённую палату. В тех бумагах он показывался нарочито посланным по Высочайшей Её Императорского Величества воле для набора войск из черкес и разных племён кавказского народа. Для обмундирования же сего войска и отправления куда следует, якобы поручено было сему Соковнину требовать деньги из казённой палаты...», –

так гласил документ, сохранившийся в Военно-учётном архиве Главного штаба (ныне – Российский государственный военно-исторический архив в Москве (См.: РГВИА. Ф. ВУА. Д. 496. Ч. 4, 5. Переписка по делу Романа Медокса с августа 1812 г. по июль 1813 г. Опубликовано М. Г. Нерсисяном в книге «Отечественная война 1812 года и народы Кавказа». Ереван, 1965. – С. 304–308, 350–367, 370–387). Из этого архивного дела также известно, что мероприятия по сбору ополчения из горских народов и казаков осуществлял Роман Михайлович Медокс (1789–1859), который, будучи добровольцем Московского ополчения и находясь со своим воинским формированием под Тарутино, похитил у князя Н. А. Касаткина-Ростовского две тысячи рублей, а затем скрылся. Далее по подложным документам Роман Медокс проследовал через Тамбов, Воронеж, Ярославль на Кавказ. Везде, насколько об этом можно говорить по сохранившимся документам, он получал деньги из казённых палат. Прибыв в декабре 1812 г. в Георгиевск, при проведении акции по сбору ополчения, он заручился поддержкой вице-губернатора барона П. К. Врангеля и генерала С. А. Портнягина, не без их помощи получил в Кавказской казённой палате десять тысяч рублей, а при помощи султана Арслан-Гирея, султана Менгли-Гирея и других собрал кабардино-адыгейское ополчение (около четырёхсот всадников). Об успехе своего дела, в надежде на прощение, он соизволил сообщить в Петербург министру полиции А. Д. Балашову и министру финансов Д. А. Гурьеву. Позднее под авторством Романа Медокса в журнале «Русская старина» (1879. – Т. XXVI) вышла в свет его покаянная заметка «Моё предприятие составить кавказско-горское ополчение в 1812 году» [32а]. Публикатор этого документа К. П. Медокс сообщил читателю, что *«первоначально она была напечатана в весьма ограниченном количестве экземпляров, только для самых близких лиц, но не для публики»* и *«так как она имеет некоторое историческое значение, то я и счёл необходимым сообщить её на страницах уважаемого исторического издания...»* [43, с. 713].

После письма в Петербург самозванца 6 февраля 1813 г. арестовали в Георгиевске. При аресте он присвоил себе фамилию Всеволожский. Собранное им ополчение распустили. После этого его

под конвоем доставили в Петербург, допросили. На допросе Роман Медокс поименовался сыном выдуманного им камергера князя Голицына [46, с. 453]. По личному приказу императора Александра самозванца направили на пожизненный срок в Петропавловскую крепость «для воздержания от подобных поступков». Позднее его перевели в Шлиссельбургскую крепость.

В 1827 г. по приказу Николая I переведён на жительство под надзор полиции в Вятку. В декабре 1827 г. бежал, жил по подложному паспорту. Скитался по империи. Несколько раз был арестован, подвергался ссылке. В 1828 году был этапирован для службы рядовым в Омске. После побега летом 1828 г. написал два письма императору с просьбой о помиловании. В октябре 1829 г. прибыл в Иркутск, где состоял учителем дочери городничего. Здесь «раскрыл» заговор, о чём сделал ложный донос. После его раскрытия вновь бежал, вновь пойман, вновь допрошен, и заключён в крепость. Однако в 1856 г. освобождён по амнистии. Подробнее обстоятельства этого факта биографии Р. М. Медокса известны из публикаций С. Я. Штрайха [56а; 56б], А. А. Орлова [43; 44; 45].

Последние дни жизни провёл в Тульской губернии.

Среди незавершённых фрагментов прозаических произведений А. С. Пушкина, в его архиве сохранился отрывок, близкий во времени к истории посещения чиновником в партикулярном платье заштатного уездного городка:

«В начале 1812 года полк наш стоял в небольшом уездном городе, где мы проводили время очень весело. Помещики окрестных деревень обыкновенно приезжали туда на зиму, каждый день мы бывали вместе, по воскресениям танцевали у предводителя. Все мы, то есть двадцатилетние обер-офицеры, были влюблены, многие из моих товарищей нашли себе подругу на этих вечеринках; итак, не удивительно, что каждая безделица, относящаяся к тому времени, для меня памятна и любопытна.

Всего чаще посещали мы дом городничего. Он был взяточник, балагур и хлебосол, жена его – свежая веселая баба, большая охотница до виста, а дочь – стройная меланхолическая девушка лет семнадцати, воспитанная на романах и на бланманже...» [57, с. 474].

А вот отрывок, который А. С. Пушкин вероятно предполагал воплотить в некоем произведении:

«Кристин приезжает в губернию на ярмонку – его принимают за Губернатор – честный дурак. – Губернаторша с ним кокетничает – Кристин сватается за дочь» [56, с. 431].

На самом деле сюжет о подобном путешественнике уже использовался в литературе. Например, в комедии Августа Коцебу «Маленький немецкий городок», а также в комедии украинского автора Г. Ф. Квитки-Основьяненко «Визитёр из столицы, или Ту-мульд в уездном губернском центре».

Такую же комедию, озаглавленную «Ревизоры, или Великий лжец, прибывший издалека», написал Н. А. Полевой.

Но ни один из этих прототипов не смог так вдохновить Н. В. Гоголя, о чём подробно рассказали А. К. Воронский [11] и А. Труайя [63].

Он отверг все другие замыслы, кроме пушкинского...

Только его созидательная искра должна была вознести Н. В. Гоголя.

Отложив «Мёртвые души», он сразу же принялся за работу над «Ревизором» ... Об этом известно из исследований М. А. Александровой и Л. Ю. Большухина [1].

О замысле и работе писателя над произведениями «Мёртвые души», «Тарас Бульба» и «Ревизор» рассказали И. А. Виноградов [10] и В. М. Гуминский [14].

Принято считать, что сюжет комедии «Ревизор» Н. В. Гоголю подсказал А. С. Пушкин [3; 5; 12, с. 91; 16; 28; 32; 35; 40; 59; 64, с. 426, 435]. Об этом говорил как сам писатель, так и авторы некоторых мемуарных источников. Исследователи творческой истории создания «Ревизора» до сих пор приходят к мнению, что при нынешнем состоянии источников ответить на вопрос об исходной дате в истории замысла комедии с достоверной точностью не представляется возможным. Кроме того, споры о первоначальной идее А. С. Пушкина всё ещё не окончены. О спорности поставленного вопроса известно из работ С. А. Павлинова [47, с. 26; 39]. Существуют в литературе и разные точки зрения на вопрос, где случилась описанная Н. В. Гоголем история. Например, в дневнике О. М. Бо-

дьянского записано о вечере у С. Т. Аксакова, где Н. В. Гоголь заметил, что *«первую идею к “Ревизору” его подал ему Пушкин»*, Н. В. Гоголь рассказывал о П. П. Свиньине, выдававшем себя в Бессарабии за чиновника, о чём подробно известно из монографии В. Н. Бочкова [5]. Далее О. М. Бодянский цитировал Н. В. Гоголя: *«После слышал я, – прибавил он, – ещё несколько подобных проделок, например, о каком-то Волкове»* [41, с. 134]. Забегая вперед, отметим, что никто иной, как вологодский помещик Платон Григорьевич Волков и есть упоминаемый в дневнике ревизор. Об этом далее говорится в настоящей статье. Хрестоматийным представляется высказывание В. А. Соллогуба (он запечатлел в своих записках факт рассказа А. С. Пушкиным Н. В. Гоголю истории с ревизором) о подобном случае, бывшем в городе Устюжне Новгородской губернии, когда какой-то проезжавший господин выдавал себя за чиновника министерства и обобрал всех городских жителей [53, с. 516]. Далее автор сообщал, что подобная ситуация случилась и с самим А. С. Пушкиным: в 1833 году во время поездки за материалами для *«Истории Пугачева»* его приняли за тайного ревизора, *«имевшего будто бы предписание “обозревать секретно действия оренбургских чиновников”»*. Однако версия В. А. Соллогуба нуждается в проверке и поиске подтверждавших её источников. К слову сказать, к сообщению В. А. Соллогуба о приезде в Устюжну подозрительного путешественника в своё время отнеслись с полным доверием некоторые исследователи: Н. А. Котляревский [26, с. 308], А. И. Лященко [31, с. 524], П. О. Морозов [40, с. 111–112], В. В. Гиппиус [12, с. 91], С. С. Данилов [17, с. 87], Ф. Д. Батюшков [4]. Поискам документов, подтверждавших устюженский случай, более четверти века посвятил Андрей Александрович Поздеев, устюженский учитель с многолетним стажем.

Об этом человеке часто вспоминал при мне известный историк Русского Севера, профессор П. А. Колесников. Именно Андрей Александрович помог ему обжиться в Устюжне, когда Петр Андреевич переехал туда на постоянное место жительства. Он делился с новым своим знакомым бесценными знаниями по истории города, воодушевлял на первые изыскания в архивах страны Советов. И после переезда П. А. Колесникова в Вологду А. А. Поздеев переписывал

вался со своим другом и коллегой по педагогической деятельности. Вспоминается достаточно пухлая пачка писем устюженского учителя, адресованная Петру Андреевичу (ныне переписка П. А. Колесникова с А. А. Поздеевым хранится в Государственном архиве Вологодской области в личном фонде историка). Его корреспонденции были наполнены ответами на задаваемые вопросы убористым почерком на десятках страниц, их тексты являлись письмами-эссе, полными богатейшего содержания.

И так было со всеми его адресатами. Исследователь из Устюжны состоял в переписке со многими литературоведами, писателями, историками, не пропускал выхода в свет ни одной крупной книги по истории русской литературы. Прочитав книгу, он сразу откликнулся письмом к её автору. Начинал эти письма А. А. Поздеев доброжелательным отзывом, затем, извинившись за беспокойство и смелость, высказывал уточнения, относящиеся к прототипам литературных героев. И наконец, следовал довольно основательный экскурс в их родословную. Благодаря А. А. Поздееву во многих повторных изданиях авторами были сделаны дополнения и исправления. Устюженский учитель переписывался с А. И. Гессеном, А. С. Бушминым, И. Л. Андронниковым, Д. Д. Благим, В. И. Архиповым, С. И. Машинским и другими. Наиболее интересные отрывки из переписки с этими исследователями и писателями привела в публикации Л. А. Валдаева [7, с. 235–237] по подлинникам, хранящимся в Устюженском краеведческом музее (УКМ. Ф. 3. К. 100. Д. 1–4).

В процессе написания этих заметок автору вспомнились две характеристики, которые высказал в разное время о А. А. Поздееве П. А. Колесников. Современников учителя из Устюжны всегда интересовали и привлекали в жизни педагогическая и краеведческая деятельность. П. А. Колесников говорил, что в этом русском учителе жил *«учитель-ученый, педагог от Бога, представитель той части деятельностно-творческой и духовно-богатой русской интеллигенции, которая достойна подражания во все времена»*. Но в А. А. Поздееве жил и краевед, *«в том высоком значении слова, когда стирается грань между столично-академической наукой и ре-*

гионально-краеведческой, отличавшейся от первой лишь тем, что она развивалась на периферии великого государства» [24, с. 49].

Исследователь, получив университетское образование в своём отечестве и за рубежом, так и остался народным учителем с непогасшей до самой смерти любовью к своему тяжёлому и почётному труду. На одном из Всесоюзных съездов учителей устюженского учителя назвали воспитателем человеческих душ. Но областные инспектора считали его плохим педагогом. Постоянно осуждалась индивидуальная манера вести урок при помощи яркого рассказа, иногда сопровождаемого исполнением на фортепиано музыкальных произведений. Вызывали осуждение проверяющих и экскурсии учителя на уроках в историю прототипов литературных героев в произведениях школьной программы. Но как Андрей Александрович мог не рассказать своим юным слушателям о прототипах городничего и ревизора и о случае, который якобы произошёл между ними в их родном городе! Ведь именно он, устюженский учитель, потратил десятки лет, чтобы изучить творческую историю создания комедии Н. В. Гоголя «Ревизор», разыскать письмо новгородского губернатора городничему И. А. Макшееву о долге, с неизвестными целями проживания в городе молодого человека «в партикулярном платье с мальтийским крестом», в котором губернатор заподозрил ревизора от вышестоящих властей. Именно он, учитель из Устюжны, передал от потомков городничего в Пушкинский Дом портрет И. А. Макшеева, который хранится ныне в отделе рукописей. Об этом говорится в «Описании рукописей и изобразительных материалов Пушкинского Дома» [42, с. 78]. Все названные источники А. А. Поздеев передал в отдел рукописей Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (Ф. 652. Оп. 2. Д. 88, 89), о чём известно из обзора М. И. Маловой [33, с. 86–87].

Забегая немного вперёд, скажем, что Иван Александрович Макшеев – городничий Устюжны Железопольской во второй половине 1820-х гг.; капитан Кексгольмского полка, участник Отечественной войны и кампаний 1812–1815 годов. Принимал участие в осаде Данцига. После ранений уволен в отставку и в 1824 г. назначен устюженским городничим. Случай с ревизором произошёл через пять лет после его назначения. О биографии И. А. Макшеева

более подробно сообщается в публикации «Бумаги, относящиеся до Отечественной войны», подготовленной для шестого выпуска «Сборника Новгородского общества любителей древности» (Новгород, 1912) [6].

В историографию изучения творческой истории комедии Н. В. Гоголя «Ревизор» А. А. Поздеев вошёл как человек, разыскавший несколько документов, подтверждавших аналогичный случай, бывший в Устюжне. На основании этих источников устюженский учитель специально для сборника «Литературный архив» подготовил статью «Несколько документальных данных к истории сюжета “Ревизора”» [51].

В исследовании А. А. Поздеев делал попытку ответить на два вопроса: *«был ли такой случай в Устюжне и действительно ли знал о нём Гоголь со слов Пушкина?»* [52, с. 146].

И на первый из них отвечает вполне утвердительно.

Следует отметить, что А. А. Поздеев в данном случае выступил ещё и как источниковед. В его руках оказалось письмо-запрос новгородского губернатора А. У. Денфера к устюженскому городничему И. А. Макшееву.

Текст письма неоднократно воспроизводился в публикациях. Первоначальная его публикация имела в сборнике «Литературный архив» [51]. Кроме того, цитирование текста и упоминание о нём приводится в публикациях С. А. Павлинова [47, с. 26] и В. В. Гуры [15, с. 156].

При описании источника учитель замечал даты написания и получения корреспонденции, причём уточняя о наличии помет инородной руки в написании даты получения письма. Исследователь подчеркивал, что *«за любезным тоном скрывалась и тревога администратора, и его недовольство недостаточно бдительным городничим»* [52, с. 147]. Он подверг сомнению возможность ношения мальтийского знака, поскольку оно каралось законом. Учитель предполагал, что факт сохранения городничим в своих домашних архивах именно этого письма имело какое-то исключительное значение. И значение это определялось комичностью ситуации, которую читатели прекрасно знают по гоголевскому произведению.

Новый всплеск интереса к истории с ревизором возник в конце XIX столетия.

В литературе вновь появились сведения о событиях в Устюжне.

Вероятно, ощущая пристальное внимание к своей персоне, А. И. Макшеев, сын городничего (А. А. Поздееву принадлежала заметка и нѐм) [53], составил черновик записки по поводу сюжета комедии, в которой отрицал причастность своего отца к известным обстоятельствам. По всей очевидности, заметки готовились к публикации, однако остались неизданными по причине смерти их автора. Исследователю А. А. Поздееву удалось отыскать этот черновик в бумагах А. И. Макшеева. Полностью обнаруженный документ назывался «Заметка, касающаяся “Ревизора” Гоголя». Исследователь привёл её полностью в своей статье [52, с. 149–150]. Проанализировав заметки А. И. Макшеева, устюженский учитель пришёл к выводу о их неубедительности. По мнению А. А. Поздеева, черновик заметок преследовал цель любыми средствами реабилитировать городничего.

Каковы доводы известного географа и путешественника в отрицании причастности своего отца к истории с ревизором?

Во-первых, по мнению А. И. Макшеева, Н. В. Гоголь не мог писать портреты чиновников, совершенно ему незнакомых. Он рисовал образы, создаваемые благодаря собственной фантазии и при помощи скопленного им запаса личных наблюдений.

Во-вторых, в тексте комедии автор допустил некоторые ошибки фактического характера. Например, уездными судьями являлись не Ляпкины-Тяпкины, а уважаемые дворяне, выбираемые на должность сословными органами власти; попечителей богоугодных заведений в Устюжне не было в силу отсутствия оных, учителя истории, как правило, ограничивали свою деятельность спрашиванием домашнего задания.

В-третьих, Н. В. Гоголь, по мнению А. И. Макшеева, *«не имел в виду изобразить точной и полной картины строя уездной жизни и ограничивал свою задачу облечением в комическую форму анекдота о ревизоре, рассказанного ему Пушкиным»* [52, с. 149–150].

Таким образом, на первый вопрос, поставленный учителем из Устюжны, о наличии описываемых В. А. Соллогубом событий можно ответить утвердительно.

Но оставался второй вопрос: *дошли ли рассказы о происшествиях в городе Устюжне до Гоголя в передаче Пушкина?*

Ответить на него А. А. Поздееву было несколько сложнее.

По мнению учителя, об устюженских событиях автор комедии, вероятно, когда-то слышал (в мемуарах В. А. Соллогуба запечатлён этот момент во времени). В текстах его сочинений присутствуют немногочисленные по сравнению с украинскими топонимами названия русских населенных пунктов. В «Мёртвых душах» и «Тяжбе» несколько раз упоминаются Весьегонск, что неподалеку от Устюжны, и Устюжский уезд. Вероятно, указанное совпадение в какой-то мере подтверждало версию исследователя. Однако упомянутый факт, согласитесь, ещё не является доказательством в ответе на поставленный вопрос. Здесь остаётся неясным, от кого дошёл автору комедии рассказ о событиях с авантюристом «в партикулярном платье с мальтийским крестом». Поскольку помимо записок упоминаемого В. А. Соллогуба других сведений о знакомстве А. С. Пушкина с устюженскими событиями, по-видимому, не существовало, и, зная об этом, А. А. Поздеев в своей публикации высказал суждение, что Н. В. Гоголь имел возможность услышать о подобных случаях и от других своих знакомых в Петербурге. Кроме того, по его мнению, нельзя определенно утверждать и о достоверности мысли о создании известного сочинения по мотивам устюженских событий, несмотря на прописанную в исследовании догадку о гоголевской осведомленности [52, с. 151].

Остановимся на хрестоматийности подобных обстоятельств в обыденной практике и действительности русской провинции XIX столетия. Конечно, читателю известны многочисленные случаи, о коих писал излюбленный автор в своём произведении. Именно он выступал против освещения конкретных ситуаций. Именно он выступал против узкого понимания своих персонажей. Помните, нельзя принимать *«за личность то, в чем нет и тени личности...?»* Писатель неоднократно отмечал независимость своих образов от непосредственных реальных прототипов, о чём говорил в своём ис-

следовании В. В. Гиппиус [13, с. 9]. *«Многочисленность вариантов рассказов о “мнимых ревизорах”, якобы переданных Гоголю Пушкиным, также подтверждает обобщающую типичность не только отдельных образов комедии Гоголя, но и всего её сюжета»*, – писал А. А. Поздеев [52, с. 152]. Современники и потомки-читатели сочинений Н. В. Гоголя долгое время обсуждали проблему правдоподобности искусно описанной им ситуации. Возможно, в какой-то степени этот вопрос разрешили так называемые «скептики», не веровавшие в вероятность подобных обстоятельств. Соприкоснувшись с реальной действительностью, они перестали сомневаться в невозможности совершения таких историй *«не только в провинциальных захолустьях, но близ центра и даже в самом центре нашей отечественной цивилизации»*. Об этом писал А. П. Милюков [39, с. 343–344].

Казалось бы, в историографии с творческой историей комедии Н. В. Гоголя «Ревизор» наметился какой-то определенный результат. Но исследователей постоянно волновал вопрос о существовании ответного письма городничего И. А. Макшеева новгородскому губернатору А. У. Денферу. Имелось ли оно вообще, где оно хранилось? Вспоминается, что П. А. Колесников рассказывал в связи с этим обстоятельством о вологодском краеведе В. К. Панове, который и отыскал то самое письмо в отечественных архивах. О нём известно из краеведческого словаря «Вологда» [25, с. 223] и статьи его внука, ныне известного вологодского краеведа Л. С. Панова [50].

Сохранившийся источник стал основой для написания В. К. Пановым статьи «Ещё о прототипе Хлестакова» [50]. Основываясь на документе, краевед сообщил читателям о приезде в Устюжну 10 мая 1829 г. вологодского помещика в чине отставного подпоручика Пл. Г. Волкова, который был *«в партикулярном платье, имел мальтийский знак»*. Он неоднократно навещал городничего, смотрел острог, лазарет, аптеку, посетил духовное училище, собор, где осматривал ризницу. При этом *«самым вежливым образом»* обходился со всеми, с кем общался. Из письма городничего явствовало, что автор документа не хотел относить *«партикулярного человека»* к числу *«подозрительных людей»*. Городничий, как

свидетельствовал источник, что-то скрывал. Вероятно, он умалчивал о случившемся факте принятия Платона Волкова за ревизора. Возможно, устюженские чиновники действительно приняли его за проверяющего начальника. Основания сказать об этом, исходя из документа, отсутствуют. Однако народная молва в Устюжне ещё и в 1930-х гг. хранила воспоминания о комическом происшествии, говоря о нём как об историческом анекдоте. Известному историку Русского Севера П. А. Колесникову об этом приходилось неоднократно слышать.

Вспомните, как О. М. Бодянский в своём дневнике передавал монолог Н. В. Гоголя о реальных случаях с *«проезжими господами»*. Он обмолвился о *«каком-то Волкове»* [41, с. 134]. Вероятно, это и есть тот самый вологодский помещик. Конечно, упоминание вскользь ещё не означает совпадение этих двух личностей, однако есть все основания предполагать правильность высказанного суждения.

Знакомство с биографией Платона Волкова [8, с. 466] указывало, что он происходил из вологодских дворян, получил приличное по тем временам образование, его имя звучало среди светских писателей. Он был вхож во все литературные салоны и кружки. Вологодский помещик упражнялся в стихосложении, имел несколько столичных периодических изданий (в них печатались сочинения Е. Ф. Розена, П. Г. Сянова, Д. Ю. Струйского, А. Г. Ротчева, В. И. Романовича, Э. Гофмана, А. Мицкевича, В. Гюго, Ф. Гизо и других). Просматривая страницы *«Журнала иностранной словесности и изящных художеств»*, увидим, что Платон Волков писал рецензии и обзрения зарубежной литературы. Обозревателю приходилось вмешиваться в литературную современность, где он отличался очевидной полемичностью. Исследователи отмечали несомненные поэтические подражания Платона Волкова корифею русской литературы А. С. Пушкину.

Современники поэта отзывались о нём как о человеке вызывающего поведения, склонного к аферам и азартным играм. Подтверждением тому выступают история его женитьбы на княжне Белинской, подлог документов в отношениях с крепостными крестьянами и судьба его наследства, полученного после смерти родите-

лей, о чём сообщал В. В. Гура [15, с. 154], а также имеются архивные документы (РГВИА. Ф. 395. Оп. 91. Д. 453. Л. 3). Последней точкой в его похождениях стали события в Устюжне. Оказавшись через некоторое время в Петербурге, он широко поведал всему столичному обществу о своих приключениях. Может быть оттуда пошли «по всей Руси великой» слухи о чиновнике «*в партикулярном платье и с мальтийским крестом*»? Следует отметить, что, кроме того, подтверждение истории с Платоном Волковым нашлось в материалах следственного дела «*по негласному наблюдению*» виновника в Вологде. Основываясь на слухах, полученных от вологодских блюстителей порядка, начальник Первого корпуса жандармов, зная, какой «*дерзкий человек... господин Волков*», сообщал А. Х. Бенкендорфу о похождениях своего «*подопечного*» в Устюжне в качестве служащего Третьего отделения. Он бывал у чиновников, «*обещал всем свою протекцию и, как говорят, оставлял адреса в канцелярию Вашего Высокопревосходительства, но неизвестно, на чье имя*» (Об этом см.: ГАРФ. Ф. 109. Оп. 1. Д. 236. Л. 28. Копию этих материалов см.: ОПИ ВГИАХМЗ. Ф. Панов В. К. Оп. 1. Д. НВ 15217). Совокупность информации, почерпнутой исследователями из архивных материалов, убеждает в некоторой подлинности свершившихся обстоятельств между устюженским городничим и вологодским помещиком.

Однако после детального рассмотрения всех источников и доводов к ним возникает вопрос: *какое место все-таки занимала реальная устюженская история в замыслах и процессе написания Н. В. Гоголем незабвенного произведения?* Вероятно, для ответа исследователям потребуется еще некоторое время...

Остаток своей жизни Платон Григорьевич Волков провёл в Вологде. С середины 1840-х гг. он служил в Вологодской губернии заседателем Грязовецкого уездного суда и переводчиком в губернском правлении, о чём имеются архивные документы (РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. 1845 г. Д. 411. Л. 134–136; ГАВО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 59. Л. 977; Ф. 178. Оп. 4. Д. 57. Л. 15).

Совсем недавно мной на Лазаревском кладбище Вологды обнаружена могила Платона Григорьевича Волкова, где указаны точные даты его жизни: родился 9 января 1801 г., скончался 4 марта

1850 г. Рядом с Платоном Григорьевичем покоится прах его родителей: отца – Волкова Григория Платоновича (родился 30 сентября 1772 г., скончался 5 июля 1849 г.) и матери – Волковой, урождённой Бахметьевой, Варвары Александровны (17 июня 1778 г. – 30 марта 1839 г.).

И последнее. Нельзя обойти вниманием дополнительные биографические сведения о А. И. Макшееве, которые в канун 190-летия Бородинского сражения опубликовал историк Г. В. Ляпичев [30]. После появления на страницах газеты «Известия» статьи «Городничий из “Ревизора”» в реальной жизни был героем Бородинского сражения» [70; 71] исследователь обратился к известным ему опубликованным источникам по истории Кексгольмского полка [38], поскольку в корреспонденции из Вологды сообщалось об участии офицера (капитана) этого воинского формирования И. А. Макшеева в Отечественной войне 1812 года и награждении его шпагой «За храбрость» в сражении при Бородине.

Обратившись к полковой истории, историк в списке офицеров Кексгольмского полка под № 415 обнаружил Семёна Николаевича Макшеева, поступившего на службу в полк прапорщиком 16 августа 1801 г. из кадет 2-го кадетского корпуса. Далее об этой личности говорилось: «*Будучи капитаном, 11 января 1810 года уволен от службы за ранами с мундиром*». При описании боевых действий военным историком – автором полковой истории указывалось, что штабс-капитан С. Н. Макшеев был награждён золотой шпагой с надписью «За храбрость» за сражения 1807 года при Гейльсберге и Фринланде. Однако в списке раненых указанного офицера не оказалось. Историкам XIX в., так же как и нынешнему поколению исследователей, были свойственны неточности и ошибки...

Исправить допущенное несоответствие возможно сегодня благодаря сохранившимся источникам Государственного военно-исторического архива в Москве. Обратившись к послужным (формулярным) спискам офицеров Кексгольмского полка конца XVIII – начала XIX в., мы обнаружили, что искомого капитана С. Н. Макшеева в документах на 1 января 1803 г. не числилось. Но источники сообщали о прапорщике Иване Александровиче Макшееве, выходеце из дворян, майорском сыне, за отцом которого состояло пятьде-

сят восемь душ мужского пола (РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 1428. Л. 181 об. – 182).

Согласно послужного (формулярного) списка о службе И. А. Макшеева известно, что в 1802 г. ему исполнилось девятнадцать лет. Сын городничего И. А. Макшеева писал: *«Отец мой, Иван Александрович, родился 1784 года марта 22... Скончался 1858 года, мая, 26»* [34, с. 152–153].

Сведения об отце И. А. Макшеева почерпнём из «Посмертных записок» генерала от инфантерии А. А. Одинцова, племянника Александра Ивановича Макшеева: *«Каждую зиму семья наша отправлялась гостить к отцу моей матери, <...> вёрст за двести, в Устюжский уезд, сельцо Гряду <...> Дед мой, А. И. Макшеев, имел более ста душ крестьян, следовательно, мог жить пошире, нежели Одинцовы, считавшиеся мелкопоместными; чтобы дать понятие о тогдашнем гостеприимстве, достаточно сказать, что у Макшеева собиралось на семейные праздники по пятидесяти особ разного пола и возраста, с челядью и лошадьми, и оставались гостить на несколько дней»* [55, с. 297].

В семье Макшеевых кроме Ивана Александровича воспитывался ещё брат Александр Александрович (1777–1847), будущий штабс-капитан артиллерии, и сестра Федосья Александровна (1780–1862), вышедшая в 1799 г. замуж за капитан-лейтенанта флота А. И. Одинцова.

Сохранились сведения об образовании И. А. Макшеева. Во 2-й кадетский корпус он поступил кадетом 19 декабря 1795 г. и выпущен из него в Кексгольмский полк 16 августа 1801 г. В послужном (формулярном) списке о его учебных успехах записано: *«российской грамоте читать и писать, арифметике, геометрии, языкам немецкому и французскому, рисовать, танцевать обучался»*. В книге «Историческое обозрение 2-го кадетского корпуса» в списке выпускников И. А. Макшеев упоминается последним (№ 42) [22]. Почему? Вероятно, потому, что особым прилежанием в учении он не отличался, поскольку по сложившейся традиции оформления документов в графе об образовании писалось: *«такие-то науки знает»*, а в случае с И. А. Макшеевым записано: *«обучался»*.

Последующая судьба И. А. Макшеева отражается также в послужном (формулярном) списке: прапорщик Кексгольмского полка (назначен 16 августа 1801 г.), в 1805 г. участвовал в десантной высадке на остров Рюген и совершил марш обратно из Шведской Померании в Россию; штабс-капитан (назначен 26 октября 1806 г.), в войне с французами 1807 г. участвовал в сражениях при Гутштате, Гейльсберге и Фридланде, награждён золотой шпагой «За храбрость» в 1807 г. и контужен картечью в правый бок, во время войны в Финляндии 1808–1809 гг. участвовал в Аландской экспедиции, произведён в капитаны 26 января 1809 г., по Высочайшему повелению от 11 января 1810 г. по прошению уволен от службы за полученными ранами с мундиром. О служебных перемещениях И. А. Макшеева и его награждении и отставке сообщалось в газетах «Санкт-Петербургские ведомости» (1806. – № 90. – С. 1006; 1810. – № 5) и «Московские ведомости» (1808. – № 36. – С. 949), а также в статье историка Г. В. Ляпишева [29].

В июне 1811 г. помещик сельца Гряда Устюженского уезда И. А. Макшеев *«повенчан с дворянской дочерью Кободиского прихода, Боровичского уезда, села Бередина Верою Васильевной Еремеевою, оба первым браком»*, о чём имеются архивные сообщения (РГВИА. Ф. 201. Оп. 1. Д. 1). Невеста будущего устюженского городничего приходилась двоюродной племянницей знаменитому А. А. Аракчееву, племянницей Петру Константиновичу Еремееву – опекуну В. В. Еремеевой. Их родство определялось по материнской линии, поскольку матери А. А. Аракчеева и П. К. Еремеева приходились были родными сёстрами (урождённые Ветлицкие). Поэтому родственники В. В. Еремеевой сочли необходимым сообщить ему сначала о помолвке, а затем и о свадьбе. Всесильный родственник не только благословил свою племянницу на брак, но и высказал слова поздравления и благоволения к супружеской чете Макшеевых, а в качестве подарка прислал невесте шёлковой материи на два платья.

В начале 1812 г., как сообщает историк Г. В. Ляпишев, у И. А. Макшеева возникло желание стать городничим Устюжны Железопольской. Он обратился с просьбой к своему родственнику П. К. Еремееву о протекции и содействии в этом вопросе перед

А. А. Аракчеевым. Как известно, царский сановник стал хлопотать, и в письме от 31 марта 1812 г. П. К. Еремееву сообщал: *«По личной вашей просьбе я утруждал Его Императорское Высочество принца об определении городничим родственника нашего Г[осподина] Мокшеева и получил обещание, что при открытии вакансии будет им помещён, но между тем теперь он внесён в список кандидатом и состоит шестым человеком в числе тех, кои подали просьбы об определении в городничии по Новгородской, Тверской и Ярославской губерниям»*. Об этом известно из архивных документов (РГВИА. Ф. 154. Оп. 1. Д. 340. Л. 58).

В 1812 г. И. А. Макшеев поступил в Новгородское ополчение (зачислен 4 сентября 1812 г.). От Новгорода с боями проследовал через Витебск, Березину, Юрбург, Кенигсберг, куда прибыл в январе 1812 г.

В письме от 29 марта 1813 г. П. К. Еремеев о судьбе И. А. Макшеева сообщал А. А. Аракчееву: *«От племянника Ивана Александровича насилу получили из Кенизберха письмо. Бедняжка всю зиму болен, а жена и тёща не осушают глаз – даже скуку на меня навели, нельзя ли, батюшко, как-нибудь его оттудова освободить, а ежели не можно, то сделайте милость, возьмите его к себе, я Вам за него ручаюсь, он Вам пондравится. Да отошлите, батюшко, к нему письмо, от нас ни одно не доходит, потому что не знаем куда писать»*. Об этом имеется архивный документ (РГВИА. Ф. 154. Оп. 1. Д. 102. Л. 184).

В 1813 г. И. А. Макшеев в составе Новгородского ополчения участвовал в осаде Данцига.

Об этом писал А. А. Аракчееву в письме от 16 сентября 1813 г. (РГВИА. Ф. 154. Оп. 1. Д. 102. Л. 531):

«Почтенное письмо Ваше сего 1-го числа я имел честь получить, при коем находилось и от дядюшки Петра Константиновича. Вы много ко мне милостивы, удостаивая писать ко мне и мне покровительствовать, чувства моей к Вам благодарности на века сохраняются в душе моей. Вы изволите писать, что я не отвечаю на Ваши письма. Боже меня сохрани, это для меня священная обязанность, на первое Ваше письмо из Калиша от 21-го марта я отвечал мая, 1-го числа, а на второе из Саксонии от 29-го апреля от-

ветствовал мая 17-го, где также мною послан список о Ваших крестьянах, поступивших в ополчение, о коих и теперь вторично имею честь Вам препроводить. Во втором письме Вашем по чувству Вашему ко мне благотворения вошли Вы в моё положение и желали освободить меня из ополчения, я должен признаться как благодарному отцу моему, что по обстоятельствам моим я имею великое желание быть переведённым из ополчения в службу Вашего Сиятельства или возвратиться в дом свой. Я теперь женат и имею обязанность пецись об устройстве семейственного моего положения. Употребите на сии два предмета Ваши старания. Я навсегда в полной мере буду чувствовать таковое Ваше благодеяние, при сём посылаю письма к родным моим. А так как дядюшка Пётр Константинович извещает меня, буде мне нужны деньги, то бы я отнёсся к Вашему Сиятельству. Служив в ополчении целой год, и, не получая жалования, я имею крайнюю нужду в деньгах для уплаты небольших долгов моих, почему и осмеливаюсь Вас просить прислать мне двести рублёв».

После этого письма последовало письменное обращение А. А. Аракчеева к Главнокомандующему войсками при осаде Данцига генерал-лейтенанту Ф. Ф. Левизу с просьбой освободить И. А. Макшеева из ополчения. Он послал своему родственнику триста рублей ассигнациями. После этого И. А. Макшеева откомандировали в Новгород, выдали дозволение вернуться домой.

Тыловая жизнь И. А. Макшеева началась 16 декабря 1813 г.

В 1818–1821 гг. И. А. Макшеев служил по выборам заседателем Устюженского уездного суда.

С 3 марта 1824 г. заступил на должность городничего Устюжны Железопольской.

Далее следовала мирная, спокойная жизнь. И случай с ревизором...

Вероятно, случай с человеком «в партикулярном платье с мальтийским крестом» на служебной карьере И. А. Макшеева не отразился.

Он прослужил устюженским городничим ещё непродолжительный период.

В начале 1835 г. он обратился к начальству с прошением об отставке *«по домашним обстоятельствам, а более по разстроенному здоровью»*.

Представляя ходатайство об отставке И. А. Макшеева, новгородский губернатор министру внутренних дел писал, что *«по запущенным в Устюжском городском правлении делам нужен сюда городничий деятельный и опытный»*. Подробнее об этом сообщалось в архивных документах (РГИА. Ф. 1286. Оп. 6. Д. 183).

Отставка последовала 5 марта 1835 г.

Скончался Иван Александрович Макшеев, как и его супруга Вера Васильевна, в 1858 г.

Похоронены они близ имения Гряды в селе Ильинском неподалёку от Устюжны Железопольской [34, с. 99–67].

1. Александрова М. А., Большухин Л. Ю. «...Вскоре после досто­славного изгнания французов»: эмблема исторического рубежа в поэме Гоголя «Мёртвые души» // Реалии и легенды Отечественной войны 1812 года : сб. науч. ст. СПб.; Тверь: изд-во Марины Батасовой, 2012. С. 247–260.

2. Аристов Н. Я. Сочинения Н. В. Гоголя со стороны исторической науки. Две статьи: I. Историческое значение сочинений Гоголя. СПб.: Изд. кн. маг. Н. Г. Мартынова, 1887.

3. Благой Д. Д. Гоголь – наследник Пушкина // Николай Васильевич Гоголь: сб. ст. / под ред. А. Н. Соколова. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та им. М. В. Ломоносова, 1954. С. 5–38.

4. Батюшков Ф. Д. Знал ли Гоголь Россию? // Речь. 1913. № 301.

5. Бочков В. Н. «Скажи: которая Татьяна?»: Образы и прототипы в русской литературе. М.: Современник, 1990. С. 48–106.

6. Бумаги, относящиеся до Отечественной войны // Сборник Новгородского общества любителей древности. Вып. VI. Новгород: Губернская типография, 1912.

7. Валдаева Л. А. Пусть не иссякнет память: Воспоминания об учителе А. А. Поздееве // Устюжна: Ист.-лит. альм. Вып. 1. Вологда: Изд-во ВГПИ «Русь», 1992. С. 230–240.

8. Вацуру В. Э. Волков Платон Григорьевич // Русские писатели, 1800–1917: Биограф. словарь. М.: Наука, 1989. С. 466–468.

9. Войтоловская Э. Л. Комедия Н. В. Гоголя «Ревизор»: Комментарий. Л.: Просвещение, 1971.
10. Виноградов И. А. 1812 год и «Тарас Бульба»: прошедшее и настоящее в замысле Н. В. Гоголя // 1812 год и мировая литература : сб. ст. М.: ИМЛИ РАН, 2013. С. 91–140.
11. Воронский А. К. Гоголь. М: Молодая гвардия, 2011 (Жизнь замечательных людей: Малая серия: сер. биогр.; вып. 24).
12. Гиппиус В. В. Литературное общение Гоголя с Пушкиным // Учен. зап. Пермск. гос. ун-та. Вып. 2. Пермь, 1931. С. 61–126.
13. Гиппиус В. В. Заметки о Гоголе // Учен. зап. Ленингр. гос. ун-та. Сер. филолог. наук. Вып. 2. Л., 1941. С. 3–21.
14. Гуминский В. М. К проблеме мифологизации истории: (Гоголь и некоторые факты и умонастроения в эпоху 1812 года) // 1812 год и мировая литература : сб. ст. М.: ИМЛИ, 2013. С. 141–194.
15. Гура В. В. Времён соединенье: Очерки, портреты, этюды, обзоры. Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1985.
16. Гус М. С. Гоголь и николаевская Россия. М.: Гослитиздат, 1957.
17. Данилов С. С. Гоголь и театр. Л.: Худ. лит., 1936.
18. Житие и страдание отца и монаха Авеля: Зачало шестое // Русская старина. 1875. № 2. С. 415–427.
19. Завалишин Д. И. Тысяча восемьсот двенадцатый год // Древняя и новая Россия. 1879. № 2. С. 146–154.
20. Золотусский И. П. Гоголь. М.: Мол. гвардия, 2005 (Жизнь замечательных людей).
21. Иггерс Г. Г. История между наукой и литературой: размышления по поводу историографического подхода Хейдена Уайта // Одиссей: Человек в истории. М.: Наука, 2001. С. 140–154.
22. Историческое обозрение 2-го кадетского корпуса. СПб.: Типография товарищества «Общественная Польза», 1862.
23. Кичеев П. Г. Воспоминания о пребывании неприятеля в Москве в 1812 году // Русский вестник. 1856. Т. 5. № 8. С. 156–178.
24. Колесников П. А. Размышления о пережитом. Вологда: изд-во Вологод. ин-та повыш. квалифик. и переподгот. пед. кадров, 1994 (Педагогические раздумья).
25. Коновалов Ф. Я., Панов Л. С., Уваров Н. В. Вологда, XII – начало XX века: Краевед. словарь. Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1993.

26. Котляревский Н. А. Николай Васильевич Гоголь: 1829–1842: Очерк из истории русской повести и драмы. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1911.

27. Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре: быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб.: Искусство, 2008.

28. Лотман Ю. М. В школе поэтического слова: Пушкин, Лермонтов, Гоголь : кн. для учителя. М.: Просвещение, 1988.

29. Ляпишев Г. В. Граф Аракчеев, Норовы и другие... // Эпоха наполеоновских войн: Люди, события, идеи: матер. : VI Всерос. науч. конф. М.: Музей-панорама «Бородинская битва», 2003. С. 67–78.

30. Ляпишев Г. В. Был ли гоголевский городничий участником Бородинского сражения? // Бородино и наполеоновские войны: Битвы, поля сражений, мемориалы : матер. межд... науч. конф. М.: Калита, 2003. С. 349–354.

31. Лященко А. И. «Ревизор» Гоголя и комедия Квитки «Приезжий из столицы» // Памяти Л. Н. Майкова. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1902. С. 520–538.

32. Макогоненко Г. П. Гоголь и Пушкин. Л.: Советский писатель, 1985.

33. Малова М. И. Обзор новых материалов, поступивших в рукописный отдел Института русской литературы // Бюллетени рукописного отдела Пушкинского Дома. Вып. III. М.; Л.: Наука, 1952. С. 86–87.

34. Макшеев А. И. Исторические сведения о роде Макшеевых и их поместьях // Сборник Новгородского общества любителей древности. Вып. 8. Новгород, 1916. С. 150–208.

35. Манн Ю. В. Комедия Гоголя «Ревизор». М.: Худ. лит., 1966.

36. Манн Ю. В. «Сквозь видный миру смех...»: Жизнь Н. В. Гоголя. М.: Моск. ин-т развития образоват. систем, 1994.

37. [Медокс Р.] М. Моё предприятие составить кавказско-горское ополчение в 1812 году // Русская старина. 1879. Т. XXVI. С. 709–713.

38. Мередиш В. Ф. 165 лет Кексгольмского гренадерского Императора Австрийского полка, 1710–1875. Варшава: Управление Варшавского жандармского округа, 1876.

39. Милюков А. П. Современные самозванцы // Милюков А. П. Рассказы и путевые воспоминания. СПб., 1873. С. 343–344.

40. Морозов П. О. Из заметок о Пушкине // Пушкин и его современники : материалы и исследования. Вып. XII. СПб., 1916. С. 111–112.

41. Олег Максимович Бодянский в его дневнике 1849–1852 годов // Русская старина. 1889. Т. 64. С. 404–626.
42. Описание рукописей и изобразительных материалов Пушкинского Дома. М; Л.: Наука, 1951. Т. 1.
43. Орлов А. А. Лжеголицын (авантюра Р. М. Медокса в 1812 году) // Хозяева и гости усадьбы Вяземы: Материалы VIII Голицынских чтений. Ч. 1. Большие Вязёмы: Гос. ист.-литер. музей-заповед. А. С. Пушкина, 2001. С. 153–166.
44. Орлов А. А. Кавказская авантюра Р. М. Медокса как проявление феномена самозванчества в России // Эпоха 1812 года: Исследования. Источники. Историография. Вып. 1. М.: ГИМ, 2002. С. 192–200.
45. Орлов А. А. «Спаситель Отечества» Роман Медокс – узник двух императоров // Вопросы истории. 2002. № 12. С. 145–148.
46. Орлов А. А. Медокс Роман Михайлович // Отечественная война 1812 года : энциклопедия. М.: РОСПЭН, 2004.
47. Павлинов С. А. Мальтийский знак «Ревизора», или Иоан Масон в Устюжском уезде // Традиции в контексте русской культуры : сб. ст. и матер. Череповец: Изд-во ЧГПИ, 1995. С. 24–28.
48. Павлинов С. А. Тайнопись Гоголя: «Ревизор». М.: С. А. Павлинов, 1996.
49. Панов В. К. Ещё о прототипе Хлестакова // Север. 1970. № 11. С. 120–130.
50. Панов Л. С. Вологодский краевед В. К. Панов // Русская культура на рубеже веков: Русское поселение как социокультурный феномен : сб. ст. Вологда: Книжное наследие, 2002. С. 411–417.
51. Поздеев А. А. Несколько документальных данных к истории сюжета «Ревизора» // Литературный архив / под ред. М. Л. Алексева. М; Л.: Наука, 1953. Т. 4. С. 31–37.
52. Поздеев А. А. Несколько документальных данных к истории сюжета «Ревизора» // Устюжна: Ист.-лит. альм. Вып. 1. Вологда: Изд-во ВГПИ «Русь», 1992. С. 138–152.
53. Поздеев А. А. А. И. Макшеев, русский географ, исследователь Средней Азии (1822–1892) // Устюжна: Ист.-лит. альм. Вып. 2. Вологда: изд-во ВГПИ «Русь», 1993. С. 239–249.
54. Покусаев Е. И. Гоголь об «истинно общественной» комедии // Русская литература: Ист.-лит. журн. 1959. № 2. С. 32–44.
55. Посмертные записки Алексея Алексеевича Одинцова, генерала от инфантерии, (1803–1886) // Русская Старина. 1889. № 11. С. 580–683.

56. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений : в 16 т. Т. 8. Кн. 1: Романы и повести. Путешествия. М.; Л.: Наука, 1948.
57. Пушкин А. С. Собрание сочинений в 10 томах. М.: Наука, 1960. Т. 5.
58. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений. Л.: Наука, 1978. . Т. VI.
59. Разговоры Пушкина / собр. С. Гессен и Л. Модзалевский. М.: Гослитиздат, 1929. С. 229–230.
60. Русские и Наполеон Бонапарте, или Рассмотрение нынешнего обладателя Франции с Тильзитского мира по изгнание его из древней Российской столицы... Писано Московским жителем 1813 года. М.: Тип. О. Селивановского, 1814.
61. Секиринский С. С. Об историках, художниках и нашем журнале // Историк и художник. 2004. № 1. С. 5–10.
62. Соллогуб В. А. Воспоминания. М.: Гослитиздат, 1931.
63. Труайя А. Николай Гоголь. СПб.: Амфора, 2015 (Великие россияне).
64. Тихомиров С. А. Избранные записки о вологодской пушкиниане // Русская культура нового столетия: проблемы изучения, сохранения и использования историко-культурного наследия : сб. ст. Вологда: Книжное наследие, 2007. С. 399–452.
65. Эко У. Шесть прогулок в литературных лесах. М.: Симпозиум, 2002.
66. Шмидт С. О. Памятники художественной литературы как источник исторических знаний // Отечественная история. 2002. № 1. С. 40–49.
67. Шмидт С. О. Историографические источники и литературные памятники // Шмидт С. О. Путь историка: Избр. труды по источниковедению и историографии. М.: Изд-во РГГУ, 1997. С. 85–96.
68. Штрайх С. Я. Роман Медокс: Похождения русского авантюриста XIX века. М.: Гослитиздат, 1929.
69. Штрайх С. Я. Русский Казанова: (Роман Медокс среди декабристов). М.: Журнально-газетное объединение, 1932.
70. Филиппов В. Хлестаков был поэтом и заседателем уездного суда // Известия. 1996. 25 декабря. С. 6.
71. Филиппов В. Городничий из «Ревизора» в реальной жизни был героем Бородинского сражения // Известия. 1998. 1 апреля. С. 8.

А. С. Худяев

**«Сакральное пространство» и «сакральная география»
как семиотические концепты**

УДК 911.53:39(470.1)+[2-13](045)

В статье в оптике семиотического подхода исследуются концепты «сакральное пространство» и «сакральная география», сущность которых автор связывает с механизмами выражения архаических пространственных образов посредством религиозных ритуальных практик. Кроме того, в тексте представлена типология пространственных ориентаций как особого рода знаков или символов, конституирующих сакральное пространство.

Ключевые слова: сакральное пространство, сакральная география, ориентация, народы Северной Евразии, религиозно-мифологическое мировоззрение, географический образ, знаково-символическая репрезентация, ритуал.

A. S. Khudyayev. «Sacred space» and «Sacred geography» as semi-otic concepts

The article deals with investigation of concepts «sacred space» and «sacred geography» in the optic of semiotic approach. The author relates main point of these concepts with mechanisms of expression of archaic spatial images by means of religious ritual practices. Besides typology of spatial orientations (as a special type of signs and symbols, which constitutes sacred space) is represented in the text.

Keywords: sacred space, sacred geography, orientation, peoples of Northern Eurasia, religious-mythological worldview, geographical image, sign-symbolical representation, ritual

Подробный историографический анализ гуманитарных исследований, в которых так или иначе нашла свое отражение триада «человек – пространство – религия», был осуществлен в работах

британского религиоведа Ким Кнотт (Kim Knott). В результате сравнения все существующие концепции боли отнесены к двум противопоставленным друг другу подходам. Первый подход сформировался в русле феноменологической традиции, уходящей своими корнями в работы Э. Гуссерля, позднего М. Хайдеггера и М. Мерло-Понти. Ключевым для определения сущности этого подхода становится термин «поэтика», впервые использованный применительно к пространству в творчестве Г. Башляра [1]. Пространство здесь сводится к феноменам человеческого сознания. Второй фундаментальный подход к исследованию связи религии и пространства своими истоками укоренен в трудах М. Фуко, А. Лефевра и М. Серто и может быть определен как социально-конструктивистский. Он связан не с «поэтикой», но с «политикой» пространства. Данный подход делает акцент как на социальном, так и на физическом пространстве, выдвигая на передний план пространственные практики и репрезентации, утверждая значимость власти и производства пространства. Пространство рассматривается как конкретно-исторический продукт человеческой деятельности [26].

Обязательное обращение к каждому из этих, по мнению автора, комплементарных подходов становится частью рефлексии о природе сакрального пространства.

В пределах феноменологического рассмотрения сакральное пространство представляет собой образную реальность в пределах религиозного сознания. Однако, на наш взгляд, обладая атрибутом сакральности, пространство должно рассматриваться в двух модулях в зависимости от того, как мы понимаем сакральное.

Российский религиовед А. П. Забияко, рассматривая различные способы и контексты употребления слов *Sanctus* и *Sacer* в латинской лингвокультурной традиции, обращает внимание на то, что римляне не допускали мысли о семантическом тождестве *sanctus* и *sacer* [5, с. 124]. Если слово *sanctus* воспринималось как качество «неприкосновенности, нерушимости, защищенности высшей санкцией», как нечто «посвященное божеству» [5, с. 124], то есть ориентированное на центр, то *sacer* имело более сложное и неопределенное значение, уводящее «вглубь религиозного сознания». Иногда *sacer* предстает как указание на магическую силу предметов,

свойство, «которое обнаруживало себя как поразительное и непонятное, от которого лучше держаться в стороне». Оно воспринималось как амбивалентное сочетание «значений чистоты, непорочности (как признаков того, что посвящено божеству) и нечистоты, «неистребимой запятнанности», которые были обусловлены причастностью *sacer* к смерти» [5, с. 128].

В значении, близком к латинскому *sanctus*, сакральное (священное) определяется прежде всего в работах М. Элиаде, который связывал с понятием святого принадлежность к космосу, упорядоченность вокруг абсолютного центра, все то, что выражает идеальные основания универсума [25, с. 23].

С другой стороны, к пониманию священного как *sacer* близок целый ряд авторов. С.Н. Зенкин в монографии с говорящим названием «Небожественное сакральное» говорит о «диком» состоянии этой категории. Сакральное рассматривается как «энергия непрерывности, возникающая из фундаментального напряжения между *homo sapiens* и природной средой, откуда он выделился» [7, с. 414]. У Р. Кайуа оно относится «к темным и властным эмоциям, которые тревожат, завораживают, а порой и поработщают сердца людей» [8, с. 145]. Как пишет французский религиовед, «в своей элементарной форме сакральное представляет прежде всего опасную, непонятную, трудно управляемую и в высшей степени действенную энергию» [8, с. 154]. При определении сакрального Р. Кайуа также использует метафору «всемогущего и незримого электричества, которое вызывает почтение и вместе с тем желание собой завладеть» [8, с. 266]. В работах Л. Леви-Брюля священное предстает как «одно из тех, одновременно общих и конкретных представлений вроде представлений о манну, оренда, исила и т.д.» [10, с. 260], которые определяются как всепроникающая безличная и не отчуждаемая сила [17, с. 167]. Примеры размытой неопределенности и амбивалентности категории «сакральное» приводят и этнографы. Г. Н. Грачева отмечает, что, несмотря на популярность в этнографической науке структуралистского метода оппозиций, его достаточно трудно применить, например, для описания традиционных верований нгансан. Здесь «просматривается такое положение, когда ни к одному из

них (мифологических персонификаций. – А.Х.) нельзя применить крайнюю характеристику доброго или злого» [4, с. 47].

Соотношение двух различных пониманий священного как *sanctus* и *sacer* рассматривается и в религиозно-феноменологической концепции Р. Отто, выдвинувшего идею о том, что священное не исчерпывается моральным или рациональным компонентом (что скорее относится к *sanctus*). В нем необходимо искать определенный избыток, который может быть выявлен через операцию исключения из него морального и рационального компонентов. Обнаруживаемое в результате «нуминозное» рассматривается как исходный пункт и подлинное ядро любой религии [9, с. 98]. При этом, как отмечает А.Н. Красников, Р. Отто желает подчеркнуть своеобразие и исключительность религиозного чувства (ощущения нуминозного): «Это – качественно своеобразное, оригинальное, изначальное чувство, причем не во временном, а в принципиальном смысле» [9, с. 102].

Через различное понимание священного (или сакрального) как *sanctus* и *sacer* вырастает и двойное понимание сакрального пространства, функционирующего в качестве образного содержания религиозного сознания. Данный феномен может включать в себя не только общий качественно-дискретный и упорядоченный образ или схему мироздания, но и более размытый неделимый перцептивный и чувственно-эмоциональный компонент. Такие две части должны находиться друг с другом в определенной связи. Описание природы или механизма такой связи можно найти в феноменологической концепции М. Мерло-Понти, согласно которой восприятие определяется как «результат встречи между чувственным миром и воспоминанием» [15, с. 46]. Слово «воспоминание» здесь можно понимать как устоявшийся в традиции упорядоченный образ пространства или «представление» о пространстве, а «чувственный мир» – как содержание перцептивного и чувственно-эмоционального плана. Французский философ поясняет такой подход следующими словами: «Необходимо, чтобы мое восприятие и первичное закрепление в мире являлось мне как реализация некоего более древнего договора, заключенного между «х» и миром вообще, чтобы моя история была продолжением некоторой предыстории, чьи достижения она

использует, а мое личное существование – возобновлением какой-то доличностной традиции» [15, с. 326]. Примерно к таким же выводам приходят и представители когнитивистских теорий пространства. Согласно им, «тесно интегрированные с восприятием когнитивные структуры распознавания («узнавания») образов осуществляют соотнесение перцептивных репрезентаций с прототипами. В результате этого возникает мысленное понимание (т.е. обнаруживается смысл) любого воспринимаемого конкретного события, предмета, места и т.д.» [14].

В критической онтологии Н. Гартмана «пространство наглядного созерцания» (т.е. пространство как образ человеческого сознания) «не является единой категорией. Она изменяется соответственно ступеням познающего сознания: чувственная данность, представление <...>, обоснованное ощущениями и представлениями опыта рациональное понимание» [3, с. 212]. Философ выделяет несколько уровней бытия пространственных образов: «это пространство восприятия и представления, а также родственное им пространство переживания» [3, с. 212].

Уделив большое внимание феноменологическим аспектам сакрального пространства, перед тем как сделать вывод о его природе, следует также кратко рассмотреть этот концепт в пределах второго подхода, указанного в начале статьи.

Кроме плана «наглядного созерцания» сакральное пространство предстает как исторически-конкретная реальность. Начиная с А. Лефевра, пространство изучается как непосредственное человеческое пространство, как продукт, который «создается и воссоздается социумом в процессе экономического и культурного функционирования» [16]. В отечественном религиозноведческом дискурсе не так давно было сформулировано понятие иеротопии. Этот термин понимается как создание сакральных пространств, т.е. исторически конкретная деятельность людей по созданию среды общения с высшим миром. Иеротопия – это процесс осознанного творчества, формирования сакрального пространства при помощи архитектуры, изображений, обрядов, света, запахов и иных медиа [11]. В концепции иеротопии также делается акцент на том, что такое творчество часто носит перформативный характер [12].

Итак, на наш взгляд, священное пространство должно пониматься как нечто, что существует на трех онтологических уровнях, которые мы могли бы соотнести с триадой «основных функций жизни», сформулированной в философском творчестве Ф. Шлейермахера: знание – чувство – действие [24, с. 84].

Первый из них составляют достаточно конкретно схематизированные в коллективном сознании космологические структуры, которые возникают в рамках теологической или мифологической рефлексии. Это своеобразная «идеология» пространства, где оно предстает как качественно-дифференцированная целостность. Здесь четко различаются отдельные области бытия. Космос приобретает черты единства, каждая часть которого несет в себе определенную смысловую и аксиологическую нагрузку, выстраивающуюся в поле фундаментальных мировоззренческих оппозиций.

На втором уровне размещаются живые чувственные и эмоциональные модусы восприятия пространства. Здесь оно носит не дискретный, но континуальный характер, выступая как мирочувствие, а не мироосмысление. В этом контексте не могут быть проигнорированы даже семантически неокрашенные или слабоокрашенные области ландшафта. Важнейшее значение приобретают не религиозные догмы или мифологические универсалии, но живой религиозный опыт.

Наконец, третий уровень, на котором рассматривается сакральное пространство, – это область исторически-конкретной иеротопии, т.е. совокупность формирующих религиозно-культурный ландшафт текстов, развертывающихся в константных объектах и перформативных действиях, которые эмпирически доступны исследователю, могут быть им зафиксированы и интерпретированы.

Именно на пересечении этих трех областей вырастает символическая природа сакрального пространства, а оно само становится объектом семиотического анализа, направленного на обнаружение механизмов выражения религиозных смыслов и чувств, которые сопровождают пространственное восприятие.

Далее следует обратиться и к пониманию другого важного концепта, заявленного в названии статьи. Термин «сакральная география» нередко понимается как область научно-гуманитарного и

философского дискурса. Он определяется как раздел или предметная область гуманитарной географии [19, с. 84], в другой формулировке – как «связанный с изучением особых культурных пространств различного религиозного наполнения» раздел культурной географии. Последняя, согласно М. С. Уварову, возникает лишь в 1930-е годы как отдельное направление в рамках социально-экономической географии [21, с. 7–8]. Однако «сакральная география», на наш взгляд, должна рассматриваться не только как часть научного знания, но и в более широком культурном контексте. Сам термин «география» связан с понятием географического образа, который трактуется как устойчивые пространственные представления, формирующиеся в результате какой-либо человеческой деятельности (в том числе ментальной). Согласно Д.Н. Замятину, географический образ является компактной моделью определенного географического пространства и в какой-то степени может быть отождествлен с географической реальностью [6, с. 14].

Географические представления свойственны различным типам культуры и зависят от контекста специфики их различных областей. Исследование таких представлений может быть обозначено как метагеографическое или геософское в том содержании этого термина, каким наделяет его, например, Дж.К. Райт («геософия» как отрасль наук, в которой исследуются географические знания во всех формах, содержатся ли они в научных по формальным критериям работах или представлены в широком спектре формально вненаучных источников) [27, р. 5].

Определяющим культурным контекстом для формирования именно сакральной географии становится религиозно-мифологическая картина мира, лежащая в основе традиционного типа культуры. В русле традиционалистской философии вслед за Р. Геноном можно определить архаическое представление о земном пространстве как знание, первостепенное по отношению ко всем последующим «географиям», которые есть не что иное, как «простое отклонение и как бы остатки от той истинной («священной» или «традиционной») науки» [2, с. 220].

Сам термин «география», исходя из его дословной этимологии («земля» + «пишу») может быть определен как процесс и продукт

описания (обозначения) окружающего пространства. Таким образом, как метко выразился Ю.М. Лотман, «география исключительно легко превращается в символику» [13, с. 303]. Исходя из этого под «сакральной географией» мы понимаем совокупность способов знаково-символической репрезентации тех образов или феноменов сознания, которые формируются в результате восприятия окружающего пространства через призму религиозного опыта.

Изучение сакральной географии в данном контексте немислимо без исследования типологии знаков и символов, составляющей ее репрезентативный фонд. Вероятно, еще более сложной проблемой является вопрос о том, какой тип можно назвать элементарным минимумом ритуальной коммуникации между поколениями в традиционных обществах.

У Платона, который в диалоге «Тимей» первым сделал пространство объектом философской рефлексии, данная категория метафорически определяется не только как «восприемница и кормилица всякого рождения», но и как некий «третий» фактор, с помощью которого греческий философ надеялся преодолеть пропасть между областями умопостигаемого и чувственного, мира идей и мира вещей [20, с. 9]. Пространство становится опосредующим элементом между планами духовного выражаемого и чувственного выражающего. Здесь без затруднений обнаруживаются сходства с тем положением, которое занимает язык или код в коммуникативном акте. Такое понимание пространства позволяет считать его одним из условий и предпосылок существования знаков. При этом сами механизмы выражения, в сущности, должны иметь пространственную природу.

В результате сравнительного исследования текстов религиозной традиции в архаических культурах различных коренных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока мы пришли к выводу о том, что в ее ритуальных текстах особую роль в качестве знаков или символов играют пространственные ориентации [22; 23]. Под ориентацией понимается открытая эмпирической фиксации конкретная актуализация пространственного направления, обладающая определенным символическим статусом и являющаяся отражением духовной интенции религиозного субъекта к сакральному объекту,

или установлением отношений между различными объектами. Символическая актуализация направлений может осуществляться различными способами, такими как ориентация жилищ и культовых построек, ориентация останков жертвенных животных, ориентация захоронений, бросание жертвенной пищи, ритуальная стрельба, взгляд, непосредственная позиция человеческого тела.

Сакральное пространство, конституируемое символическими ориентациями, представляет собой систему, в которой функционируют три типа (уровня) направлений. Первый из них составляют солярные ориентации (направления сторон света), которые являются особенно содержательными в символическом отношении и обладающими устойчивым семиотическим статусом. Во всех традиционных культурах солярные ориентации составляют ядро так называемой «парадигмальной модели» сакральной географии. А. В. Подосинов по отношению к солярным ориентациям писал следующее: «Пространственные представления в своей ориентационной части явились основой символической классификации, которая пронизывала все сферы жизни человека и в которой на четыре страны света и центр накладывались как на матрицу символические ряды элементов, цветов, времен года, животных и т.д.» [18, с. 400].

Ко второму типу относятся ориентации на конкретные наземные объекты, с которыми субъект потенциально может вступить в непосредственный контакт. Такие ориентации можно разделить на две разномасштабные перспективы. Первую можно определить как *географическую*. В рамках ее функционируют ориентации на священные места и объекты, которые обладают качествами неподвижности и инаковости, образуя тем самым сакральные центры, вокруг которых организуется пространство. Ориентации на такие места (актуализируемые, например, в движении к ним или вокруг них) являются частью этой организации. Вторая перспектива более локализована, ее можно определить как *топографическую*. О ней идет речь, когда ориентацией маркируются отношения внутри одного локуса или сравнительно небольшого пространства, где субъект и объект могут потенциально быть втянуты, например, в зрительный контакт. Такие ориентации могут обнаруживать себя, например, в магических ритуалах, связанных с охотой или войной. Здесь указа-

ние в направлении на видимый объект является средством магического влияния, символизирует определенное действие в отношении животного или врага.

К третьему типу относятся так называемые окказиональные или «случайные» ориентации. В бесписьменных архаических культурах существует особый тип гадательных практик, осуществляемых с целью определения направлений, в которых следует искать пропавшее имущество, промысловую добычу, место для новой кочевки и т.д. Такие ориентации отличаются от описанных выше тем, что здесь в процессе обозначения участвует не сам человек, но некая иномирная персонификация, и сам вектор ориентации идет не от профанного неосмысливающего себя субъекта к сакральному осмысливаемому объекту, а наоборот – от области сакрального в область утилитарного.

Использование представленного ориентационного подхода позволяет рассматривать пространство одновременно в его константном и динамическом модусе бытия. Константный выражен ориентациями первого типа и в рамках географической перспективы второго. Динамический находит отражение в третьем типе и иногда в топографической перспективе второго. Можно также отметить, что направление (ориентация) как форма организации пространства может быть не только включено как элемент «неподвижных» текстов, но и относиться к перформативным «подвижным» способам выражения религиозных отношений. При этом совокупность ориентаций позволяет пространству одновременно сохранять как дискретный, так и континуальный вид.

В завершение статьи следует отметить, что пространственные ориентации как особый тип символов продолжают существовать и вне архаических бесписьменных культур. Даже в тех областях современности, которые принято считать свободными от религии, они продолжают конституировать собой культурное пространство. Данный феномен прослеживается, например, в особом способе «немецкого приветствия» («Deutscher Gruß») в 30–40 гг. XX века. Довоенная и послевоенная кинохроника запечатлела картины народных масс, с особой эмоциональной (почти религиозной) настроенностью обращающих руки в сторону своих лидеров. Символиче-

ский характер носили и ориентации в конструкции советских послевоенных монументов. Так, считается, что памятник советскому солдату в г. Мурманске (прозванный в простонародье «Алешей»), направлен именно в ту сторону, откуда больше 60-ти лет назад наступали немецкие части. Пространственная ориентация в данном случае предстает как один из механизмов формирования исторической памяти.

1. Башляр Г. Избранное: Поэтика пространства. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004.

2. Генон Р. Традиционные формы и космические циклы. Кризис современного мира. М.: НПЦТ, Беловодье, 2004.

3. Горнштейн Т. Н. Философия Николая Гартмана (критический анализ основных проблем онтологии). Ленинград: Наука, 1969.

4. Грачева Г. Н. Традиционное мировоззрение охотников Таймыра (на материалах нганасан XIX – начала XX вв.). М.: Наука, 1983.

5. Забияко А. П. Топография священного // Евразия: духовные традиции народов. 2012. № 1. С. 123–137.

6. Замятин Д. Н. Метагеография: Пространство образов и образы пространства. М.: Аграф, 2004.

7. Зенкин С. Н. Небожественное сакральное: Теория и художественная практика. М.: РГГУ, 2012.

8. Кайуа Р. Миф и человек. Человек и сакральное. М.: ОГИ, 2003.

9. Красников А. Н. Методологические проблемы религиоведения. М.: Академический Проект, 2007.

10. Леви-Брюль Л. Первобытное мышление: Коллективные представления в сознании первобытных людей и их мистический характер. М.: КРАСАНД, 2012.

11. Лидов А. М. Иеротопия. Пространственные иконы и образы-парадигмы в византийской культуре. М.: Феория, 2009.

12. Лидов А. М. Византийский мир и пространство перформативного // Перформативное в Византии и Древней Руси. М.: Индрик, 2011. С. 5–16.

13. Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: Искусство, 2010.

14. Меркулов И.П. Когнитивные особенности архаического мышления. URL: http://iph.ras.ru/elib/Prot_discurs_4.html (дата обращения: 10.04.2015).

15. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. СПб: Ювента; Наука, 1999.
16. Мошкин М. Пространство как социальный продукт. Теория спатIALIZации Анри Лефевра. URL: <http://www.arcto.ru/article/1574> (дата обращения: 10.04.2015)
17. Петрухин В., Полинская М.О. О категории сверхъестественного в первобытной культуре // Историко-этнографические исследования по фольклору. М.: Восточная литература, 1994. С. 164–179.
18. Подосинов А. В. *Ex oriente lux!* Ориентация по странам света в архаических культурах Евразии. М.: Языки русской культуры, 1999.
19. Терехин Н. М. Геософия и сакральная география как проектно-ориентированные направления исследования в области этнокультурологии народов Северной Евразии // Вестник Северного Арктического федерального университета. 2012. № 1. С. 80–87.
20. Торранс Т. Ф. Пространство, время и воплощение. М.: Библийско-богословский институт св. апостола Андрея, 2010.
21. Уваров М. С. Культурная география в культурологической перспективе // Международный журнал исследований культуры. 2011. № 4. С. 6–18.
22. Худяев А. С. Сакральная география как система ориентаций в этнокультурном ландшафте ненцев // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. 2012. № 6. С. 129–133.
23. Худяев А. С. К разработке концепции ориентационной структуры священного пространства // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. 2014. № 6. С. 71–77.
24. Шлейермахер Ф. Д. Речи о религии к образованным людям, ее презирующим: Монологи. СПб.: Алетейя, 1994.
25. Элиаде М. Священное и мирское. М.: Изд-во МГУ, 1994.
26. Knott K. Religion, Space, and Place (The Spatial Turn in Research on Religion) // Religion and Society: Advances in Research. 2010. № 1. Pp. 29–43.
27. Wright J.K. *Terrae Incognitae: The Place of the Imagination in Geography* // Annals of the Assosiation of American Geographers. 1947. Vol. 37. Pp. 1–15.

А. А. Сулейманов

**Социокультурные процессы в среде коренных народов
Российской Арктики на рубеже XX–XXI вв.
(по материалам научно-исследовательских инициатив
в Якутии)**

УДК 94 (98+571)

В статье рассматриваются научно-исследовательские инициативы по изучению социокультурных процессов у коренных народов Российской Арктики, проживающих в Якутии. Отмечено, что проведенные учеными исследования позволили определить два разнонаправленных фактора, влияющих на жизнедеятельность аборигенных этносов – стремление к усилению роли элементов традиционного образа жизни при одновременном росте влияния различных модернизационных и ассимиляционных процессов.

Ключевые слова: Арктика, Якутия, коренные народы, научные исследования, экспедиции.

Alexander A. Suleymanov. Sociocultural processes among the Indigenous Peoples of the Russian Arctic at the turn of XX – XXI c. (on materials of research initiatives in Yakutia)

The research initiatives devoted to studying of sociocultural processes among the indigenous peoples of the Russian Arctic, living in Yakutia, are considered in the article. It is noticed that the researches conducted by scientists have allowed to define two different directed factors affecting the activity of indigenous peoples – the desire to strengthen the role of the traditional way of life elements while growing influence of the various processes of modernization and assimilation.

Keywords: Arctic, Yakutia, indigenous peoples, researches, expeditions.

Крупнейший субъект Российской Федерации – Республика Саха (Якутия) – является «домом» для целого ряда коренных народов

Арктики¹: долган, чукчей, эвенков, эвенов, юкагиров и якутов, а также самобытного русского старожильческого населения низовий Индигирки и Колымы [2].

Такая разнообразная этническая палитра, естественно, давно приковывала внимание ученых. Однако лишь в начале 90-х гг. XX в. в результате демократических преобразований и экономических реформ в нашей стране у исследователей появились новые возможности в оценке советского периода для развития аборигенных этносов Российской Арктики, а также актуальные направления изысканий, связанные с анализом адаптации их традиционного хозяйства к рыночным условиям.

Именно в русле данной проблематики в мае – сентябре 1993 г. в местах компактного проживания юкагиров – селах Андрюшкино, Колымское и Нелемное, провели исследования члены экономико-социологической экспедиции, организованной Институтом проблем малочисленных народов Севера (ИПМНС) СО РАН. В реализации инициативы и обработке полученных материалов принимали участие: Ф. С. Донской, Г. Н. Курилов, А. Н. Прокопьев, Я. Г. Слепцов, В. А. Стручков, П. З. Тобуков и Х. Х. Турнин [3, с. 3–4].

Методика работы ученых включала изучение материалов районных архивов и статистических данных, интервьюирование местного населения, анализ современного состояния хозяйственных объектов и инфраструктуры.

Серьёзное внимание при этом участники экспедиции уделили исследованию демографической ситуации. В частности, ими была рассмотрена динамика естественного движения юкагиров (рождаемость, смертность, прирост) в 1980–1992 гг. и составлена характеристика половозрастной структуры. Ученые выявили активную ассимиляцию юкагиров со своими соседями, которая была обусловлена прежде всего высоким уровнем смешанных браков. Например, в течение 1980–1992 гг. в брак вступили 57 юкагиров. При этом

¹ В отечественной историографии превалирует термин «коренные малочисленные народы Севера», а понятие «коренные народы Арктики» лучше разработано иностранными авторами, в данной статье за основу взято определение зарубежных исследователей. См.: [8, с. 47; 11].

«чисто» юкагирских браков было всего лишь 10,6 %, тогда как смешанных – 89,4 % [3, с. 27–29].

Важное место было уделено изучению хозяйственной деятельности юкагиров. Исследователи получили материалы об изменениях размеров земельных угодий, поголовья оленей, крупного рогатого скота и лошадей, количества заготавливаемой продукции (рыба, мясо, пушнина, молоко и др.) в течение 30-х – начала 90-х гг. XX в. При этом основной акцент был сделан на изучение последствий разгосударствления совхозов и проблем интеграции хозяйства юкагиров в систему рыночных отношений. Учеными были получены данные о численности юкагирских хозяйств, их финансовом состоянии и технической оснащенности. Среди важнейших негативных последствий произошедших изменений они отметили: несправедливое распределение земель и собственности бывших совхозов между возникшими на их основе общинами и предприятиями; вынужденный забой животных с целью получения наличных денег для выплаты работникам заработной платы, что приводило к нарушению структуры стад, а также значительное ухудшение транспортной доступности в связи с сокращением объемов авиаперевозок, резким ростом тарифов и фактическим отсутствием на местах горюче-смазочных материалов [3, с. 43–58].

Параллельно ученые проанализировали трудовую занятость жителей Нелемного и Андрюшкино – численность трудоспособного населения, его распределение по отраслям хозяйства, гендерные показатели занятости, данные по безработице, а также условия труда, уровень образования и наличие квалифицированных кадров [3, с. 34–42].

Кроме того, были получены сведения о размерах денежных доходов юкагиров (общих и в расчете на душу населения) и основных источниках их получения. Выявленные показатели ожидаемо были низкими – только 6–12 % домохозяйств в зависимости от населенного пункта можно было отнести к с семьям с годовым доходом, обеспечивающим «нормальную» жизнь. При этом ученые установили достаточно серьезный разрыв в заработках юкагиров Андрюшкино и Нелемного. Объяснение они нашли в особенностях хозяйственной деятельности местных жителей. Если в Андрюшкино

оленоводство и имеющаяся пошивочная мастерская обеспечивали относительно стабильный заработок в течение года, то в Нелемном население зависело от сезонных промыслов – охоты и рыболовства, показатели которых, в свою очередь, значительно колебались из года в год в зависимости от размеров запасов рыбы в водоемах и наличия зверей в окрестных лесах. Также участники экспедиции составили характеристику современного семейного бюджета юкагиров (расходы на продукты питания, непродовольственные товары, налоги и сборы, оплату коммунальных и иных услуг) и изучили данные реализации продовольственных и непродовольственных товаров в Нелемном в 1990–1992 гг. Полученная информация свидетельствовала о том, что потребление продуктов питания местными жителями «далеко отставала от установленного норматива рациона питания» и имела при этом отрицательную динамику [3, с. 74–90].

Исследователи собрали данные об обеспеченности жильем в селах Нелемное, Колымское, Андрюшкино и нуждаемости местного населения в жилой площади, наличии в домах центрального отопления, канализации и водопровода, а также состоянии инфраструктуры и важнейших социальных объектов – больниц, школ, дорог, коммунальных систем [3, с. 75–78]. В Нелемном и Андрюшкино участники экспедиции также получили сведения, связанные с охраной здоровья юкагиров. Так, были рассмотрены проблемы охвата жителей сел, представителей оленеводческих бригад и охотников медицинским обслуживанием, травматизма, алкоголизма; причины смертности; выявлены наиболее распространенные заболевания [3, с. 91–98].

В ходе экспедиции также было произведено изучение языковой ситуации, показавшее, что только порядка 10 % юкагиров Верхне- и Нижнеколымского районов в той или иной степени владеют юкагирским языком [4, с. 6].

На основе полученных в результате полевых изысканий материалов участники экспедиции подготовили комплекс предложений по повышению уровня жизни и сохранению традиционной культуры юкагиров. Инициативы исследователей предполагали государственную поддержку контактов между жителями лесной и тундровой зон для сохранения юкагирского генофонда, принятие органами

власти дополнительных мер социальной защиты (уменьшение пенсионного возраста, внеочередное предоставление жилой площади, компенсирование транспортных расходов, проведение регулярных бесплатных медицинских осмотров оленеводов и промысловиков и др.), регулирование земельных отношений, духовное воспитание молодежи, продвижение юкагирского языка и сохранность народных промыслов. Среди мероприятий по развитию экономики мест компактного проживания юкагиров, помимо совершенствования условий ведения их традиционных занятий, должны были быть: организация производства строительных материалов из ресурсов колымских месторождений, заготовки и изготовления деловой древесины в Нелемном, повышение разнообразия ассортимента продукции пошивочного цеха в Андрюшкино, возрождение традиционной переработки свежей рыбы, выпуск национальных сувениров и привлечение зарубежных туристов. Последний пункт, по мнению ученых, являлся «неиспользованным громадным резервом», поскольку обилие горных рек, популяции диких животных и природные достопримечательности территорий бассейна Колымы позволяли развивать спортивный туризм, а нетронутые человеческой деятельностью обширные пространства тундры и лесотундры – успешно организовывать экологические туры [3, с. 32–120].

Подобная возможность посещения недоступных ранее арктических территорий России открылась перед иностранными туристами после падения железного занавеса и прекращения холодной войны. Одновременно аналогичные возможности, естественно, появились и у зарубежных ученых. Теперь они могли собирать необходимый эмпирический материал, при этом обогащая научное изучение коренных народов Российской Арктики новыми методологическими подходами и исследовательскими задачами.

Одной из первых ласточек такого взаимодействия стала проводившаяся в 1993 г. в Якутске международная конференция «Языки, культура и будущее народов Арктики», ведущее место в работе которой заняло обсуждение вопросов, связанных с развитием аборигенных этносов, а также с координацией исследований ученых из России и других стран мира. Так, участница конференции Г. Ошеренко (Институт арктических исследований, США) обрати-

лась к руководству Института истории, языка и литературы Сибирского отделения (СО) РАН (с 1995 г. Институт гуманитарных исследований Академии наук Республики Саха (Якутия) (ИГИ АН РС(Я)) с предложением о сотрудничестве в рамках международной программы по изучению Северного морского пути (СМП) – INSROP (International Northern Sea Route Programme).

Основной целью данной программы было изучение различных сторон возможного использования СМП, и в первую очередь определение коммерческой целесообразности его эксплуатации. Как отмечают А. Г. Гранберг и В. И. Пересыпкин, привлечение деловых кругов к развитию Севморпути позволило бы нашей стране в тяжелых финансовых условиях сохранить и развивать инфраструктуру арктического мореплавания, обеспечить работой население Российской Арктики и, наконец, получать плату за провод иностранных судов. Кроме того, программа была призвана оценить потенциальное воздействие повышенной интенсивности судоходства на экологию Арктики, ее коренное население и разработать рекомендации по минимизации и смягчению возможных негативных последствий [5, с. 565].

Реализация INSROP проходила в два этапа. На первом этапе (1993–1995 гг.) проводились исследования в рамках 4-х подпрограмм: «Природные условия и ледовая навигация», «Экологические факторы», «Торговые и коммерческие аспекты судоходства» и «Политические, правовые и стратегические факторы».

Подпрограммы формировались на основе отдельных проектов (по тематическим блокам), для выполнения которых были привлечены специалисты из множества стран мира (Великобритания, Германия, Канада, Норвегия, Соединенные Штаты, Финляндия, Швеция, Япония и др.) и регионов России. Всего в рамках первого этапа INSROP было выполнено 123 проекта, отчеты по которым представлялись на английском языке.

Один из этих проектов – «Влияние Северного морского пути на социальное и культурное развитие коренных народов арктической зоны Республики Саха (Якутия)» в рамках тематического блока «Социальное и культурное воздействие расширенного использования Северного морского пути на коренные народы» (подпрограмма

«Политические, правовые и стратегические факторы») – выполнили ученые из Якутии: сотрудники ИГИ АН РС (Я) С. И. Боякова (руководитель проекта), В. Н. Иванов, Т. С. Иванова, В. Б. Игнатьева, С. П. Кистенев и Д. А. Ширина, Института проблем малочисленных народов Севера СО РАН – Л.И. Винокурова и Института региональной экономики АН РС (Я) – Б. В. Иванов. Тематическим блоком руководила упоминавшаяся ранее Г. Ошеренко. Финансировались исследования американской стороной.

Участники проекта на основе изучения архивных материалов, федерального и республиканского законодательства, документов правительственных органов Якутии, статистических данных, результатов проводившихся ранее исследований и периодической печати рассмотрели обширнейший круг вопросов, связанных с влиянием развития Севморпути на коренное население пяти прибрежных районов (Аллаиховский, Анабарский, Булунский, Нижнеколымский и Усть-Янский).

Авторы проанализировали социально-культурные процессы среди аборигенных этносов в условиях промышленного освоения (сохранность традиционных форм общественной организации, знание родного языка и традиций предков и в целом преемственность поколений) и государственную политику в отношении коренных народов Якутии в период существования Советского Союза и первые годы демократических преобразований в России. Серьезное внимание исследователи уделили изучению демографических процессов и состояния традиционных отраслей хозяйства в 1930-е – первую половину 1990-х гг. в связи с влиянием на них эксплуатации Севморпути. Так, специалисты проследили динамику численности населения и плотности заселения территорий, изменения в этническом составе, миграцию, соотношение городских и сельских жителей, половой состав, оценили ущерб, нанесенный традиционной экономической базе индустриализацией. Кроме этого ученые рассмотрели условия жизни местного населения и состояние услуг в здравоохранении, дошкольном и школьном образовании, коммунальном хозяйстве и других областях соцкультбыта (кинотеатры, библиотеки, клубы).

Участники проекта назвали положительные моменты освоения СМП, связанные в первую очередь с экономическими факторами: развитием судоходства и транспортной системы, улучшением снабжения северных улусов и ростом промышленного производства. Вместе с тем специалисты определили и основные проблемы коренного населения, вызванные демографическими изменениями (превышение допустимой для экологической емкости арктических экосистем концентрации населения, негативное воздействие новых поселенцев на традиционные устои коренного населения); ухудшением социальных условий (плохое состояние инфраструктурных объектов); экологическим ущербом (сокращение площадей оленьих пастбищ, загрязнение окружающей среды); интенсивным промышленным освоением, нанесшим серьезный урон традиционной экономической базе; проводившейся государственной политикой (ограничение участия аборигенных этносов в работе промышленных объектов, «культурная революция», коллективизация, государственная монополия на закупку пушнины и т.д.) и расшатыванием системы культурных ценностей (появление поколения, не знающего родной язык и традиции своего народа). Ученые выразили уверенность, что «расширение международного использования СМП усугубит существующие социальные проблемы региона». Вместе с тем исследователи предложили возможные пути нивелирования таких издержек: совершенствование существующего законодательства, проведение экологического мониторинга, организация сети охраняемых территорий и акваторий, создание специального фонда (от доходов с эксплуатации Севморпути) для поддержки социальных программ развития коренных народов и разработка туристических программ [9, р. 5–67]. Опубликован отчет был в 1996 г., и для ученых-гуманитариев Якутии это был, пожалуй, первый опыт участия в таком масштабном международном научном проекте.

В 1993, 1998 и 1999 гг. изучением проблемы этнического самосознания русских старожилов Якутии, происходящих этнических процессов и социально-экономической ситуации в местах их компактного проживания – селах Русское Устье и Походск – занимались Н. Б. Вахтин (Европейский университет, Санкт-Петербург), Е. В. Головкин (Институт лингвистических исследований РАН,

Санкт-Петербург) и П. Швайцер [P. Schweitzer] (университет Аляски, Фербенкс, США). Исследования включали сбор полевого материала и проведение интервьюирования среди местного населения (всего было опрошено 42 человека), а также анализ документов республиканских и районных архивов в Якутске, Черском (Нижнеколымский улус) и Чокурдахе (Аллаиховский улус) [1, с. 3–4].

Ученые отметили достаточно успешное интегрирование, после «нескольких лет растерянности и непонимания», основных хозяйствующих субъектов Русского Устья (одноименная родовая община) и Походска (совхоз «Походский») в рыночные условия, приведшее к их «относительному экономическому процветанию». Основными формами хозяйственной деятельности в этих поселках являлись рыбная ловля и охота [1, с. 181–190].

Одновременно участники изысканий установили употребляемые русскими старожилами этнические самоназвания («местнорусские», «русскоустыинцы», «колымчане», «походчане» и др.), а также термины, которые применялись по отношению к русским, переехавшим с «материка» («приезжие русские», «настоящие русские»). Кроме того, был определен ряд критериев этнической самоидентификации русских старожилов: брачные традиции, сводившиеся, впрочем, к декларативному стремлению жениться только на «своих»; оригинальный физический облик; традиционная одежда; пища, способы ее приготовления и в целом культура еды; самобытный фольклор; специфика бытового поведения, хозяйственных практик и привычек. Любопытным представляется сделанное исследователями наблюдение: с одной стороны, «свои» одежда и пища изображались русскими старожилами более цивилизованными по сравнению с другими аборигенными сообществами северо-востока Якутии, с другой – противопоставлялись одежде и пище «приезжих русских», как традиционное – новому. Именно данный факт, по мнению ученых, наиболее ярко демонстрировал «ядро» картины мира русских старожилов и их этнического самосознания как «хранителей цивилизованной традиции» от «окружающей дикости» и ее защитников «от профанирования “новыми веяниями”» [1, с. 91–170].

Значительное внимание вопросу этнического самосознания было уделено в ходе российско-германской экспедиции «Анабарские долганы: история и современность» 1995 года.

Ее проведению предшествовало подписание договора о сотрудничестве между ИПМНС СО РАН и Институтом этнологии Фрайбургского университета. В документе отмечалась необходимость совместных действий «в области научно-исследовательских работ по этнологии, культуре и истории коренных народов Республики Саха (Якутия)»¹.

С немецкой стороны в экспедиции участвовали О. Турза [O. Turza] и Я. Турза [J. Turza], со стороны ИПМНС СО РАН – А. И. Саввинов². Ученые собрали полевые материалы по языку и этнографии северных якутов-оленевонов, долган, изучили проблемы этнического самосознания этого народа. Так, было выяснено, что большинство опрошенных идентифицируют себя исключительно в качестве долган, а свой язык как долганский (как известно, вокруг этих проблем в научном мире до сих пор нет единства мнений)³. Отдельное внимание исследователи уделили анализу состояния традиционных отраслей хозяйствования (главным образом оленеводства), влияния на них социально-экономических изменений первой половины 1990-х гг. и определили основную тенденцию в жизни местного населения – стремление к отказу от кочевого образа жизни в пользу оседлого [15].

В 1996 г. было подписано соглашение между ИПМНС СО РАН и Национальным центром научных исследований Франции о сотрудничестве в рамках проекта «Природная среда и культурное на-

¹ Договор о сотрудничестве между Институтом проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук (Якутия) и Институтом этнологии Фрайбургского университета. 02.11.1995 // Текущий архив Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (ИГИ-ИПМНС СО РАН).

² Отчет о научной и научно-организационной деятельности Института проблем малочисленных народов Севера СО РАН за 1995 г. Утверждено на заседании Ученого совета ИПМНС СО РАН 14 декабря 1995 г. // Там же. С. 23.

³ Например, если Е. И. Убрятова и М. Стаховский считают язык долган самостоятельным, то М.С. Воронкин – диалектом якутского языка, а канадский исследователь Д. Дж. Андерсон в работе «Гундровики: Экология и самосознание таймырских эвенков и долган» вовсе называет долган «бумажной категорией». Подробнее см.: [7]

следие малочисленных народов севера Якутии». Договор предусматривал взаимодействие по таким направлениям, как: этническая история, этнопедагогика коренных народов; социальные процессы у исчезающих этносов Севера; функционирование, развитие и возрождение языков, литературы и фольклора аборигенных этносов¹.

Этот проект французские исследователи разрабатывали в рамках программы «Трансформация обществ автохтонов: антропологические исследования в Якутии и Гренландии», которая, в свою очередь, входила в один из приоритетных проектов Международного арктического научного комитета – «Стремительные культурные и социальные изменения в циркумполярном Севере» (начат в 1995 г.).

Целью проекта «Природная среда и культурное наследие малочисленных народов севера Якутии» был анализ демографических, социальных и культурных трансформаций у аборигенных этносов в условиях изменений природной среды и сопутствующих им угроз². Финансировались работы Национальным центром научных исследований Франции и Институтом полярных исследований им. Роберта Скотта (Великобритания, исследования 2000 г.).

В 1997 г. состоялась первая экспедиция по проекту в Нижнеколымский улус. В экспедиции приняли участие сотрудники Национального центра научных исследований Франции Б. Шишло [B. Chichlo] (руководитель) и Ж. Робер-Ламблен [J. Robert-Lamblin], Университета Бордо К. Мале [C. Malet], В. А. Роббек (ИПМНС СО РАН) и О. Григорьева (Якутский государственный университет им М.К. Аммосова (ЯГУ), переводчик). Исследования проводились в населенных пунктах Черский, Колымское и Андрюшкино³.

Выбор именно этого района французские специалисты объяснили тем, что он является «идеальной моделью для изучения ко-

¹ Договор о сотрудничестве между Институтом проблем малочисленных народов Севера СО РАН и Национальным центром научных исследований Франции (Париж). 27.09.1996 г. // Текущий архив ИГИИПМНС СО РАН.

² Chichlo B., Robert-Lamblin J., Malet Ch. Transformations des sociétés autochtones. Research anthropologiques en Yakoutie Arctique (programme pluriannuel en cours). Pre-print // Текущий архив ИГИИПМНС СО РАН. Р. 1.

³ Отчет о научной и научно-организационной деятельности Института проблем малочисленных народов Севера СО РАН за 1997 г. Утверждено на заседании Ученого совета ИПМНС СО РАН 1 декабря 1997 г. // Текущий архив ИГИИПМНС СО РАН. С. 11.

ренных народов Крайнего Севера Сибири», на примере которой можно проследить «динамику заселения арктических территорий Сибири, эволюцию автохтонных этносов и современные межэтнические отношения». Так, в селе Андрюшкино бок о бок проживают юкагиры, эвены, чукчи, потомки первых русских землепроходцев, якуты, представители других национальностей (украинцы, белорусы). Здесь же действуют общинно-родовые хозяйства¹ (эвенская родовая община «Алазея» и юкагирская «Чайла», которые в 1998 г. были объединены в юкагиро-эвенскую кочевую родовую общину «Чайла»).

В деятельности экспедиции 1997 г. можно выделить четыре направления. Это, во-первых, исследования демографической ситуации с целью определения изменений, произошедших после развала Советского Союза (ученые выявили большой отток людей, приехавших в эти места в 60–80-е гг. XX в. из западных регионов СССР). Особое внимание было уделено проблемам семьи: проведены исследования «ячейки общества» по специальной анкете, впервые примененной Ж. Робер-Ламблен в среде гренландских эскимосов (экспедиции 1960–1990-х гг.). Делалось это для того, чтобы впоследствии при анализе полученных материалов сравнить эволюцию семьи и трансформацию ее основных ценностей (супружество и дети) в разных этнических и культурных условиях Арктики.

Вторым вектором работы экспедиции было изучение состояния здоровья местного населения и экологического благополучия окружающей среды. С этой целью ученые собрали пробы питьевой воды для анализа ее качества; воздуха, почвы, растений и мяса животных – для измерения содержания в них радиации.

Третье направление работ включало исследование системы питания, вкусовых привычек и вкусовых реакций у различных групп населения (также на основе методики, примененной ранее в Гренландии). Интересно, что особенности восприятия вкуса у людей были изучены французскими учеными как результат адаптивных процессов человека к окружающей среде (сравнивались метаболические потребности индивида и биохимический состав имеющихся

¹ Chichlo B., Robert-Lamblin J., Malet Ch. Op. cit. P. 2.

в близлежащей местности пищевых ресурсов). Для того чтобы выявить разницу между генетически унаследованными вкусовыми реакциями и приобретенными привычками, было рассмотрено влияние на питание местного населения таких социокультурных факторов, как религиозные запреты, семейные и этнические традиции, кулинарная мода. В результате проведенных изысканий ученые выявили радикальное различие вкусовых привычек поколения моложе 30 лет и более старшего поколения, которое специалисты объяснили воздействием пришлого населения, формированием системы школ-интернатов и пропагандой западной кулинарной моды благодаря развитию средств массовой информации. Кроме этого, исследователи установили существенные отличия в реакциях на различные компоненты пищи (соль, сахар и др.) автохтонов арктических территорий Якутии и Гренландии. Например, у представителей коренных народов нашей республики был выявлен более низкий порог чувствительности к соли, чем у эксимосов. Этот факт ученые объяснили различием адаптивных трендов у этих этносов – в условиях проживания на континенте потребность в соли выше, чем на островах Арктики [12; 14].

Четвертое направление деятельности экспедиции – исследование межэтнических отношений. Ученые провели анкетирование местного населения по вопросам этнической самоидентификации, терпимости к представителям других этносов, изучили традиционные обряды коренных малочисленных народов Севера. Одновременно для выяснения этнических предпочтений при выборе супруга/супруги специалисты исследовали межэтнические браки. По результатам изысканий было подготовлено несколько работ, авторы которых пришли к выводу, что, несмотря на достаточно длительное проживание исследованных народов на одной территории, сохранились серьезные различия в образе жизни представителей этих этносов (одежда, питание, ритуальная практика), стремление к самобытности (желание найти супруга/супругу из своего народа) и главное, что решающее воздействие на жизнедеятельность аборигенных этносов оказывает не окружающая среда, а культура [10; 13].

Следующий этап реализации проекта (1997–1999 гг.) был посвящен анализу полученных в ходе экспедиции данных и эксперти-

зе взятых проб в специальных лабораториях (если французские специалисты и не выявили повышенного содержания радиации, то качество питьевой воды оказалось крайне низким).

В 2000 г. состоялась вторая экспедиция по проекту «Природная среда и культурное наследие малочисленных народов севера Якутии» в Средне- и Нижнеколымский улусы, в которой вместе с ИПМНС СО РАН и Национальным центром научных исследований Франции принял участие Институт полярных исследований им. Роберта Скотта (К. Мале стал его сотрудником). В состав экспедиции вошли: ее научный директор Б. П. Шишло, Ж. Робер-Ламблен, К. Мале, В. А. Роббек и О. Григорьева. Исследования проводились в населенных пунктах Среднеколымск, Березовка, Андриюшкино и Колымское.

Помимо расширения географии изысканий для осуществления сравнительных исследований не только по временному принципу (выявление изменений за период между экспедициями 1997 и 2000 гг.), но и по территориальному, была дополнена и программа исследований. Теперь она включала изучение этноэкологической практики обществ оленеводов. В остальном же тематика и методика изысканий повторяли предыдущую экспедицию.

При исследовании этноэкологической практики оленеводов ученые сконцентрировали свое внимание на проблемах трансляции знаний от поколения к поколению и адаптации оленеводческих хозяйств к изменениям окружающей среды. Был изучен быт оленеводов: методы ведения хозяйства, проводимые мероприятия, составлен перечень заготавливаемых видов рыбы и животных.

Другую проблему в жизни оленеводов, а именно последствия рыночных реформ последнего десятилетия XX в., совместно с сотрудниками ИПМНС СО РАН пытались исследовать специалисты Института этнологии им. Макса Планка (Германия). Контакт между этими организациями был установлен в 2000 г. Тогда стороны, принимая во внимание, что «мировое сообщество заинтересовано в решении проблем выживания коренных малочисленных народов Арктики и Севера», выразили намерение развивать сотрудничество по научному обмену, проведению экспедиций, изданию специализированных трудов.

Тогда же состоялась российско-германская экспедиция в Анабарский улус, в которой принимали участие А. Вентсел [A. Ventsel] (Институт им. Макса Планка), Д. И. Сыроватский и Л. Н. Романова (ИПМНС СО РАН).

Во время экспедиции ученые провели анкетирование местного населения по проблемам этнической идентичности, собрали полевые материалы о состоянии оленеводства, материального обеспечения оленеводческой бригад, их составе, методах ведения хозяйства и социальных проблемах. Основное внимание специалисты уделили анализу экономических отношений у рыболовов, охотников и оленеводов и их трансформации при переходе от плановой экономики к рыночной в 1990-е гг. Для этого исследователи изучили архивные материалы в поселке Юрюнг-Хайя (протоколы заседаний правления и общего собрания совхоза) и провели интервьюирование местных жителей. Ученые выявили активное проникновение рыночных отношений в охотничьи и рыболовецкие хозяйства, лучше приспособленные к новым экономическим условиям, чем оленеводческие. Кроме этого, специалисты отметили традиционно большую роль родоплеменных отношений в экономике местного населения, значение которых несколько ослабло в результате создания колхозов и совхозов, но возросло в постсоветское время, и пришли к выводу, что родственные связи «стали основой для распределения и доступа к ресурсам и выживания в период, когда официальные структуры оказались неэффективными» [16].

Оценке эффективности деятельности правительственных органов и принятых ими законодательных актов была посвящена также значительная часть проекта «Землепользование и самоуправление коренных народов в Республике Саха (Якутия)».

Трехсторонний договор о сотрудничестве в рамках этого проекта был заключен в 1997 г. между ИПМНС СО РАН, ЯГУ и Университетом Северной Британской Колумбии (Канада) с целью анализа современного состояния управления и землепользования в родовых общинах коренных малочисленных народов в Якутии.

Основными исполнителями проекта «Землепользование и самоуправление коренных народов в Республике Саха (Якутия)» были В. А. Роббек (ИПМНС СО РАН), О. А. Лазебник (ЯГУ),

Г. Фонда́л [G. Fondahl] и Г. Ползе́р [G. Poelzer] (Университет Северной Британской Колумбии – УСБК). В полевых исследованиях помимо названных специалистов приняли участие А.Н. Авакумова, М. Ю. Присяжный (ЯГУ), Т. Е. Андреева (ИПМНС СО РАН), Г. Мартин [G. Martin] и Д. Хайнс [D. Hynes] (УСБК). Финансировались изыскания канадской стороной.

Свое внимание к рассматриваемым в рамках проекта проблемам его участники объяснили тем, что начиная с 1991 г. в Советском Союзе, а затем в Российской Федерации, законодательство, регулирующее права малочисленных народов на землю и ресурсы, «претерпело существенные изменения» как на федеральном, так и на региональном уровнях. Были приняты правовые акты, которые юридически расширили возможности аборигенных этносов осуществлять управление на территориях своего исконного проживания. Причем уровень эффективности этих законодательных норм существенно варьирует по всей территории страны¹. В этой связи специалисты обратили свое внимание на Якутию, находившуюся в последнее десятилетие XX в. «в авангарде принятия законов» по правам аборигенных этносов.

При оценке федерального и республиканского законодательства, политики властей в отношении традиционного природопользования, самоуправления аборигенных этносов значительное внимание исследователи уделили изучению истории отчуждения земель, насаждения территориально-административных систем управления в советский период и их влиянию на современную ситуацию. Так, Г. Фонда́л отметила, что если родовые общины были образованы по признаку традиционного территориального расселения, то сельские и улусные администрации связаны с административным делением советской эпохи [6].

Кроме этого, часть исследований специалисты посвятили изучению истории хозяйственной деятельности и расселения коренных

¹ Фонда́л Г., Лазебник О., Ползе́р Г. и др. Развитие традиционного природопользования и самоуправления коренных малочисленных народов Республики Саха (Якутия): взгляд изнутри // Текущий архив Лаборатории электронных картографических систем Института естественных наук Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. С. 1.

малочисленных народов Якутии во времена СССР, определяющее влияние на которые, по мнению участников проекта, оказало насаждение колхозов и связанные с этим явления ограничения в перемещении их работников.

Основу же изысканий по проекту составили полевые исследования в родовых общинах трех аборигенных этносов: юкагиров, эвенов и эвенков. Для этого ученые провели экспедиции в село Нелемное (Верхнеколымский улус, 1997 г.) – место компактного проживания юкагиров; село Березовка (Среднеколымский улус, 1998 г.) – один из населенных пунктов, где сохранились язык, культура, традиционный уклад жизни эвенов; село Хатыстыр (Алданский улус, 1998 г.) и поселок Тяня (Олекминский улус, 1999 г.) – поселения эвенков. Всего во время экспедиций специалисты опросили 173 человека, каждому из которых задали 75 вопросов в анкетной форме. Методика опроса была разработана канадскими исследователями и дополнена российскими учеными. Группировались ответы по территориальному признаку, полу, возрасту и национальности (коренные малочисленные народы; якуты; русские и другие некоренные этносы).

Главная цель полевых исследований – анализ на местах реальной эффективности тех изменений, которые произошли в правовой базе земельных отношений и местного самоуправления Российской Федерации и Республики Саха (Якутия) в первой половине 90-х гг. XX столетия для коренных малочисленных народов. В связи с этим ученые пытались определить конкретные успехи, достигнутые аборигенными этносами в сфере повышения контроля над традиционными территориями своего проживания, и выявить трудности, с которыми пришлось столкнуться автохтонам при попытке реализации предусмотренных законами преференций. Одновременно исследователи стремились узнать мнение местного населения по ключевым проблемам жизнедеятельности общин (важность сохранения традиционных видов хозяйствования и деятельности кочевых родовых общин для защиты образа жизни коренных народов, эффективность работы местной администрации).

Ученые выяснили, какие виды традиционной деятельности в местах проведения исследований аборигены считают самыми важ-

ными. Если в Березовке, Хатыстыре и Тяне это были оленеводство и охота, то в Нелемном – рыболовство. Местные жители отметили важность сохранения традиционного образа жизни коренных народов и необходимость роста влияния совета старейшин на решения главы местной администрации, а также назвали общину предпочтительной формой самоуправления. При этом большинство опрошенных признали неэффективными и не отражающими реальную ситуацию на местах новые законы и постановления, принятые для охраны прав аборигенных этносов.

Значительная часть вопросов касалась проблемы собственности на землю. Так, преимущественная часть респондентов высказалась за то, что земля должна находиться в коллективном владении, и выразила негативное отношение к частной форме собственности. В то же время жители практически единодушно признали, что на территориях традиционного проживания коренных малочисленных народов право приоритетного землепользования должно принадлежать именно аборигенным этносам.

Одновременно ученые осуществили картографирование районов традиционного природопользования коренных народов в исследуемых населенных пунктах. Для сравнения законодательно определенных под традиционное природопользование территорий и мест фактического ведения аборигенными этносами традиционного хозяйства местным жителям предлагалось разместить на карте прилегающего района значки с изображением объекта деятельности (например, значок рыбы – рыболовство). К слову сказать, в итоге получилось, что земли, выделенные под традиционное природопользование законодательством, зачастую не совпадали с теми землями, на которых вели свою жизнедеятельность коренные народы на протяжении веков, – на многих из этих территорий уже работали промышленные предприятия.

На основе полученных в ходе реализации проекта «Землепользование и самоуправление коренных народов в Республике Саха (Якутия)» данных его участники выработали рекомендации по совершенствованию отношений между общинами, республиканскими и федеральными властями, которые предусматривали четкое определение полномочий общин, разграничение предметов ведения с

местной администрацией, учет роли родовых отношений, создание советов старейшин, а также повышение правовой грамотности населения. Кроме этого, ученые составили серию электронных карт родовых общин Якутии¹.

Несмотря на такое разнообразие направлений исследований в рамках рассмотренных выше исследовательских инициатив, представляется, что все они имели в своей основе один объединяющий момент – стремление ученых выяснить современное положение коренных народов в условиях социокультурных трансформаций, происходивших и происходящих в мире. Фактически специалистами было установлено, что аборигенные этносы Якутии в результате воздействия промышленного освоения, развала Советского Союза, экономического кризиса 1990-х гг. и в целом глобальных цивилизационных процессов испытывают на себе два разнонаправленных фактора. С одной стороны, у этих народов значительно влияние традиционного устройства жизни – исследователи отметили укрепление родоплеменных связей, стремление к повышению значения общины и сохранению культурной самобытности. С другой – наблюдается активное проникновение рыночных отношений, переход от кочевого к оседлому образу жизни, при этом очевидно нарушение механизма социокультурной преемственности между поколениями коренных народов.

1. Вахтин Н., Головкин Е., Швайтцер П. Русские старожилы Сибири: социальные и символические аспекты самосознания. М.: Новое издательство, 2004.

2. Григорьев С. А. Этнический ландшафт Якутии как объект экологического туризма // Теория и практика общественного развития. 2014. № 14. С. 49–52.

3. Донской Ф. С., Курилов Г. Н., Слепцов Я. Г. и др. Проблемы возрождения исчезающих юкагигов. Якутск: Северовед, 1996.

4. Курилов Г. Н. Современный юкагирский язык. Якутск: Оффсет, 2006.

¹ Национальный архив Республики Саха (Якутия). Ф. П-828. Оп. 14. Д. 28. Л. 43.

5. Проблемы Северного морского пути / отв. ред.: А. Г. Гранберг, В. И. Пересыпкин. М.: Наука, 2006.
6. Фондал Г. Традиционное природопользование и административное управление в Российской Федерации и Республике Саха (Якутия) // Полярный институт Норвегии. URL: http://www.npolar.no/ansipra/russian/Items/Geography_progrR.html (дата обращения: 21.12.2014).
7. Хелимский Е. А. «Этническая рознь» на Таймырском Севере. Кто ищет, тот всегда найдет... // «Сибирская заимка» – история Сибири в научных публикациях. URL: <http://zaimka.ru/helimski-anderson/> (дата обращения: 17.12.2014).
8. Чонка И., Швайцер П. Общества и культуры: изменения и устойчивость // Доклад о развитии человека в Арктике : пер. с англ. / науч. ред. А. В. Головнев. Екатеринбург; Салехард: Этнографическое бюро, 2007. С. 45–68.
9. Boyakova S. I., Shirina D. A., Vinokurova L. I. et al. Influence of the Northern Sea Route on Social and Cultural Development of Indigenous Peoples of the Arctic Zone of the Sakha Republic (Yakutia) // INSROP Working Paper. 1996. № 49.
10. Chichlo B. Le district de Nijnekolymski: population, renniculture, ethnicité // Sibérie II, Histoire, Culture, Littérature / Ed. by B. Chichlo. – Paris: Institut d'Études Slaves, 1999. P. 475–502.
11. Koivurova T., Tervo H., Stepien A. Indigenous peoples in the Arctic // Преобразование Арктики. URL: <http://arctic-transform.org/download/IndigPeoBP.pdf> (дата обращения: 19.03.2015)
12. Malet C., Chichlo B., Robert-Lamblin J. et al. Stratégies de subsistance et perception des aliments des populations autochtones de Yakoutie arctique (Districts de Basse et de Moyenne Kolyma) // Bulletins et Mémoires de la Société d'Anthropologie de Paris. T. 15., 2003. № 1–2. P. 101–120.
13. Robert-Lamblin J. Influences des paramètres environnementaux et des modes de subsistance sur les modèles culturels des peuples du renne de Sibérie nord-orientale // Les civilisations du renne d'hier et d'aujourd'hui. Approches ethnohistoriques, archéologiques et anthropologiques. Antibes: APDCA, 2007. P. 11–23.
14. Robert-Lamblin J., Hladik C.M., Pasquet P. et al. La perception gustative des populations autochtones de Yakoutie arctique (district de Basse-Kolyma) en fonction du régime alimentaire, comparée à celle de populations

d'Europe, d'Afrique et du Groenland // Bulletins et Mémoires de la Société d'Anthropologie de Paris. T. 11.1999. № 3. P. 405–416.

15. Turza J., Turga O. Die östlichen Dolganen im Nordwesten von Jakutien. *Philologia Fenno-Ugrica* 2–3, 1996/1997. Abstract // Антропология Германии. URL: <http://www.anthropology-online.de/Aga01/0044.html> (дата обращения: 18.02.2015).

16. Ventsel A. Hunter-herder continuum in Anabarski district, NW Sakha, Siberia, Russian Federation // *Nomadic Peoples*. 2006. Vol. 10. P. 68–86.

И. Н. Фельдт

Образ Русского Севера и образ Арктики в современной культурной политике Архангельской области

УДК 911.53

Статья посвящена проблеме имиджевой стратегии региона. С конца XX века ключевым в документах культурной политики Архангельской области является образ Русского Севера. В последнее время руководство региона определило основным арктическое направление. Но образ Арктики активно разрабатывается только политически и экономически. Автор полагает, что образ Арктики требует культурологического осмысления, а наиболее перспективным для региона будет формирование целостного образа Русского Севера и Арктики.

Ключевые слова: *образ Русского Севера, образ Арктики, современная культурная политика Архангельской области, имиджевая стратегия региона*

I. N. Feldt. Image of the Russian North and Image of Arctic in modern cultural policy of Arkhangelsk region

This article is devoted the problem of a regional image strategy. Since the end of twentieth century, the image of the Russian North be-

came a key point in documents of cultural policy. Last time the regional powers are choosing the Arctic as a main direction in framework of image strategy. The author supposes that the Arctic image requires a cultural understanding and however the creation a holistic image of the Russian North and Arctic will be a most perspective for region.

Keywords: *Image of the Russian North, Image of Arctic, modern cultural policy of Arkhangelsk region, regional image strategy*

Основы государственной культурной политики, утвержденные Указом Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 г., определили, что культурное и гуманитарное развитие является основой экономического процветания, государственного суверенитета и цивилизационной самобытности страны [11]. Это утверждение закономерно в современной социокультурной ситуации. Начиная с 90-х гг. XX в. сначала страны Европы, а потом и Россия стали отводить культуре одну из центральных ролей в развитии государства и общества. Точкой отсчета считается Стокгольмская конференция 1998 г., когда ЮНЕСКО предложила государствам-членам поставить культурную политику в центр стратегий развития, что нашло отражение в итоговой декларации конференции [5]. Так сформировался современный подход в культурной политике, согласно которому в современном мире культура становится значимым ресурсом социально-экономического развития, позволяющим обеспечить лидирующее положение страны.

Все решения осуществляют люди, поэтому главным условием реализации культурной политики является формирование важнейших «качественных» характеристик человека: нравственности, ответственности, самостоятельности мышления, творческого потенциала. Эта задача предполагает понимание тесной взаимосвязи человека и социокультурного пространства. При этом надо помнить, что развитие человека и среды – процессы одновременные. Невозможно получить «качественного человека», а потом создавать благоприятную культурную среду вокруг него. Следовательно, региональные программы обязательно должны выявлять перспективные точки роста территории и в соответствии с этим проводить имиджевую политику.

Сегодня ключевым фактором привлекательности территорий становятся культурные и духовные ресурсы – историко-культурное наследие, уникальные культурные особенности региона. Эта тенденция диктует необходимость выявления и научного осмысления понятия «историко-культурный имидж региона». При анализе документов региональной политики важно рассмотреть перспективы применения культурных ресурсов территории как ключевого имиджеобразующего фактора. В данной работе под историко-культурным имиджем региона понимается совокупность целенаправленно сформированных, устойчивых во времени коллективных убеждений людей в отношении историко-культурного своеобразия данного региона.

Для Архангельской области в документах современной культурной политики ключевым понятием является образ Русского Севера. Основные программы, такие как Государственная программа Архангельской области «Культура Русского Севера» (2013–2020 годы), выделяют сохранение и развитие культурного потенциала и культурного наследия Архангельской области в качестве первоочередной цели, подчеркивают, что отличительной особенностью Архангельской области является уникальное наследие Русского Севера.

Документы регионального развития постоянно отмечают, что в основе северорусской культуры всегда лежали духовное единство и склад характера, столетиями вырабатывавшийся в процессе адаптации к суровым условиям жизни. Делается упор на то, что эта духовно-нравственная общность формировала сознание, гарантировала устойчивость социума и преемственность культуры и что культурное наследие Архангельской области до сих пор играет ведущую роль в формировании ее образа. Следовательно, памятники культуры должны сделать регион привлекательным для туристов. При этом, делая ставку на развитие туризма, власти вынуждены констатировать, что рекреационно-туристический потенциал Архангельской области реализуется не в полной мере, в том числе из-за неудовлетворительного состояния многих объектов культурного наследия. Приводятся и конкретные цифры, например, что утрачено 22,6 % объектов культуры от общего числа объектов культурного наследия, расположенных на территории Архангельской облас-

ти, а в удовлетворительном состоянии находятся лишь 30 % объектов [6].

Причин такого состояния культурного наследия можно назвать много, но одна из них – разрыв человека со средой, забвение, непонимание жителями значимости культурного наследия Русского Севера.

Восприятие культурного ландшафта и, соответственно, образ места во многом зависят от подготовленности человека. Необходимо обладать некоторым культурным багажом, богатым ассоциативным рядом, определенными знаниями, чтобы проникнуть в сущность такого ландшафта [13, с. 20].

Закономерно, что одной из целей культурной политики любого уровня провозглашается укрепление гражданской идентичности. Важная роль в этом процессе отводится историко-культурной памяти. Именно ключевые имиджеобразующие факторы территории формируют «историческую память» как устойчивую систему представлений о прошлом, закрепленную в общественном сознании. Культурологический словарь дает следующее определение культурной памяти общества – это разработанная множеством поколений духовно-практическая способность массового сознания по сохранению и воспроизводству норм, смыслов, духовных и материальных ценностей, необходимых для успешного развития цивилизации [3, с. 132].

Концепт «истории памяти» разработан Я. Ассманом, который понимает культурную память как непрерывный процесс, в котором всякая культура, всякое общество или социальная группа формирует и стабилизирует свою идентичность путем реконструкции собственного прошлого. Именно Я. Ассману принадлежит приоритет в разработке теории культурной памяти, однако, по свидетельству самого исследователя, в обиход философской мысли это понятие ввел русский философ Ю. М. Лотман [1, с. 21], который в своих статьях «Память культуры» и «Память в культурологическом освещении» раскрывает феномен памяти.

В рамках семиотического подхода Ю. М. Лотман определяет культурную память как «надындивидуальный механизм хранения и передачи некоторых сообщений (текстов) и выработки новых» [9,

с. 201]. Культурная память выступает условием исторической преемственности, а культура предстает механизмом сохранения прошлого в настоящем. Особенностью культуры является постоянная актуализация прошлого в настоящем, что роднит ее с памятью. Как подчеркивает Ю. М. Лотман, каждая культура определяет свою парадигму того, что следует помнить (хранить), а что подлежит забвению. Последнее вычеркивается из памяти коллектива и «как бы перестает существовать». Но сменяется время, система культурных кодов, и меняется парадигма памяти–забвения [9, с. 202].

Особое место в осмыслении проблемы исторической памяти принадлежит Д. С. Лихачеву. Лихачев утверждает, что историческая память ассоциируется с национальным самосознанием, духовной сущностью человека и выступает неперенным атрибутом поддержания патриотизма. В одной из своих работ он писал: «Память противостоит уничтожающей силе времени. Память – преодоление времени, преодоление пространства. Память – основа совести и нравственности, память – основа культуры. Хранить память, беречь память – это наш нравственный долг перед самим собой и перед потомками. Память – наше богатство» [8, с. 14].

Многие исследователи подчеркивают, что историческая память выступает источником эмоциональных и психологических переживаний человека, формирует ценностные идеалы. Можно согласиться с утверждением, что у исторической памяти две основные функции [2, с. 75]. Во-первых, это поддержание идентичности: общая историческая память поколений – основа единства общества, социальных групп, их самоидентичности. Поколения сменяют друг друга, а общество сохраняет свою целостность. Каждое последующее поколение сохраняет чувство принадлежности именно к данному человеческому сообществу. Разрушение исторической памяти ведет к кризису идентичности, а затем к распаду общества. Другими словами, историческая память выступает центром объединения социальной группы.

Во-вторых, это передача ценностей: историческая память является средством передачи от поколения к поколению принятых в обществе систем ценностей. Ценности суть конечные основания выбора. Память всякой общественной системы выступает как аккумуля-

мулятор не только опыта деятельности, социальных практик, но и опыта выбора. Образцами исторической памяти являются только те поступки и деяния, которые общество считает идеалами, оптимальным воплощением принятых систем ценностей. В этом заключается воспитательное значение исторической памяти.

В целом историческая память является составной частью культуры. Именно культурные основания исторической памяти позволяют обществу регулярно приумножать социальный и духовный опыт, ценности и нормы.

Среди характеристик культурной памяти важнейшей является ее аксиологичность: она отторгает те знания, которые лишены ценностного содержания. Кроме того, культурная память задает систему ценностных ориентиров. Только человек, обладающий структурированной культурной памятью, способен творить культурную историю [14].

Социокультурное пространство, в котором живет человек, является важнейшим фактором формирования личности. Следовательно, образ места требует всестороннего изучения. Став предметом научного осмысления, образ Русского Севера получил в научных исследованиях ключевые характеристики. Наиболее часто используются такие черты, как самобытность, уникальность.

Обращаясь к образу Русского Севера, мы видим явное преобладание географических характеристик. Причина этого в том, что данный феномен подробно исследуется в рамках гуманитарной географии. Сочетание культурологического видения с ландшафтным подходом делает значимыми именно пространственные определения. Например, при моделировании целостного образа исследователь В.Н. Калущков выявляет наиболее типичные научно обоснованные комплексные географические характеристики региона [7, с. 160–172]. Это удаленность, окраинное положение, отсутствие крепостного права, суровые природные условия, северорусский жилищный комплекс, слабая освоенность территории, северорусские диалекты, старообрядчество, народное православие, сохранность культурного материала. Видно, что большая часть характеристик либо носит географический характер, либо во многом им обусловлена.

Постоянное обращение к образу Русского Севера сделало его основным фактором имиджевой стратегии региона. Активная популяризация объектов культурного наследия, особенно в последнее десятилетие, развитие местного туризма, широкая издательская деятельность краеведческой направленности привели к тому, что у населения Архангельской области усиливается чувство гордости за историю и культуру родного края, и этот образ осознается как устойчивый.

Но у Архангельской области в последние годы появился новый бренд – арктический вектор. В настоящее время Россия возлагает большие надежды на северное направление. Арктический регион является перспективным политическим и экономическим плацдармом развития страны, воспринимается как источник бескрайних территорий, ценных ресурсов и квалифицированных кадров.

Актуальность арктической темы, в том числе для Архангельской области, подтверждается и новым Указом Президента Российской Федерации от 2 мая 2014 года № 296 «О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации». Данный документ представляет собой отражение перспективной политики РФ до 2020 г. и далее и включает в себя постановление о расширении сухопутных территорий Арктической зоны. Необходимо особо отметить, что согласно Указу в нее включается и часть Архангельской области [12].

Необходимо обратить внимание на то, что власти Архангельской области возлагают надежды на то, что Арктика придаст мощный импульс экономике региона. Мэр города В. Павленко постоянно подчеркивает, что стратегия города, разработанная до 2020 г., провозглашает миссию Архангельска как столицы нового освоения Российской Арктики. Губернатор Архангельской области И. Орлов в интервью 02.02.2015 года уверенно заявляет, что, хотя регион очень разноплановый, но «мы выбираем нацеленность на Арктику» [10].

Надо признать, что губернатор обращается к истории региона, возрождает исторический бренд «Архангельск – ворота в Арктику». Но местные власти, определяя значение Арктики для области, подразумевают почти исключительно политико-экономический результат. При этом практически не звучит социальный, а ещё мень-

ше – культурный аспект проблемы. Нам кажется, что это неверно. На сегодняшний день «образ Арктики» не работает в социально-культурном плане: жители региона не видят для себя положительных перспектив, не соотносят себя с арктическим пространством. История не раз показывала, что правовое присоединение земли не делает для населения «чужую» территорию «своей» автоматически. Чтобы жители ощутили, приняли новую среду, необходимо приложить колоссальные усилия. При этом даже формы социальной привлекательности при их наличии, такие как льготы, коэффициент к зарплате, порой оказываются недостаточными. Образ Арктики должен стать сопричастным к значимым для человека событиям и ценностям.

На первый взгляд за последнее время в этом направлении проделана большая работа. Архангельск стал местом постоянного проведения мероприятий различного уровня, в названии которых присутствует слово «арктический». Но это привлекательно и важно лишь для определенного круга специалистов.

Формирование «близкого» образа Арктики невозможно без его популяризации. Создание Северного (Арктического) федерального университета самим названием подчеркнуло четкие ориентиры культурной политики. САФУ прилагает титанические усилия, чтобы тема Арктики стала близка не только студенчеству, но и жителям города и области. Достаточно упомянуть проект «Плавучий университет», дни Арктики, проходящие на базе САФУ с 2012 г., лекции, просмотры тематических фильмов для студентов, школ юного полярника для учащихся. Все это, несомненно, интересно и перспективно. Но образ Арктики при этом складывается как географически удаленный, труднодоступный и в связи с этим не для всех интересный и нужный. Дело в том, что у молодого населения Архангельской области практически нет ассоциаций с Арктикой, кроме стереотипов: Северный полюс, льды, белые медведи и тому подобное. Выросло поколение, которое не смотрело «Семеро смелых», не читало «Два капитана» В. Каверина и не видело экранизацию, не знает об эпопее папанинцев, чкаловском перелете или экспедиции Г. Седова.

На первый взгляд, эти пробелы могут возместить школа, университет. Но в нашей системе образования хорошая идея часто обращается насильственным внедрением и дает противоположный результат. В качестве примера можно привести замену в учебных планах САФУ курса «История» на курс «История. История Русского Севера и Арктики». Усиление «арктической темы» может вызвать отторжение.

Важную роль в современной ситуации может сыграть интересный сайт. В качестве примера можно назвать информационное агентство «Арктика-Инфо», провозгласившее задачу: дать читателю возможность узнать обо всем самом важном, что происходит в Арктической зоне России и циркумполярных государствах. Материалы действительно интересны, актуальны, разнообразны. Но и здесь, на наш взгляд, недостаточно культурологического осмысления образа Арктики.

Проблема видится в том, что в программах культурного развития Архангельской области остался образ Русского Севера и все связанные с ним дефиниции: самобытность, историко-культурное наследие, культурный ландшафт. А образ Арктики присутствует в региональной политике практически исключительно в политико-экономическом контексте, в крайнем случае связан с развитием естественно-научной составляющей.

Как правило, регион имеет возможность выбрать одну основную имиджевую стратегию. В современной социокультурной ситуации нам кажется ошибочным разъединять два наиболее перспективных имиджеобразующих фактора: образ Русского Севера и образ Арктики.

Наиболее перспективным видится путь соединения в людском представлении двух этих образов. Это важнейшая задача, которая должна решаться через грамотную информационную и образовательную политику. Необходима пропаганда и популяризация среди населения целостного образа Русского Севера и Арктики.

Тем более что исторически эти образы были неразрывны. Основные характеристики образа Русского Севера сложились на рубеже XIX–XX вв. Но если мы обратимся к периодике того времени, то увидим целостность восприятия пространства материка и аркти-

ческих земель. XIX век стал одной из ключевых страниц в освоении Арктики. Именно в это время в России начинается настоящий экспедиционный бум, немало привлекающий внимание общественности. Сюда можно отнести исследования А. П. Лазарева (1819 г.), Ф. П. Литке (1821–1824 гг.), П. К. Пахтусова (1832–1835 гг.), Ф. П. Врангеля и Ф. Ф. Матюкина (1821–1824 гг.) и другие.

К середине XIX века в Европе, Америке и России сложилась культура географических и путевых описаний. В текстах складывался устойчивый образ территории, соединяющий научные наблюдения с художественным описанием. Периодика сделала эти образы известными. Первая официальная архангельская газета «Архангельские губернские ведомости» начинает выходить с 1838 г., и уже в 1840-е гг. начинаются публикации арктической тематики. Активизация изучения северных территорий происходит в конце XIX – начале XX вв., когда на посту Архангельских губернаторов находились А. П. Энгельгардт и И. В. Сосновский. Благодаря их усилиям строятся железные дороги (в том числе Ярославль – Архангельск), лесопильные заводы, портовые сооружения, промышленные поселки. В 1908 г. создается Общество по изучению Русского Севера. Цель прописана в 1 параграфе Устава: «изучать Русский Север преимущественно в отношении историческом, географическом, научном, бытовом, культурном и экономическом; привлекать правительственное и общественное внимание к нуждам и особенностям северного края, а также содействовать проведению в жизнь необходимых для края улучшений» [15, с. 25–27].

С 1909 г. Общество по изучению Русского Севера начинает выпускать одноименный журнал. Как и в «Архангельские губернские ведомости», в него входила информация, освещавшая новые распоряжения правительства, представляющие интерес для Севера: о железнодорожных и водных путях, рыболовстве и рыбоводстве; библиографический указатель литературы по Северу. Но, кроме того, во многих номерах, начиная с самого первого, печатаются статьи, прямо связанные с арктической тематикой, – заметки, отчеты об экспедициях, экономические новости и другое.

Арктика в статьях представлена территориями, относящимися непосредственно к Архангельской губернии, – Кольским полуост-

ровом, обычно называемым в статьях просто «Мурман», Новой Землей и изредка архипелагом Шпицберген. В описаниях впечатлений мы видим яркие образы, связанные с природой и людьми. Например, путевые заметки участника правительственной экспедиции 1909 г. А. А. Быкова дают читателю эмоциональные описания: «Удивительно оригинальную жизнь ведем! Солнце не сходит с горизонта, и у нас совершенно утратилось представление о дне и ночи. Ложимся спать утром, встаем вечером. Ночь для нас обратилась в день, а день – в ночь. Все шло шиворот навыворот. Сегодня, например, наше раннее утро началось с 3-х часов дня» [4, с. 21].

Читатели имели возможность не просто получить фактическую информацию, но и увидеть, интерпретировать пространство Севера и его жителей, обитателей приполярных территорий. Самоеды и промышленники в этих текстах представляли глубоко самоотверженными, идущими на смертельный риск людьми; и такими их делала в том числе окружающая среда.

Кроме отражения в текстах, Север в конце XIX – начале XX вв. получил и живописный образ. В состав экспедиций входили художники – А. Борисов, С. Писахов, оставившие нам свои многочисленные картины. В это время на Север устремились многие столичные художники, в восприятии которых сформировался эпический, возвышенный образ Русского Севера. Образ этот прочно закрепился в общественном сознании, нашел отражение в литературно-мемуарных источниках, созданных в результате этих поездок. Именно такое представление о «Заповедном Севере», где благодаря географической удаленности и экстремальным условиям существования человека сформировался особый культурный ландшафт, оказалось востребованным сегодня.

Пространственно-образные характеристики стали определяющими в работе архангельских музеев. Важно отметить, что само понятие Русского Севера вошло в название: «Художественное объединение „Русский Север”». Закономерно, что на первый план вышли музейные пространства, посвященные жизни и творчеству северных художников А. А. Борисова и С. Г. Писахова.

Среди музеев Архангельска особое место занимает Музей художественного освоения Арктики имени А. А. Борисова. Для посе-

тителей он открылся в 2002 г. выставкой «Художник вечных льдов». Основой для создания экспозиции послужила уникальная коллекция работ Александра Борисова, насчитывающая свыше 400 произведений. А. А. Борисов – живописец с мировым именем, ученик известнейших пейзажистов И. Шишкина и А. Куинджи, был основоположником художественного освоения Арктики, создал монументальные образы Крайнего Севера. В истории русской живописи он первый, кто оказался за Полярным кругом с кистями и красками. Средовой компонент ярко ощутим в залах музея, где наряду с живописью представлены карты полярных маршрутов, макеты кораблей, фотоматериалы, навигационные приборы и другие экспонаты, связанные с арктической темой, посвященные полярным экспедициям. Само название музея – «Художественное освоение Арктики» – говорит о главной задаче: постижении пространства.

К сожалению, в данное время находится на ремонте музей С. Г. Писахова. Именно этот музей, который был открыт в мае 2008 г., очень активно работал с образами Русского Севера. С. Г. Писахов – художник, писатель, путешественник, исследователь, публицист, педагог и этнограф. Талант Писахова как художника-пейзажиста раскрылся в изображении Севера, ему удалось создать особый образ природы Архангельского края, его белых ночей. Поэзия культурного ландшафта Русского Севера воплотилась в писаховских сосенках на берегу Белого моря. Пространство музея включает исторические предметы, документы, произведения искусства о культуре и истории края. Активно используются знаковые объемно-пространственные композиции, каждый зал имеет индивидуальное пластическое, цветовое и световое решение, что создает художественный образ времени.

Таким образом, пространство современных музеев Архангельска позволяет эстетически постичь культурный ландшафт Русского Севера и Арктики, рассматривать эти образы целостно. Эта же тенденция прослеживается в названии выставочного проекта, состоявшегося в конце 2013 года в Салехарде (ЯНАО), – «Проходит век, но образ Арктики влечет...».

При всем значении пространства музеев этих локальных сред недостаточно для достижений задач культурной политики по фор-

мированию человека с важнейшими «качественными» характеристиками: нравственностью, ответственностью, самостоятельностью мышления, творческим потенциалом. Решение данной проблемы предполагает тесную взаимосвязь человека и социокультурного пространства. Для культурной политики Архангельской области сегодня наряду с устоявшимся образом Русского Севера значимым стал такой фактор, как Арктика. Нам кажется, что региональные власти недостаточно обращают внимание на культурологическое осмысление образа Арктики. Территория не становится для населения «своей» автоматически. Перспективным представляется соединение в один образ Русского Севера и Арктики, тем более что у подобного целостного образа есть исторические истоки. Если данная проблема разрешится, то социокультурное пространство Архангельской области получит дополнительные возможности для развития.

1. Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М. М. Сокольской. М.: Языки славянской культуры, 2004.

2. Афанасьев М. Д., Горяева Т. М., Силаева Т. А. и др. Дискуссия вызвана взаимным интересом (Отклики на статью В. П. Козлова «Музеи, библиотеки, архивы в системе исторической памяти») // Отечественные архивы. 2004. № 6. С. 75–87.

3. Бачинин В. А. Культурология: Энциклопедический словарь. СПб.: Изд-во В. А. Михайлова, 2005.

4. Быков А. А. За Полярным кругом. Путевые заметки участника правительственной экспедиции 1909 г. // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1910. № 19. С. 18–28.

5. Востряков Л. Е. Культурная политика: концепции, понятия, модель. URL: <http://www.cpolicy.ru/analytcs/80.html>

6. Государственная программа Архангельской области «Культура Русского Севера» (2013–2020 годы). URL: <http://www.dvinaland.ru/power/departments/mincult/progr/index.php?print=Y>

7. Калуцков В. Н. Ландшафт в культурной географии. М.: Новый хронограф, 2008.

8. Лихачев Д. С. Память истории священна. М.: Правда, 1986.

9. Лотман Ю. М. Память в культурологическом освещении // Избранные статьи. Т. 1. Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллин: Александра, 1992.

10. Орлов И. Проект по освоению Арктики «потянет» за собой другие. URL: <http://www.arctic-info.ru/ExpertOpinion>

11. Основы государственной культурной политики. URL: <http://news.kremlin.ru/media/events/files/41d526a877638a8730eb.pdf>

12. «О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации»: указ Президента РФ от 02.05.2014 № 296. URL: <http://graph.document.kremlin.ru/page.aspx?1;3631997>

13. Смолицкая Т. А., Король Т. О., Голубева Е. И. Городской культурный ландшафт: традиции и современные тенденции развития / под ред. Т. А. Смолицкой. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012.

14. Федоров С. В., Николаев О. Р. Понятие культурной памяти. Структура и формы ее актуализации (Размышления о целях и задачах гимназического образования в современной социокультурной ситуации). URL: http://www.npravstvennost.info/library/news_detail.php?ID=2465

15. Шипчинский В. Н. О направлении деятельности Архангельского общества изучения Русского Севера // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1916. № 7–8. С. 25–27.

В. И. Юдина

**Музыкальное пространство провинциального города
в проблемном поле художественной урбанистики:
типологическая модель и особенности
социокультурной стратификации**

УДК 130.2 +78.01

В статье предпринята попытка представить типологическую модель музыкальной культуры провинциального русского города на основе теории субкультурной стратификации. Музыкаль-

ное пространство любого провинциального города вне административного статуса и территориально-географического положения определяется как система музыкальных субкультур, отражающих ценностно-нормативные установки определенной группы данного провинциального сообщества – преимущественно традиционной и инновационной ориентации.

Ключевые слова: художественная урбанистика, провинциальный город, музыкальная среда, типологическая модель, социокультурная стратификация, звуковой тезаурус, полифония музыкальных субкультур, фольклорный и профессиональный тип культуры.

Vera I. Yudina. Musical space of a provincial town in the troubled field of artistic urbanity. Typological model and features of the socio-cultural stratification

The article attempts to present a typological model of musical culture of the provincial Russian city based on the theory of subcultural stratification. Musical space of any provincial town, out of the administrative and territorial status and geographical location, defined as a system of musical subcultures, reflecting the value-normative setting a specific group of provincial community – mostly traditional and innovative orientation.

Keywords: artistic urban studies, a provincial town, musical environment, typological model, socio-cultural stratification, sound thesaurus, polyphonic musical subcultures, folk and professional type of culture.

Современная культурология исходит из приоритета городского компонента как главной ипостаси провинции и ее культуры. Именно провинциальный город реализует диалог социокультурных пространств в национальном масштабе. «“Логос” провинции, ее самосознание творит город. От имени российской провинции именно ее города вступают в диалогическое отношение с общероссийским центром – столицей. <...> Именно формат провинциального города делает его уникальной площадкой может быть и не гармонизированного, но пропорционального взаимодействия того, что идет сверху, из центра, и того, что менее ярко, заметно, но традиционно,

исконно – от земли, от народной жизни», – пишет исследователь провинциальной культуры Н. М. Инюшкин [3, с. 25]. Формирующаяся в результате такого взаимодействия культурных потоков амбивалентная, многоликая культурная среда провинциального города порождает особый образ жизни, специфические качества сознания, самосознания, поведения, комплекс ценностно-ментальных характеристик, свойственный горожанину-провинциалу.

Культура провинциального города – важная отрасль современной урбанистики, уходящая корнями в труды Н. П. Анциферова, И. М. Грива, А. А. Кизеветтера, Г. Ф. Миллера, Н. К. Пиксанова, П. И. Рычкова. Сегодня геоурбанистика объединяет методики различных смежных наук – социологии, психологии, семиотики, антропологии, философии, политологии, истории, экономики и т.д. Среди них и искусствознание, поскольку искусство в системе городской культуры является важным идентифицирующим знаком: архитектурный облик, садово-парковое и декоративно-прикладное искусство – явные визуальные «знаки отличия» города и деревни, одного города от другого, города столичного от города провинциального. «Город раскрывается как условие возникновения, развития искусства. А складывающееся в рамках города художественное сознание предстает как результат кумулятивных процессов, заданных природой города» [11, с. 21].

Определенное место в этой системе занимает музыкальная культура. Однако роль музыкальной составляющей в городской культуре, пожалуй, наименее изученная сфера «художественной урбанистики». Задача заключается в определении особенностей музыкальной среды провинциального города, представленной в совокупности структурных, организационно-институциональных, содержательных, аксиологических, личностно-деятельностных компонентов. При этом следует учитывать целый ряд аспектов: специфику средового подхода для характеристики музыкальной культуры провинциального города, учет историко-динамической трансформации ее основных элементов, диалектику общего и особенного с точки зрения типологии городов русской провинции, роль личностного фактора в развитии музыкальной среды провинциального города.

Учитывая разноплановость и многоликость провинциальных городов России, следует иметь в виду отсутствие единого универсального образца, своего рода унифицированной модели музыкальной культуры провинциального города. Особенности территориально-географического местоположения, история возникновения, экономический уклад, социальная структура, региональная специфика художественной жизни в целом и музыкальной традиции в частности обуславливали характер развития музыкальной культуры каждого города русской провинции, начиная с момента их возникновения. При этом на протяжении их существования музыкальная жизнь в различных провинциальных русских городах демонстрирует общие тенденции развития, специфично преломляющиеся в зависимости от территориальных особенностей (Центр, Север, Урал, Сибирь и проч.). Задача заключается в том, чтобы за массивом сходных фактов выявить общие направления развития музыкальной культуры провинциального города, создать своего рода ее *типологическую модель*, реконструировать этапы ее исторической эволюции, учитывая многообразие влияния на нее бинарного фактора (столица – провинция, город – деревня, город уездный/районный – город губернский/областной/краевой, культура традиционная – культура профессиональная и др.). Методология анализа сочетает типологическое моделирование, историческую реконструкцию, системно-функциональный анализ.

Типологическое моделирование музыкальной среды провинциального русского города учитывает критерии общей типологии русских провинциальных городов, поскольку таким образом создается полномасштабная объемная картина функционирования музыкальной культуры русской провинции в разнообразии конкретных условий. Очевидно, что особенности музыкальной среды Ярославля отличаются от близкого ему Рыбинска уже в силу различного масштаба, социального положения, административного статуса. Но также они отличаются и от сходной по этим показателям Астрахани, но уже по историко-культурным основаниям.

Вместе с тем в истории развития музыкальной культуры русских провинциальных городов, в самой их структуре существуют сходные черты, формы, процессуальные закономерности, механиз-

мы функционирования, которые дают основание для построения «усредненной», типологизированной модели. Задача, таким образом, заключается в выявлении ее параметров – тенденций, этапов, структурных элементов.

Определяя параметры такой модели, выделим два основных ее компонента – синхронический и диахронический. Первый учитывает онтологические качества города как «генератора социокультурного разнообразия» [10, с. 90]. Культура любого русского провинциального города представляет собой сложное сочетание субкультур, порожденных деятельностью различных социальных групп. По мнению М. С. Кагана, «культура города оказывается многосторонне дифференцированной, дробной, часто не только разнородной по позициям, но и внутренне антагонистичной, порождая диалоги, расхождения или острые конфликты между разными своими субкультурами. Культура города и должна изучаться как сложная система субкультур, расчлняющихся и противостоящих друг другу в разных плоскостях – сословных, национальных, религиозных, возрастных и т.д.» [4, с. 20].

На протяжении собственной истории эта система претерпевала постоянные модификации как внутри каждой такой субкультуры, так и в их соотношении между собой. Это своеобразное «движение во времени» дополнялось также историческим «переструктурированием» провинциального культурного пространства в целом, когда в определенные периоды на передовые культурные позиции выдвигались отдельные города и целые культурные ареалы, становясь центрами по преимуществу инновационной культуры (концепция «региональных кругов»).

Культура русского провинциального города – явление многоликое как в диахроническом, так и в синхроническом ракурсах. Ю. М. Лотман писал, что город – это своего рода «генератор культуры», который «представляет собой котел текстов и кодов, разноустроенных и гетерогенных, принадлежащих разным языкам и разным уровням» [6, с. 35]. С одной стороны, провинциальный город в ходе всех культурно-исторических трансформаций в значительной степени сохранял связь с национальной традицией. С другой стороны, здесь находились все те социальные институты и учреждения,

посредством которых формировалась культурно-информационная система нового типа, направленная на модернизацию общества. В этой системе координат между традицией и новацией «оформлялось» музыкальное пространство провинциального города как совокупности различных музыкальных пластов, каждый из которых ориентирован на определенный «полюс» этой системы.

Теория субкультур как весьма распространенный способ описания культурной дифференциации предполагает выбор определенного критерия или ряда таковых. Так, Л. Н. Гумилев в определении социокультурной структуры России в целом – «структуры этносферы» – использовал сразу пять признаков: конфессиональный, этнический, региональный, экономический, политический [2, с. 21]. Весьма разнообразны принципы стратификации городских субкультур: половозрастные, профессиональные, досуговые, территориальные и др. [9; 29].

При этом в современной культурологии преобладающим является знаково-семантический принцип, когда теория социокультурной стратификации исходит из способности различных социальных общностей к формированию системы ценностей, норм, символов, определяемых свойственной данной группе картиной мира (В. С. Жидков, К. Б. Соколов, Н. А. Хренов). Субкультуры русского провинциального города дореволюционного периода представляют губернская (уездная) аристократия, интеллигенция, купечество, мещанство, чиновничество, студенчество, прислуга, рабочий люд. Характер их сосуществования и взаимодействия определяет динамику провинциальной культуры в целом и ее художественной жизни в частности.

Как важный элемент культурного наследования, эти ценности бывают традиционными, заимствованными, принципиально новыми. Сложился определенный характер соотношения каждой городской субкультуры с определенной группой ценностно-нормативных установок, своего рода «стереотип», когда более современным, исторически позже возникшим социальным группам соответствует установка на инновационные нормативы, в том числе и художественных практик, и наоборот.

Музыкальное пространство любого провинциального города, вне его административного статуса, территориально-географического положения, составляет система музыкальных субкультур, под которыми понимаются процессы и результаты музыкальной деятельности, отражающие ценностно-нормативные установки определенной группы данного провинциального сообщества. Функционирование данной системы определяется не столько собственно художественными, сколько социальными факторами. Социальную структуру провинциального города формировали неоднородные по составу и пребывающие в постоянном социальном движении слои – бывшие крестьяне (оброчные и вольные), ремесленники и работающие по найму мастера, рабочие, служащие (мелкое чиновничество), купечество, торговцы, духовенство, дворяне. Для различных социальных групп характерны различные виды музыкальной практики, отражающие соответствующие ценностные установки, взаимообусловленные и активно взаимодействующие в пространстве провинциального города.

При всех исторических метаморфозах XVIII – начала XX вв. музыкальная культура провинциального города сохраняла свой сословный характер, составляя систему субкультур с соответствующим каждой из них музыкальным компонентом. В едином городском пространстве соседствовали музыкальные пласты различной направленности – традиционной и инновационной, и в соответствии с ориентацией на них определялись художественные установки различных социальных слоев и групп. Музыкальная культура посадского населения, мещан и купечества, всех тех групп, которые в XVIII–XIX вв. составляли основную массу городского населения и в различных документах этого времени (например, «Городская обывательская книга» 1785 г.) назывались «средним родом людей», оставалась тесно связанной с традиционной народной культурой. Музыкальный быт губернской и уездной аристократии был ориентирован по преимуществу на столичные, а через них и на европейские образцы (оперный театр, частный музыкальный салон). Музыкальные вкусы городской интеллигенции демонстрировали ее среднее положение, выдвигая соответствующие различным этапам общекультурного процесса доминантные векторы (и народно-

песенная традиция, и театрализованные музыкальные формы, и концертная практика). Впрочем, не только интеллигенция как слой, занимающий срединное социальное положение и пополняющийся за счет обывательской и мещанской среды, но и все остальные субъекты музыкальной культуры провинциального города – аристократия и мещане, включая мелких торговцев, предпринимателей – демонстрировали завидную гибкость и исключительную «всеядность» музыкальных вкусов, оказываясь в соответствующей музыкальной среде, о чем свидетельствует художественная литература (известная сцена пляшущей Наташи Ростовской) и факты биографии ярких представителей русской культуры (видный сановник времен Екатерины II Г. Н. Теплов создал жанр «русской песни», а представитель старинного дворянского рода П. В. Киреевский посвятил свою жизнь созданию «Собрания русских народных песен»).

Можно говорить о своеобразной *полифонии* как качественной характеристике музыкальной среды провинциального русского города, где обусловленный суммой природных, исторических, хозяйственных и иных условий «урбанизированный» звукопейзаж дополнен массой «рукотворных», организованных, институализированных музыкальных образований, представляющих совокупность музыкальных пластов, свойственных различным слоям городского социума – традиционных, инновационных, смешанных.

Известно, что в культуре «для того, чтобы какая-либо назревшая потребность в социокультурных изменениях могла быть реализована, в обществе должны присутствовать субкультуры с соответствующим содержанием. Только тогда в ответ на ту или иную потребность в изменении оно сможет тут же отреагировать выдвижением опробованной инновации» [8, с. 34]. Сосуществование музыкальных субкультур различной ориентации – инновационной и консервативной – следует рассматривать как свидетельство разнообразия и источник развития музыкальной культуры провинциального города.

Динамика развития каждого музыкального слоя и системы музыкальной культуры провинциального города в целом выявляет показательную для русской музыки и отечественной культуры в целом тенденцию профессионализации художественной жизни,

влияющую на все основные формы повседневной музыкальной практики – традиционные, фольклорные и вновь образованные – светские любительские и театрально-концертные. Вектор исторического развития музыкальной культуры русского провинциального города на протяжении XVIII – начала XX вв. можно описать в категориях постепенной трансформации типа культуры. Первоначально доминирующая в провинциальном городе музыкальная *культура фольклорного типа*, бытующая как в своем «родовом» сельско-деревенском по происхождению варианте, а также породившая своеобразные городские – социальные, жанровые – формы (посадский и слободской фольклор, городская рабочая песня, жестокий романс, частушка и др.), постепенно уступает главенствующие позиции *культуре профессионального типа*, способствующей активизации театрально-концертной жизни провинции, развитию активного любительского музицирования, сложению таких своеобразных явлений музыкальной повседневности, как музыка на открытом воздухе (городские сады и парки), книгоиздательская деятельность на местах и распространение книготорговой сети.

Тенденция профессионализации определялась ориентацией на столичные образцы музыкального искусства и практики, единые для всех провинциальных городов. Формировалась новая музыкальная субкультура – светская, европеизированная, профессионально ориентированная (затем композиторская и исполнительская), развивавшаяся по единому образцу преимущественно в городских условиях.

Параллельно и во взаимодействии с ней трансформировалась народная музыкальная традиция, порождая специфические формы народной городской музыкальной культуры. На смену диалектности, локально-областной специфике традиционной музыки в провинциальном городе XVIII – начала XX вв. утверждался новый звуковой тезаурус, определяемый новыми формами ее бытования (уличными, бытовыми, прикладными), унифицированными жанровыми образованиями (городской песни, романса, частушки), общими стилевыми (внедиалектными) особенностями.

Существенный критерий, демонстрирующий отличие музыкальной культуры провинциального города от города столичного, –

это музыкальная повседневность, под которой мы понимаем привычно окружающую человека повторяющуюся музыкальную практику, различные формы протекания музыкальной жизни в семье, быту, во время праздников, в общественной жизни. Музыкальная повседневность демонстрирует не столько сам художественный процесс, сколько процесс бытования искусства, который связывает – чаще опосредованно – музыканта как творца и обывателя как адресата его творчества. Это «практика общественного бытия, формируемая эмоциональной рефлексией и несущая на себе ее отпечаток, сочетающаяся с практически нерелексивной рутинной, обыденностью» [1, с. 31].

В истории русской музыкальной культуры две российские столицы – Петербург и Москва – всегда выступали как «флагман» всех возможных музыкальных новаций, центр музыкальной жизни, собрание всех наличных и потенциальных творческих сил – материальных, организационных, личностных. При этом фактор двустолочности имел большое значение для развития отечественной музыкальной культуры в целом, и для русской провинции в том числе. Столица новая и столица древняя по мере развития разнообразных форм музыкальной практики на протяжении XVIII – начала XX вв. словно бы дополняли и уравновешивали друг друга, составляя единую российскую метастолочность в ее соотношении с метасистемой российской провинции [7, с. 51 и др.].

Обе столицы в равной мере выполняли функции центров музыкальной жизни страны, в одном случае обусловленные близостью государственной верхушки, определяющей государственную культурную политику, в другом – стимулируемые культурной средой древнего центра, имеющего многовековую историю. Однако национальный статус то или иное музыкальное явление приобретало, только пройдя апробацию и утверждение в провинции, подобно тому как в целом новая светская культура, столичная по своему происхождению, осваивалась провинциальной Россией. «Успех или неудача трансляции культурных достижений и культурных стандартов, выработанных в столицах и предлагаемых элитой обществу, зависит от их рецепции в провинции» [5, с. 3]. Именно повседневная жизнь провинциалов-обывателей наиболее ярко демонстрирует,

каким образом музыкальные новации «доходили» до простых людей, как воспринимались и принимались, интерпретировались и трансформировались.

Разумеется, обе русские столицы имели свою музыкальную повседневность, характер, структуру, своеобразие которой определялись близостью всего того многогранного музыкального потенциала, которым обладали Москва и Санкт-Петербург. С одной стороны, именно здесь шло наиболее активное утверждение инновационных форм светской музыкальной культуры, сформировавшее профессиональную музыкальную – композиторскую, исполнительскую – школу с соответствующими ей театральной, концертной, педагогической и т. п. видами деятельности, которые нашли непосредственное отражение в музыкальной практике меломанов – любителей, дилетантов разных социальных слоев – мещанства, служащих, торговцев, купечества, прислуги, буржуазии, и др. С другой – более условным становилось бытование в столице традиционной русской музыки, особенно аутентичных и архаичных ее видов, формировались новые, соответствующие урбанизированным условиям художественной жизни жанры, виды фольклора, составляющие основу музыкальной повседневности основной части столичного общества.

При наличии сходных тенденций музыкальная повседневность провинциального города как в историческом прошлом, так и сегодня (если иметь в виду исключительно ее «живые», а не виртуальные формы) функционирует в условиях более ограниченного инновационного потенциала – театральных, филармонических организаций, профессиональных творческих сил, что определяет доминирование полупрофессиональных (смешанных) и любительских форм музыкальной жизни, дилетантизма. На этом фоне по сравнению со столицами более значительную роль и продолжительность демонстрирует фольклорная составляющая музыкальной культуры провинциального города. Такая «расстановка акцентов» соответствует специфике жизни в провинции – ограниченности выбора (форм музыкального досуга в том числе), низкому (по сравнению со столичным) уровню предоставления услуг, доминированию фактора случайности в самой организации художественной жизни.

Вместе с тем доминирование в провинции традиционных пластов музыкальной культуры оказывает сегодня значительное влияние на академическое направление. Показательно возникновение регионального композиторского фольклоризма, в основе которого лежит идея сохранения народного творчества через авторское творчество. Эта тенденция, начатая «Курскими песнями» Г. В. Свиридова, является неотъемлемой частью современной музыкальной культуры разных городов России. Произведения местных композиторов, связанные с фольклором родного края, его историей и природой – важная часть репертуара ведущих творческих коллективов разных краев и областей России. С одной стороны, в музыке современных композиторов-профессионалов развивается форма приближенной к региональному первоисточнику обработки (орловские наигрыши Е. П. Дербенко – «Орловская матаня», «Ливенские переборы», «Орловский сувенир» и др., воронежские напевы В. М. Руденко – «Мой Воронеж», «Край мой Воронежский», «Гармошка»). С другой – у тех же авторов местный фольклор активно «внедряется» в классические формы профессионального творчества – жанры симфонической и камерной музыки.

На характер развития музыкальной культуры российской провинции влияют особенности местной художественной инфраструктуры. Наличие театральных сцен, концертных площадок, высших и средних специальных учебных заведений свидетельствует об уровне развития и разнообразии форм сложившейся здесь музыкальной практики, включенности в нее различных слоев населения. Естественно, что в крупных центрах музыкальная жизнь протекает значительно интенсивнее, чем в небольших районных поселках, где преобладают в основном любительские формы музицирования.

1. Беловинский Л. В. История повседневности как инструмент изучения истории культуры // Современные методы исследования культуры : мат. науч.-методолог. конф. / науч. ред. А. Я. Флиер. М.: МГУ культуры и ВШК, 2000. С. 16–20.

2. Гумилев Л. Н. География этноса в исторический период. Л.: Наука, 1990.

3. Инюшкин Н. М. Провинциальная культура: природа, типология, феномены. Саранск: Изд-во Морд. ун-та, 2003.
4. Каган М. С. Культура города и пути ее изучения // Город и культура : сб. науч. тр. / науч. ред. С. Н. Иконникова, Г. В. Скотников. СПб.: СПбГИК, 1992. С. 15–34. (Сб. науч. Тр. СПбГИК им. Крупской. Т. 150).
5. Куприянов А. И. Городская культура русской провинции. Конец XVIII – первая половина XIX века. М.: Новый хронограф, 2007.
6. Лотман Ю. М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Ученые записки Тартуского университета. Вып. 664. Тарту, 1984. С. 30–45.
7. Смирнов С. Б. Три века двух столиц. Эра Петербурга. 1703–1918 : монография. СПб.: Кн. дом, СПбИГО, 2006.
8. Художественная жизнь современного общества : в 4 т. Т. 1. Субкультуры и этносы в художественной жизни / отв. ред. К. Б. Соколов. СПб.: Дмитрий Буланин, 1996.
9. Щепанская Т. Б. Традиции городских субкультур // Современный городской фольклор. М.: РГГУ, 2003. С. 27–33.
10. Яковенко И. Г. Город в пространстве диалога культур и диалог города // Социокультурное пространство диалога / отв. ред. Э. В. Сайко. М.: Наука, 1999. С. 90–101.
11. Яковенко И. Г. Художественное сознание и городская среда в их взаимодействии и созидании // Город и искусство: субъекты социокультурного диалога / сост. Т. В. Степугина. М.: Наука, 1996. С. 20–25.

ПЕДАГОГИКА

А. И. Быстров

Императив непосредственной понятности: контуры интерсубъективного в образовательном пространстве

УДК 316.772

Рассматривается феномен интерсубъективности как особой общности между субъектами образовательного процесса, основа для их взаимодействия и условие передачи знаний.

Ключевые слова: *интенциональность, интерсубъективность, информационные технологии, наука, непосредственное знание, образование.*

A. Bystrov. The imperative of immediate understandability: the contours of the intersubjective in the educational space

The phenomenon of intersubjective as a special community of interests among subjects is tackled in this article. The meaning of philosophic self-conscience as an inner level of communication is defined here.

Keywords: *direct knowledge, education, information technology, intentionality, inter-subjectivity, science.*

Современное образовательное пространство характеризуется лавинообразным ростом научной информации, что заставляет искать новые пути освоения знаний и новые формы взаимодействия субъектов образования, обращаясь при этом к историческому опыту.

Ещё в 1965 г. президент Академии наук СССР А. Н. Несмеянов приводил следующий расчет: «Если бы химик, свободно владеющий 30 языками (условие невероятное), начал с 1 января 1964 г. читать все выходящие в этом году публикации, представляющие для него профессиональный интерес, и читал бы их по 40 часов в неделю со скоростью 4 публикации в час, то к 31 декабря 1964 г. он прочитал бы лишь 1/20 часть этих публикаций. В будущем, – предсказывал А. Н. Несмеянов, – положение ухудшится еще больше, поскольку годовой прирост химической литературы составляет несколько более 8,5 %» [7].

Современная ситуация в системе образования чрезвычайно осложнена тем обстоятельством, что объем знаний, которые накоплены человечеством, уже сегодня неподъемен и продолжает лавинообразно нарастать. И вот парадокс: с одной стороны, знания, передаваемые в процессе образования, начинают забываться уже в ходе самого этого процесса, так что студент, отлично сдавший экзамен по какому-то предмету на первом или втором курсе, едва ли смог бы пересдать его так же успешно на пятом курсе. С другой стороны, наращивание объема знаний априори считается делом естественным и необходимым; одна из важнейших целей образования как раз в том и состоит, чтобы подготовить людей, способных вырабатывать новые знания.

Между тем есть еще одна проблема образования – даже более важная, однако еще менее успешно решаемая. Пожалуй, наиболее кратко и внятно ее обозначил Гераклит: «Многознание ума не прибавляет». Ум, то есть тот интеллектуальный механизм, который позволяет успешно пользоваться багажом знаний, представляет собой нечто отличное от суммы знаний. Нет сомнений, что это «нечто» для формирования и специалиста, и личности вообще много важнее, нежели накопление знаний (в конце концов, недостающие знания умный человек, не перегружая свою память, всегда может почерпнуть из справочника, памяти компьютера или Интернета). Что же это «нечто» собой представляет и можно ли ему научить?

Мир для человека становится значащим благодаря тому, что человек способен к его осмыслению. Каждый момент становящейся реальности порождает всё новые вербально-предметные соответст-

вия: слова, термины, понятия, определения и связки. Возникающий *перманентный элементаризм* настоящего настолько специализирован на основе множественности критериев, что нет возможности описать мир как целое некоторой непротиворечивой системой понятий, одинаково воспринимаемой научным сообществом. Язык объяснения мира как динамической целостности не имеет места быть. Мы привыкаем жить вне границ области поиска истины. Никто не задаётся задачей отыскать алгоритм для систематизации лавинообразно растущей информации, вместо этого существует надежда на самоорганизующийся хаос, на спонтанность. И как результат мы видим появление новых эпифеноменов уже технологического порядка (к примеру, Large Hadron Collider, смысл которого не совсем ясен даже его создателям).

В современной литературе, посвященной проблемам образования, термины «обучение» и «образование» очень часто употребляются как синонимы или весьма близкие по смыслу. В действительности это не тождественные понятия, и различие между ними кроется прежде всего в качестве достигаемых результатов. Процесс обучения так или иначе направлен на формирование конкретных, а потому ограниченных знаний, умений и навыков. Этот педагогический стиль имеет древние исторические традиции. Современная версия подобной практики может быть определена как алгоритмически-инструктивный метод, и так как подобные образовательные подходы в наше время осуществляются с использованием современных информационных технологий, неудовлетворительная ситуация, сложившаяся в сфере образования с развитием у учащихся творческих способностей, кардинально не меняется. Ясно, что необходим поиск новых путей.

Дискурсивное («положительное», научное) знание, каким бы необъятным оно нам ни казалось, на самом деле *конечно*, а представляет оно в нашем сознании *бесконечную* реальность. Что скрывается за границами (не принципиальными, а существующими в каждый конкретный момент) знания? На этот вопрос ответа быть не может, но мы взаимодействуем с реальным миром, решая какие-то практические задачи, не в рамках познанного, а обращаясь ко всей его полноте [4, с. 43]. Эта неполнота знания компенсируется опы-

том, при этом опыт представляет собой не «приложение» к знанию, а полноценное *самостоятельное* знание, отнюдь не сводимое к «умению». Это, например, способность ученого оценивать решение задачи по стройности доказательств или умение конструктора видеть по чертежу, будет работать конструкция или не будет. Это *непосредственное* знание, которое некоторые философы (например, Бердяев) ставят выше дискурсивного. Непосредственное знание в практической жизни людей играет не менее важную роль, нежели дискурсивное. На нем основывается умение не только распознавать правильные решения, но и приходиться к таковым. На нем базируются мировоззренческие системы.

Как формируется, сохраняется и передается непосредственное знание? Вот вопросы, которыми практически не занимается наша система образования.

В современном информационном обществе всё является внешним и по отношению к прочим системам отсчёта, и по отношению к самому себе. Внутреннее здесь есть форма внешнего. Мир внешней реальности и мир внутренней целостности не имеют перехода. Информационная эпоха выдвигает требования тотальной формализации. Информационная понятность – понятность скорлупы, понятность внешнего предела, понятность без осмысления. Век информационных технологий отграничивает пределы непосредственного осмысленного понимания, отодвигая их в глубины только лично значимых объективаций реальности.

Однако не только логика становления и формирования интеллектуального пространства XX века готовила предпосылки для информационного взрыва и нового формата общества. Уже почти четыреста лет человек пытается противостоять порождённому им информационному Левиафану.

В середине XVII в. Я. А. Коменский писал о невиданном доселе росте книгопечатания. Книг стало слишком много, говорит Я. А. Коменский и заключает, что реформа знаний «более чем необходима», поскольку не все из этой огромной массы знаний можно было считать настоящей, или «сильной наукой» [3, с. 11].

Последовавшая реформа знаний заключалась в подведении научных основ под сам процесс образования, что ознаменовалось соз-

данием дидактики как общей теории обучения и вытекающих из ее принципов множества частных методик. Под дидактикой её создатель Я. А. Коменский понимал «универсальное искусство учить всех всему и притом с верным успехом» («Великая дидактика», 1657 год) [4, с. 33]. В словах «всеобщее искусство учить всех всему» выражена не только научность педагогики, но исходный смысл термина «научность» вообще.

Понятие «научность» содержит в себе характеристику той информации, которая называется «научным знанием». Понятием «*научность*» определяется тот возможный (для каждой эпохи он свой) к осмыслению уровень информации, который *может быть предположаем к одинаковому усвоению и пониманию всеми людьми* (в противоположность, к примеру, магии, где передача знаний была крайне индивидуализирована). *Научность*, понимаемая в таком аспекте, интегрирует людей и делает более *осмысленным* принятие религиозных установок «любви к ближнему», поскольку позволяет увидеть мир «общим взглядом» при осознании неповторимости каждой человеческой личности.

Особенностью той эпохи является формирование образовательного пространства как *интерсубъективного* поля духовного и духовно-практического общения людей. Напомним, что образовательное пространство «представляет собой форму существования трансляции социального опыта от поколения к поколению на уровне, превышающем естественный, имеющем место без специально организованных процессов обучения и воспитания, естественный процесс – такой, который не интенсифицирован специальными воздействиями на субъекты образования» [1, с. 54]. Только в пределах образовательного пространства человек способен осознать себя творцом.

Интерсубъективность – особая общность между познающими субъектами, условие взаимодействия и передачи знания (или значимости опыта познания) одного для другого, которой обеспечивается целостность восприятия мира и тем самым создаётся основа для дальнейшего диалога по частным и уникальным обстоятельствам.

Как свидетельствуют источники, европейская наука в первые века своего становления не представляла собой «башню из слоно-

вой кости». «Чтобы стать учёным, тогда необязательно было знание латыни или математики, не требовалось и широкое знакомство с книгами или университетская кафедра. Публикация в Актах академий и участие в научных обществах были доступны всем – профессорам, экспериментаторам, ремесленникам, любопытствующим, дилетантам» [5, с. 51–52]. Новые законы и изобретения делались предметом постоянных обсуждений – и не только в кулуарах академий, но и на площадях, и в кофейнях. Научные открытия и научные принципы входили в умы образованного общества поступательно и гармонично.

Вспомним поразительные и парадоксальные слова И. В. Гёте, сказанные его секретарю И. П. Эккерману: «Я спросил Гёте, кого из новейших философов он ставит на первое место. – Канта, – отвечал он, – это не подлежит сомнению. Его учение и доселе продолжает на нас воздействовать, не говоря уж о том, что оно всего глубже проникло в немецкую культуру. *Кант и на вас повлиял, хотя вы его не читали. Теперь он вам уже не нужен, ибо то, что он мог вам дать, вы уже имеете* [выделено мной. – А.Б.] [8, с. 234].

Смысл этого, на первый взгляд парадоксального, высказывания в нашей интерпретации заключается в том, что в начальный (классический) период науки наблюдался некий природосообразный аксиоматизм в представлениях о реальности; «природосообразный» в том смысле, что знания, составлявшие фундамент научного миропонимания, содержали в себе такой же механизм усвоения исходных научных принципов человеком, как, к примеру, освоение ребёнком родного языка. Конечно, мы несколько утрируем желаемую степень присвоения человеком фундаментальных идей науки, но философия Канта во времена Гёте (по крайней мере, так следует из его слов) усваивалась на уровне непосредственного понимания, как бы помимо воли субъекта образования. Подобная специфика интеллектуального пространства той поры имеет и эмпирическое подтверждение. Вспомним хотя бы независимую одновременность открытия дифференциального и интегрального исчисления И. Ньютоном и Г. Лейбницем.

Интеллектуальное пространство той поры «как бы» создавало возможность для «непосредственного» усвоения всего нового в

науке. Такой процесс непосредственного приобщения к аксиоматическим результатам научного поиска можно назвать *«ассимиляцией знаний»*, исходя из того, что при всём плюрализме мнений о научных принципах мироздания наблюдалась некая природосообразная целостность в представлениях о реальности.

Сложный процесс развития науки часто осуществлялся вне стен университетов. Зарождение, развитие и успехи новой научной формы знания шли рука об руку с новой фигурой учёного или мыслителя, новыми институтами, предназначенными для проверки получаемого знания. Наука распространяется через книги, периодические издания, частные письма, деятельность научных обществ, но не через университетские курсы. Обсерватории, лаборатории, музеи, мастерские, дискуссионные клубы зарождаются вне, а часто и вопреки университетам [5, с. 52]. *Особенностью эпохи становления европейской науки стало формирование интеллектуального пространства как интересубъективного поля духовного и духовно-практического общения людей.*

Характеризуя современное интеллектуальное пространство, мы приходим к выводу, что овладение готовым догматизированным знанием, в свое время сгодившееся впрок для социального функционирования (в том числе и профессионального), не имеет большой цены в живом общении людей в предметном реально-идеальном поле культуры. Потому не имеет, что каждое мгновение нашего живого общения создаётся интуицией взаимопонимания или стремления к таковому. Только способность чуткого восприятия личного голоса, размышляющего о невероятном в очевидном, только формирующаяся при этом способность неожиданным ответом найти общее решение занимающей всех проблемы включают человеческую индивидуальность в реальное бытие духовной и духовно-практической культуры. Посредством установления родства – сходства и различия – между собой и окружающим миром происходит обретение человеком собственной идентичности, создаётся гармония между *«я» знаю – «ты» знаешь – «мы» знаем, обретается целостность мировосприятия.* И сейчас, в наше время, казалось бы, должен существовать некоторый базовый уровень принципиальных (научных) знаний, который одинаково осознаётся всеми

людьми, – иначе невозможен диалог о сущностных проблемах бытия. Ведь если нет «общих мест» осознания реальности, то нет и общих ответов, и согласия; и не стоит думать, что отсутствие одинаковости в понимании основных принципиальных, базисных сторон бытия столь безобидно.

Поясним аналогией. «Незнание закона не освобождает от ответственности» – эта максима известна всем. Её суть в том, что принятый закон есть кодификация некоторых норм естественного права и, соответственно, те обязательства, которые закон налагает на граждан, уже ассимилированы общественным сознанием и выведены на уровень личностного осознания как запрет или позволение. Скажем, нет нужды объяснять человеку, что убийство – грех, осознание этого, как говорится, впитано с молоком матери. Но что верно по отношению к нормам юридического права, должно, по видимости, относиться и к законам естественного, intersubъективного мира.

Свято место пусто не бывает, и если отсутствует принципиальная установка, что все люди должны иметь одинаковое представление об основах мироздания, то императивом станет другая установка – у каждого свой мир и свои законы, а результатом будет «война всех против всех» (Т. Гоббс).

Гуманитарные науки сейчас находятся в глубоком системном кризисе; в поле гуманитарного знания нет господствующей парадигмы, а представлен разнородный набор исследовательских практик и традиций. В свою очередь, эта сиюминутность методов служит отправной точкой для апологии методологической бриколажности; сознательная установка на “эkleктизм” позволяет уйти от (упреков в отсутствии) целостности – теоретической, стилистической или, допустим, социально-организационной (*бриколаж* – инсталляция, в которой элементы объединяются не на основе их внутренней логики, но в связи с их пространственной доступностью) [6].

Для преодоления состояния методологической конъюнктуры требуется обновление традиций интеллектуального поиска на основе разработки новых объяснительных систем. Как известно, общий

теоретический язык возникает в ответ на общность интеллектуальных задач.

Как много ныне осталось реально intersубъективного и где оно обозначило своё пребывание? Где искать людям в нашем конфликтующем мире точки согласия? А ведь они, эти точки согласия, помимо деклараций толерантности предполагают и некоторую естественную согласованность в понимании мироздания.

Процесс познания, так же как и его результаты, «заклочены» в intersубъективный контекст, за пределы которого им не вырваться. Другими словами, объективный мир, к которому адресуется отдельный исследователь (научный коллектив), является общим не только для меня, но и для других, intersубъективная позиция исследователя конституируется его представлениями об идеалах, нормах и ценностях, его установкой, проявлением собственного интереса.

Благодаря intersубъективности сознания не только реализуются коммуникативные возможности людей, но и достигается взаимопонимание между ними, формируются образы других и самих себя (образы ego и alter ego), интерактивные связи и дискурсивные формы выражения (устные и письменные). Именно intersубъективные качества сознания создают коммуникационную атмосферу взаимодействия людей как коммуникаторов, в которой проявляются их когнитивные способности [7].

Если мы говорим об объективации intersубъективности некоторым объединяющим *мы-смыслом*, самой возможностью вести диалог в границах спонтанно организуемого научного дискурса, то следует предположить изначальную заданность «ответа» на вопрос «что есть истина?». Сама возможность научного поиска, спонтанная координация интеллектуальных усилий и возможность согласия в корпоративной научной среде предполагает изначальную объективацию поиска истины как intersубъективный акт проявления «заданного ответа» на вопрос «что есть истина?». На наш взгляд, intersубъективная телеология в науке всё же лучше, чем методологический бриколаж.

1. Истина и метод: Основы философской герменевтики. М.: Прогресс, 1988.
2. Гадамер Г.-Г. Язык и понимание // Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991. С. 43–59.
3. Коменский Ян. Великая дидактика. М.: Elibron Classics, 2000.
4. Левинас Э. Тотальность и бесконечное: эссе о внешности // Вопросы философии. 1999. № 2. С. 48–61.
5. Реале Дж., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. СПб.: Петрополис, 1996. Т. 3.
6. Ушакин С. Верните мяч в игру. URL: <http://www.nlobooks.ru/node/1743>
7. Шилков Ю. М. Интерсубъективная идея как принцип историко-научной реконструкции. URL: <http://pandia.ru/text/78/030/37373.php>
8. Эккерман И. Разговоры с Гёте в последние годы его жизни. М.: Художественная литература, 1981.

ФИЛОЛОГИЯ

И. А. Галуцких

Образные аспекты художественной телесности в семиозисе власти в поэтике постмодернизма: опыт концептуального анализа (на материале английской художественной прозы)

УДК 811.111'373

Статья посвящена изучению художественной образной интерпретации социокультурных аспектов семиозиса власти на фоне семиозиса телесности, воспринимаемой как плоскость разворачивания социальных кодов. Исследование выполнено методом семантико-когнитивного анализа, предполагающего методiku реконструкции концептуальных метафор в художественном тексте. Целью изучения было выявление признаков телесности в контексте дискурса власти, акцентированных в образном пространстве художественного текста на материале романа Дж. Фаулза «Коллекционер». Полученные результаты продемонстрировали, что в художественной образности процессы семиозиса власти получают репрезентацию посредством деструктивных модификаций и разрушения женского тела под влиянием действия мужского, где гендерные взаимоотношения символизируют взаимоотношения и деструктивное влияние властных режимов на человеческое существо.

Ключевые слова: телесность, социальное тело, образность, художественный текст, концептуальная метафора, семиозис, семиотическая система, код.

I. A. Galutskikh. Imagery aspects of literary corporeality in the semiosis of power in postmodernist poetics: a conceptual study

The article focuses on the research of literary imagery interpretation of socio-cultural aspects of semiosis of power on the background of human body semiosis, which is regarded as a sphere of social codes activation. The study is completed by application of the method of cognitive analysis that implies the reconstruction of conceptual metaphors in the literary text. The research is aimed at delineating characteristics of human body in the context of power discourse on the material of the texts of J.Fowles's novel «The Collector». The results obtained demonstrated that power semiosis is represented in the imagery space of literary text by means of destructive modifications of the female body ending up in its death caused by male being, that embodies the essence of social and governmental regimes' destructive force on a human being.

Keywords: *corporeality, social body, imagery, literary text, conceptual metaphor, semiosis, semiotic system, code*

Феномен телесности как объект изучения привлекал внимание значительного количества исследователей, работающих в разных сферах науки [2; 3; 9; 10; 12–14]. Изучение человеческого тела не исчерпывается проблематикой его устройства и функционирования, но и включает ряд вопросов, исследуемых в рамках гуманитарных направлений, среди которых вопросы взаимодействия с себе подобными, осмысления бытия человека как *homo corporalis*, его места в социуме и т.п.

В современной научной мысли *телесность* понимают как интегративный признак экзистенциального опыта человека, объединяющий комплекс природных, индивидуальных и культурных черт тела человека, как поле взаимодействия внутренних и внешних жизненных пространств человеческого существа [11, с. 113].

Включение «человека телесного» в социокультурное пространство имеет существенные последствия для его тела, что связано с преобразованием биологического феномена в социокультурное явление, которое приобретает в дополнение к своим природно-заданным атрибутам признаки и характеристики, порожденные социальным и культурным влиянием.

Поскольку, согласно мнению, сформированному в XX веке, телесность выступает плоскостью действия «социальных кодов» [18], практически все подсистемы социума оказываются сопричастными в становлении социокультурного тела: наука и технологии, экономика и политика, образование и сфера рекреации, искусство и религия. Значительная степень зависимости «человека телесного» от социокультурной среды находит отражение в терминологии современной социоантропологии, среди которых «медикализованное тело», «технологизированное тело», «исчезающее природное тело», «тело потребительской культуры», «паникующее под натиском цивилизации тело», «социально-дисциплинированное тело», «политизированное тело» и т.п. [1].

Одно из сильнейших влияний на тело оказывают властные режимы, в то время как само тело выступает инструментом дискурса власти и его объектом.

Проблематика взаимоотношения тела и власти и собственно «тела под властью» была предметом интереса множества философов и социологов [1; 8; 16].

Этот вопрос непосредственно связан с понятием «государство», с появлением которого коррелирует развитие всякого человеческого общества, а государственные органы власти, по формуле М. Вебера, «претендуют на монополию легитимного физического насилия» [1, с. 24–25], что подчеркивает одну из главных характеристик власти, состоящую в праве распоряжаться телами.

По словам М. Фуко, власть нацелена на то, чтобы «разрушить и сложить тело заново» [16, с. 371], ее не удовлетворяет самостоятельное тело, полученное в наследство от природы, ей необходимо тело полностью отвечающее механизмам власти, а следовательно, власть изобретает все «новые политические технологии тела» [1, с. 29], направленные то, чтобы трансформировать, приспособлять и «обуздать» его. В определенном смысле процесс социализации – это процесс перманентного насилия и принуждения. Отсюда и возникает в философском дискурсе идея о дисциплинированном теле [1, с. 30].

Такое существование на меже природного и социокультурного влечет за собой модификации тела и изменения в восприятии и по-

нимании тела и телесности, что находит отражение и в их «охудожженном» виде, поскольку присущая обществу специфика видения тела так или иначе находит отображение в искусстве, одним из видов которого выступает художественная литература.

В структуре художественного произведения тело подвергается процессу «охудожествления», становясь предметом эстетического видения автора и получая определенную образную интерпретацию. Специфика мировосприятия, присущая определенному историческому периоду, находит отображение в своеобразии художественных образов. Именно поэтому охудожествленное тело, которое приобретает в художественном произведении статус лингвопоэтической категории, кодируемой посредством художественного текста («художественная телесность»), выступает интересным объектом анализа как фон изучения концепта ТЕЛО ЧЕЛОВЕКА / HUMAN BODY в его разнообразнейших аспектах, среди которых *сенсорно-чувственное тело* [5; 6], *эротизированное тело* [3; 4; 17], *социализированное тело* [7].

В этой статье основное внимание уделено изучению специфики языковой (текстовой) репрезентации одного из аспектов социализированного тела на примере *тела под властью* в английской художественной прозе постмодернизма, лингвальные аспекты которого не были предметом специального анализа, что повышает *актуальность* исследования.

Проблема дисциплинированного тела и тела под властью как видов социализированного тела появляется как одна из тем художественной литературы постмодернизма не случайно, а под влиянием ряда событий эпохи, отмеченной развитием тоталитарных режимов, ужасами Второй мировой войны и т.п.

Объектом исследования выступили способы концептуализации ТЕЛА ЧЕЛОВЕКА ПОД ВЛАСТЬЮ / HUMAN BODY UNDER THE POWER в образно-нарративном пространстве художественной прозы английских постмодернистов.

Предметом исследования стали фрагменты художественного текста, в которых эксплицитно или имплицитно раскрывается образ ТЕЛА ПОД ВЛАСТЬЮ и приоритетные направления его переосмысления.

Материалом исследования выступил текст художественного произведения английского представителя постмодернизма в литературе Джона Фаулза «The Collector» [22], в сюжетной линии которого один персонаж воплощает тиранию современного общества со всеми его недостатками, а другой – хрупкую, нежную и самобытную личность под его гнетом и каждый из них находит свою соответствующую интерпретацию в образно-нарративной системе художественного текста.

Цель исследования состоит в выявлении специфики образной интерпретации ТЕЛА ПОД ВЛАСТЬЮ и особенностей дискурса власти через дискурс телесности в постмодернистской поэтике. Выбор произведения обусловлен достаточно специфическим для периода постмодернизма способом рассмотрения телесности в романе – как плоскости разворачивания социальных кодов, в частности, *тело как объект власти* находит в нем яркую образную репрезентацию.

В исследовании применен метод семантико-когнитивного анализа, что предполагает реконструкцию концептуальных метафор в тексте. Методологической базой исследования выступила теория концептуальных метафор Дж. Лакоффа и М. Джонсона [20], а также предложенный З. Кёвечешем подход к разграничению основных когнитивных механизмов поэтического переосмысления базовых концептуальных метафор [19, с. 47–53].

Как продемонстрировал проведенный анализ, в романе приводится ряд характеристик *тела под властью*. В нем находят художественное отображение телесные формы власти, где техникой принуждения выступает связывание тела, удержание в неволе, ограничение действий, местонахождения, перемещений, которые испытывает на себе молодая и красивая девушка Миранда, безвинно оказавшаяся в плену, в то время как ничем не примечательный парень по имени Фердинанд, который коллекционирует бабочек, выступает в роли деспота, который самочинно заточает ее в подвале своего дома, нарушая главное правило гуманизма через лишение свободы и права на волеизъявление.

Такой произвол – насильственное удержание человека в ограниченном пространстве – выглядит как «присвоение» тела, а стрем-

ление распоряжаться им по своему желанию – как злоупотребление властью. Ситуация, в которой живет Миранда в течение не очень продолжительного, но очень тяжкого периода, имеет все признаки тюремного заключения как вида наказания: изоляция от общества, регламентация режима сна, еды и занятий, модуляция «наказания» и возможность в случае «исправления» получения «поблажек» со стороны «тюремщика».

В романе находит реализацию нарративный паттерн «разрушение» (как психологическое, так и физическое), поскольку в конце концов девушка умирает, не вынеся лишения воли, да и пока остается живой, ее «тюремщик» будто «ломает» ее своей властью над ней. Воплощая в себе любого представителя общества, незащищенного и слабого перед лицом государственного режима, тело плененной девушки получает ряд модусов образной концептуализации сквозь призму нежных и хрупких, без труда уничтожаемых явлений.

Невинность заточенной девушки и деспотизм, суть которых раскрыта в нарративной структуре произведения, составляют основу образной репрезентации *тела под властью*, интерпретация которого в художественном тексте выступила как реакция на события, связанные с развитием в мире ужасных дисциплинарных режимов, а мечта о неограниченной власти и дисциплинованном теле, полностью подчиненном интересам государства, достигла своего апогея в политике Третьего Рейха.

Корреляцию принципов поведения Фердинанда с основами тоталитарных режимов автор проводит эксплицитно в ссылке на книгу «Тайны гестапо», советами которой пользуется молодой человек, разрабатывая механизмы запугивания и порабощения жертвы, одним из которых была изоляция от окружающего мира:

«I never let her see papers... have a radio or television. ... I was reading a book called Secrets of the Gestapo—all about the tortures and so on they had to do in the war [...] a prisoner was the not knowing what was going on outside the prison. I mean they didn't let the prisoners know anything, [...] they were cut off from their old world. And that broke them down» [22, с. 41].

И такие методы действительно оказывались действенными с Мирандой, поскольку, пребывая в изоляции и информативном вакууме, она даже перестает верить в реальность существования окружающего мира за пределами ее «темницы»:

«The isolation he keeps me in. No newspapers. No radio. No TV. I miss the news terribly. I never did. But now I feel the world has ceased to exist» [22, с. 146].

Заключенная девушка будто ощущала реальность власти: *«Power. It's become so real»* [22, с. 123], а себя, окруженную тишиной, – будто похороненной заживо, ощущение чего выступает телесным:

«...how absolute the silence down here is. No noise unless I make it. So I feel near death. Buried. No outside noises to help me be living at all» [22, с. 174].

Автор акцентирует это и через ее восприятие воздуха, которым она дышала в подвале, суть которого он телесно выражает в метафоре «мертвый воздух» («*dead air*» [22, с. 134].

Такое «присвоение» тела Миранды символизирует и современную автору власть Англии и английское общество, которое в художественной интерпретации Дж. Фаулза «душит», ломает все живое, свежее и оригинальное и задавливает насмерть, подобно паровому катку: *«The feeling that England stifles and smothers and crushes like a steamroller over everything fresh and green and original»* [22, с. 172]. Таким образом изображается насилие ординарности, серости, мещанства, – того, что в словах Миранды находит описание как «калибанская Англия» с ее старомодностью и завистливой злобой, – над свежим, творческим, интеллигентным: *«But Caliban's England is fouler. It makes me sick, the blindness, deadness, out-of-dateness, stodginess and, yes, sheer jealous malice of the great bulk of England»* [22, с. 172].

Именно поэтому она отождествляет поведение Фердинанда с «тиранией слабых», обычных даже в своей ординарности людей:

«He's so slow, so unimaginative, so lifeless. [...] I see it's a sort of tyranny he has over me. [...] The hateful tyranny of weak people. [...] The ordinary man is the curse of civilization» [22, с. 134].

Проведенный семантико-когнитивный анализ направлений художественного переосмысления ТЕЛА ПОД ВЛАСТЬЮ продемонстрировал, что приоритетным модусом его образной концептуализации в романе Дж. Фаулза «The Collector» выступает направление, обобщенное при помощи концептуальной метафоры ТЕЛО ЧЕЛОВЕКА ПОД ВЛАСТЬЮ – ЭТО БАБОЧКА (НАСЕКОМОЕ) / HUMAN BODY UNDER THE POWER IS A BUTTERFLY (INSECT), которая в анализированном художественном тексте находит реализацию в более чем 70 % текстовых фрагментов, где *тело под власть* получает образную репрезентацию. Среди других метафорических коррелятов тела Миранды – образы *мертвого тела* (*dead body, dead at heart*), *сжимаемого снаружи тела* – пребывающего будто в коробке или в окаменевшей ракушке улитки (*being-in-a-box, like those coats of stones on the worms in rivers*), *зачеркнутого текста* (*he crossed me out*).

Рассмотрим доминантный способ переосмысления, где образ *бабочки* (*butterfly*) или *насекомого* (*insect*) используется автором в качестве метафорического коррелята тела Миранды, выкраденной и удерживаемой в плену коллекционером бабочек Фердинандом.

В то время как *тело девушки* в руках мужчины, изображенное при помощи образа *бабочки*, воплощает хрупкость, а указанное направление переосмысления имплицитно подразумевает человеческую незащищенность перед натиском государства и государственного строя – тоталитарного режима, фашистских методов управления, невежества, недалекого ума, главенство глупых и жестоких людей, неспособных разумно распорядиться властью, сами техники осуществления власти над телом отождествляются в образной системе Дж. Фаулза с коллекционированием бабочек, где последние, попадая в коллекцию, подлежат умерщвлению в специальной колбе-морилке и укладке в коробку, где остаются навек наколотыми на булавки.

Так, говоря о женщинах, главный герой романа всегда сравнивает их с видами бабочек – капустянкой (*Cabbage White*) или репейницей (*Painted Lady*): «...*he's been having a dirty week-end with a Cabbage White,*” he used to say, and, “*Who was that Painted Lady I saw you with last night?*» [22, с. 6].

Интерес коллекционера побуждает его оценивать женщин по

параметру *ценный/обычный* «экземпляр» для коллекции. Тех, кого он считает страшными, вульгарными и «потасканными», он приравнивает к никчемным, негодным и не стоящим внимания экземплярам коллекции, которые «не то что накалывать, но и смотреть на них не станешь». Сравним: «... *she was old and she was horrible, horrible ... both the filthy way she behaved and in looks. She was worn, common. Like a specimen you'd turn away from, out collecting*» [22, с. 9].

Миранда, напротив, казалась ему редкостным экземпляром, стоящим внимания, он готов был наблюдать за ней часами. Именно с процессом ловли такого экземпляра он, решив выкрасть ее, сравнивает свое долгое наблюдение и выжидание подходящего момента: «*It finally ten days later happened as it sometimes does with butterflies. I mean you go to a place where you know you may see something rare and you don't, but the next time not looking for it you see it on a flower right in front of you ...*» [22, с. 22].

Формирование образа *тела под власть*, которое переосмысливается с помощью образа *бабочки*, происходит благодаря лейтмотивному в сюжетной линии романа отождествлению фактов выжидания, ловли, умерщвления бабочки и кражи Миранды с целью ее пленения.

Так, автор описывает осторожность и тщательность, с какой Фердинанд подходит к ловле редкостного «экземпляра бабочки», как аккуратно он будет держать ее за тельце (торахс), а она будет биться крылышками, сравнивая с этим процессом невероятно более сложный процесс кражи Миранды, которую пришлось усыпить при помощи хлороформа, аналогично тому, как бабочку помещали в морилку с эфиром. Эти параллели очевидны в следующем фрагменте текста:

«*It was like not having a net and catching a specimen you wanted in your first and second fingers (I was always very clever at that), coming up slowly behind and you had it, but you had to nip the thorax, and it would be quivering there. It wasn't easy like it was with a killing-bottle. And it was twice as difficult with her, because I didn't want to kill her, that was the last thing I wanted*» [22, с. 39].

Тем не менее сначала Фердинанд планировал, в отличие от своих бабочек, не лишать жизни выкраденную девушку, а лишь

удерживать ее под своей властью, безраздельно владеть ее телом, ее присутствием, аналогично тому, как бабочек коллекционируют просто ради факта владения и разглядывания их мертвых тел.

Далее в образно-нарративной системе произведения Дж. Фаулза параллели между *телом под властью* (Миранды) и *бабочкой* (экземпляром коллекции) становятся все более частыми. Так, концептуальная метафора ТЕЛО ЧЕЛОВЕКА ПОД ВЛАСТЬЮ – ЭТО БАБОЧКА активирована в следующем фрагменте текста, в котором наблюдаем момент осознания Мирандой факта пребывания в руках коллекционера, для которого она – одна из его жертв, экземпляр коллекции:

«*I'm an entomologist. I collect butterflies*». «*Of course,*» she said. [...]. *Now you've collected me.*» [...]. «*No, not in a manner of speaking. Literally. You've pinned me in this little room and you can come and gloat over me.*» [...] «*I'd do anything you asked me*». «*Except let me fly away*» [22, с. 42].

Узнав, что он коллекционирует бабочек, Миранда понимает, что он поймал для коллекции и ее (*Now you've collected me*) и что он будет держать ее в своем доме просто ради самой идеи владения ею, что будто бы насадил и ее «на булавку» как бабочку, чтобы разглядывать время от времени (*You've pinned me in this little room and you can come and gloat over me*), и что он никогда не позволит ей уйти (букв. «улететь») оттуда (*Except let me fly away*).

Автор обращается в романе не только непосредственно к образу *бабочки* (*butterfly*). Поскольку *бабочка* принадлежит к жесткокрылым насекомым со сложным жизненным циклом с полным превращением, который включает стадии яйца, личинки (гусеницы), куколки и имаго (взрослой стадии развития насекомого), автор апеллирует и к этим стадиям как метафорическим коррелятам состояний тела Миранды и изменений, которым оно подвергается. Так, Дж. Фаулз проводит параллель между тем, как трансформируется состояние тела девушки, которой после долгого удерживания в подвале дома были позволены простейшие бытовые радости – принять душ и сделать прическу, одеть красивое платье, купленное специально для нее, воспользоваться косметикой и духами, с процессом появления *имаго* (собственно, *бабочки*) из куколки, и делает

это через призму восприятия Фердинанда: «*I had the same feeling I did when I had **watched an imago emerge**, and then to have to kill it...*» [22, с. 84].

В этом фрагменте путем аналогового механизма концептуализации Дж. Фаулз достаточно очевидно отождествляет образы Миранды и *бабочки* на стадии *имаго* (*imago*) в руках коллекционера. Она выглядела так красиво и изысканно, что у Фердинанда появилось то самое чувство от созерцания метаморфозов ее внешности и ее превращения в прекрасную женщину, которое он испытывал каждый раз, когда наблюдал процесс появления из кокона бабочки, расправляющей крылья.

Дж. Фаулз использует и далее подобные образные преобразования в теле Миранды и ее психологическом состоянии, что он осуществляет с помощью уподобления метаморфозам природным. Среди средств репрезентации телесности в образном пространстве художественного текста Дж. Фаулза находим не только аналоговые, представленные метафорой, но и конверсивные, к которым принадлежат так называемые метаморфозы. Это смежный с метафорой способ формирования образности, который обозначает изменение, модификации или движение и предполагает отношения *преобразования/трансформации* и между соположенными образами, а также содержание в структуре поэтической метаморфозы трех компонентов: субъекта, источника (причину) и объекта (результата преобразования) [21].

В анализированном художественном тексте *тело* изображается при помощи потенциально возможного преобразования *гусеницы* (*caterpillar*) в *бабочку* (*butterfly*), причем такие изменения, которые Фердинанд очень старался ускорить, должны были произойти с телом человека именно под влиянием изменений в чувственных проявлениях – появлением чувства привязанности и, возможно, даже любви, что и должно было сыграть роль стимула преобразований и чего на самом деле не происходило, как и, соответственно, образных телесных трансформаций: «*She was like some **caterpillar** that takes three months to feed up trying to do it in a few days*» [22, с. 100].

Дж. Фаулз метафорически изображает ожидания Фердинанда готовности Миранды ответить ему взаимностью как процесса вы-

лупливания *бабочки* из кокона, образованного из *гусеницы*. И Фердинанд осознавал невозможность быстрых, хотя и желанных, метаморфоз с чувствами Миранды, как и попыток форсирования событий в природе развития бабочки.

Значимость метаморфозы как средства формирования образа *тела под властью* состоит в том, что выбранные для соположения образы, между которыми могут возникать отношения преобразования/трансформации, воссоздают изменения и в самом теле человека через осознание власти и подчинения ей, что на самом деле происходит не по доброй воле, а насаждается насильственным образом.

Свидетельством ее осознания того, что она – бабочка, которую он всегда мечтал поймать, находим и в ее записи в дневнике: «*I know what I am to him. A butterfly he has always wanted to catch*» [22, с. 129].

Заключенная девушка и чувствует себя как *бабочка*, помещенная в морилку (специальный сосуд для их умерщвления), продемонстрированную Фердинандом, об стенку которой она, по ее собственным ощущениям, «бьется крыльями» (*fluttering*), а подвал его дома и был этой образной «морилкой», сравним:

«*He showed me one day what he called his killing-bottle. I'm imprisoned in it. Fluttering against the glass*» [22, с. 218].

Параллель между «присвоением» тела девушки и коллекционированием бабочек проводится и в фрагменте текста, где Миранда просит Фердинанда продемонстрировать ей коллекцию, называя бабочек своими «подругами по несчастью»: «*Aren't you going to show me my fellow-victims?*» [22, с. 54], и он благодушно их ей показывает:

«*All caught or bred by me and set and arranged by me. [...] I showed her a drawer of Chalkhill and Adonis Blues, I have a beautiful var. ceroneus Adonis and some var. tithonus Chalkhills, and I pointed them out. The var. ceroneus is better than any they got in the N.H. Museum. I was proud...*» [22, с. 54].

В дневнике Миранда опишет этот факт таким образом:

«*Then there were his butterflies, [...] beautifully arranged, with their poor little wings stretched out all at the same angle. And I felt for them, poor dead butterflies, my fellow-victims*» [22, с. 135].

Она сочувствовала прекрасным бабочкам, зафиксированным в коробке в определенном положении с крыльями под одинаковым углом (*arranged, with their poor little wings stretched out all at the same angle*), и чувствовала себя такой же жертвой этого коллекционера, одной из них (*I felt for them, poor dead butterflies, my fellow-victims*). Хотя он гордился своей коллекцией, собранной и аранжированной самостоятельно, и пытался произвести впечатление, оперируя научными терминами энтомолога, Миранда хорошо осознавала акт убийства этих существ, учитывая тех, что только могли бы еще появиться на свет:

«They're beautiful. But sad.» [...] «How many butterflies have you killed?» [...] I'm thinking of all the butterflies that would have come from these if you'd let them live. I'm thinking of all the living beauty you've ended.» [22, с. 54].

Не нравится ей и то, что он, как скряга, держит коллекцию в ящиках, не делаясь этой красотой ни с кем:

«You don't even share it. Who sees these? You're like a miser, you hoard up all the beauty in these drawers.» [22, с. 55].

Миранда выражает свое негативное отношение к этому словами ненависти к коллекционерам, складывающим вещи, дающим им имена, классифицирующим их и забывающих об их существовании: *«I hate people who collect things, and classify things and give them names and then forget all about them.»* [22, с. 55], да и само коллекционерство ассоциируется у нее с «анти-жизнью»: *«... collectors were the worst animals of all [...] They're anti-life, anti-art, anti-everything»* [22, с. 129].

Более того, такое «присвоение» и «скрытие» от чужих глаз, а собственно, безраздельное властвование, чему в случае с бабочками предшествует умерщвление, Миранда считает отклонением, пerversией: *«You're so stupid. Perverse. ... massacring butterflies, like a stupid schoolboy»* [22, с. 79].

На самом же деле тут наблюдаем образное осуждения безграничной власти и «присвоения» тела человека, лишённого воли и даже права на элементарные и фундаментальные проявления жизнедеятельности.

Это подтверждается рассуждениями Миранды, которые она доверяет своему дневнику, в которых осознает истинную причину ее удерживания в подвале дома Фердинанда, где она снова апеллирует к сравнению себя с бабочкой: «*I am one in a row of specimens. It's when I try to flutter out of line that he hates me. I'm meant to be dead, pinned, always the same, always beautiful. He knows that part of my beauty is being alive, but it's the dead me he wants. He wants me living-but-dead*» [22, с. 217].

Образная концептуализация *тела под власть* сквозь призму образа бабочки, в котором она – экземпляр его коллекции (*one in a row of specimens*), раскрывает степень ограничений, наложенных на нее «тюремщиком» – ей не позволено даже «трепетать крылышками» (*It's when I try to flutter out of line that he hates me*), то есть выказывать минимальные проявления жизни существом, пытающимся вырваться на свободу, и тем самым быть абсолютно не похожей на ту, какой он желал бы ее видеть. Она осознает, что он хотел бы иметь ее всегда красивой и неизменной, но словно мертвой, словно «наколотой на булавку» (*I'm meant to be dead, pinned, always the same, always beautiful*). По-настоящему живой она ему не нужна, и жизнь ей оставлена постольку, поскольку ее красота, так радующая его глаз, продлевается лишь пока она остается живой (*he knows that part of my beauty is being alive, but it's the dead me he wants*), но в то же время ей приходится быть будто лишенной жизни, без единого признака живого существа (*he wants me living-but-dead*).

Здесь наблюдаем своеобразное отношение к человеческому телу, осознание ценности телесности как статического феномена, одновременно подведенной до высшего уровня (поскольку именно тело само по себе и имеет, казалось бы, наибольшую значимость для коллекционера, это и есть объект владения) и сниженной до самой нижней, поскольку тело поддается деструкции «коллекционером». На самом деле ценность имеет тело, лишенное онтолого-антропологических показателей – проявлений эмоций, мыслей, поведения (*That my being alive and changing and having a separate mind and having moods and all that was becoming a nuisance*).

Это становится очевидным для Миранды:

«*The sheer joy of having me under his power, of being able to*

spend all and every day staring at me. He doesn't care what I say or how I feel – my feelings are meaningless to him – it's the fact that he's got me. [...]. It's me he wants, my look, my outside; not my emotions or my mind or my soul or even my body. Not anything human. He's a collector» [22, с. 171].

В этом фрагменте текста акцентируется ее осознание сути власти, которую так желает иметь над ее телом ее похититель, который ничего особенного от нее не ожидает, ему достаточно просто иметь ее при себе, наблюдать ее присутствие каждый день (*The sheer joy of having me under his power, of being able to spend all and every day staring at me*). Ему безразличны ее чувства, мысли (*he doesn't care what I say or how I feel – my feelings are meaningless to him*), его интересуется лишь ее внешняя оболочка, ее телесное присутствие, материальность ее тела, а не ее эмоции или душа и даже не ее тело женщины как объект сексуального желания мужчины (*it's me he wants, my look, my outside; not my emotions or my mind or my soul or even my body*), ничего одухотворенного и человеческого (*Not anything human*). Он просто владеет ее телом, физической оболочкой, поймав ее, как бабочку. Она поясняет это так: *«Only the things that I have to give anyway. The way I look and speak and move. But I'm other things. I have other things to give»*, подчеркивая свою заинтересованность только в том, что она отдает, даже не желая того – то, как она выглядит, двигается, говорит, все иное для него не представляет приоритета. И вообще Фердинанд намного слабее ее, его единственное преимущество – то, что он держит ее в подвале, только в этом его власть: *«He is absolutely inferior to me in all ways. His one superiority is his ability to keep me here. That's the only power he has»* [22, с. 98].

Это наблюдаем и во фрагменте текста, в котором Фердинанд подтверждает, что для него важно было просто иметь ее при себе и было безразлично, что они – люди разных взглядов на жизнь, исполненные разных желаний, стремлений и ценностных установок, сравним: *«What she never understood was that with me it was having. Having her was enough. Nothing needed doing. I just wanted to have her...»* [22, с. 101].

Интересно также то, каким предстает Фердинанд в романе. Помимо образа коллекционера бабочек, его характеризуют и иные, рассеянные по тексту романа образы-метафоры.

Среди метафорических коррелятов Фердинанда, выступающего деспотом, находим прецедентные образы персонажей известных произведений, то есть наблюдаем явление интертекстуальности. Это такие образы, как *Калибан* (*Caliban. They should have called you Caliban*) – герой «Бури» У. Шекспира, который является доминантным (в 50 % его метафорических переосмыслений), что подчеркивает его животную жестокую натуру. Это *Старик Водяной* (*The Old Man of the Sea*) – герой цикла арабских сказок о Синдбаде-мореходе, от которого не избавиться и не стряхнуть со спины (*he's going to be the Old Man of the Sea until I shake him off somehow*), и даже *Волшебный Принц* (*Prince Charming*) из европейских сказок, надежно скрытый от глаз в его теле, который вообще не проявляет себя и которого можно освободить, убив прежнего (*Perhaps I really should kiss him. More than kiss him. Love him. Make Prince Charming step out*). Помимо этого он получает образное представление, уподобляясь *слепому за рулем машины*, который не понимает, куда его несет (*It's like putting a blind man in a fast car and telling him to drive where and how he likes*), *китайской шкатулки*, которую невозможно открыть (*I told him he was a Chinese box. And he is*), *ватному морю*, пребывание в котором сковывает движения и истощает (*You exhaust me. You're like a sea of cotton wool*), *шарику ртути*, который никак не поймать (*...you're like mercury. You won't be picked up*), несчастной *старой деве*, полагающей, что супружество – это непотребство, и что все на свете – непотребство, кроме чашки слабого чая в душной комнате, забитой старой, пыльной мебелью, лишаящей таким образом жизни саму жизнь и губящей все прекрасное (*You're like a little old maid who thinks marriage is dirty and everything except cups of weak tea in a stuffy old room is dirty. Why do you take all the life out of life? Why do you kill all the beauty?*), *осьминогу*, опутывающему ее щупальцами (*putting the tentacles of his being hurt around me*), *рыбе с ничего не выражающим взглядом* (*Fish-eyes. They watch. That's all. No expression*), *нелюдю*, пустому месту в телесной оболочке (*He's not human; he's an empty space disguised as a human*), *червью*

(*You're not a human being. You're just a dirty little masturbating worm*), заключенному в подвале, на самом деле заключенному в своей недосточной сущности (*You're the one imprisoned in a cellar*).

Он предстает в глазах Миранды воплощенным уродством, поскольку душевное уродство страшнее всего (*He is ugliness. But you can't smash human ugliness*), и даже выглядит бесполом (*Absolutely sexless (he looks)*), что имплицитно указывает на ее неспособность воспринимать его как мужчину.

Он ординарен и ничем не примечателен. Ничего не выражающая внешность имплицитно указывает на его недалекий ум, мелочность, низость, подлость, что ей так претит: *«It's true. He is the Old Man of the Sea. I can't stand stupid people like Caliban, with their great deadweight of pettiness and selfishness and meanness of every kind»* [22, с. 120], его закомплексованность, как социальную, так и сексуальную, его бесполезность и пустоту: *«I felt sorry for Caliban this evening. He will suffer when I am gone. There will be nothing left. He'll be alone with all his sex neurosis and his class neurosis and his uselessness and his emptiness»* [22, с. 102]. Он олицетворяет новую власть: *«I feel it myself more and more, this awful deadweight of the fat little New People on everything. Corrupting everything. Vulgarizing everything. Raping the countryside, as D says in his squire moods. Everything mass-produced. Mass-everything»* [22, с. 115]. А противостояние ее и Фердинанда Миранда воспринимает как борьбу немногих с влиянием новой власти, где она – осажденный город, и бьется она своим оружием, а не эгоизмом, жестокостью и ненавистью: *«But it's a battle. It's like being in a city and being besieged. They're all around. And we've got to hold out. It's a battle between Caliban and myself. He is the New People and I am the Few. I must fight with my weapons. Not his. Not selfishness and brutality and shame and resentment»* [22, с. 102].

Вместе с тем она вынуждена признать, что телесные ограничения и лишение возможности освобождения приводят и к изменениям психологическим – сломленности, неспособности противостоять власти, когда тело берет верх над разумом (*Bodies beat minds, she said*).

Это раскрывает разрушительную суть власти, которую облича-

ет в своем романе на примере взаимоотношения мужчины и женщины Дж. Фаулз.

Подводя итоги, ответим, что образ *тела под властью* формируется в романе Дж. Фаулза “The Collector” преимущественно с помощью активации концептуальной метафоры: ТЕЛО ПОД ВЛАСТЬЮ – ЭТО БАБОЧКА / HUMAN BODY UNDER THE POWER IS A BUTTERFLY, актуализирующей семантику незащищенного, испуганного, лишенного воли тела, с одной стороны, а с другой – тела как ценности, объекта владения, что в действительности имплицитно парадоксально обесценивает тело для тех, кто имеет власть, и утрату им антропологических качеств, поскольку ничто человеческое, кроме самого тела, не интересует владельцев, и осознание ценности для владельца тела связано со страхом смерти и нежеланием покинуть этот мир. Это определяет специфику художественной репрезентации телесности в романе, которая служит как осуждение слепой, разрушительной и неконтролируемой власти, нацеленной на бессмысленное владение. Власть над телом, принимающая извращенные, патологические формы, образно репрезентирует такие режимы власти, как диктатура, тоталитаризм, которые и вынудили человека чувствовать себя «насекомым», незащищенным и слабым, что наблюдаем в текстовом фрагменте:

«I think we are just insects, we live a bit and then die and that's the lot. There's no mercy in things. There's not even a Great Beyond. There's nothing» [22, с. 299].

Такая образная репрезентация телесности имплицитно бесследно, беспокойство и незащищенность человека перед властью социума и социальных институтов и открывает суть психологического состояния человека, которой присущи тотальная потеря веры и страх смерти.

Специфика в способе художественного изображения тела человека наблюдается и в интерпретации мужчины и женщины как представителей общества, что находит отражение в гендерном аспекте – изображении мужчины как агрессора, властного режима, а женщины – как «жертвы» воздействия.

Образно-нарративная репрезентация ТЕЛА ЖЕНЩИНЫ имеет место на фоне реализации нарративного паттерна «*деформация*»

или «*потенциальная деформация*», происходящая с телом, посредством образной концептуализации последнего через образ насекомого (бабочки).

Направления образной концептуализации мужского и женского тел в анализируемом романе демонстрируют, что деформированный, разрушенный характер, как правило, носит тело женщины, в то время как характер образной концептуализации тела мужчины акцентирует его деструктивную силу. Это демонстрирует спектр признаков проявлений мужчины, которые символизируют или воплощают государственный строй тоталитарного образца, который отождествляется с маскулинностью. В то же время тело женщины, напротив, испытывает результаты деструктивного, ограничивающего влияния мужчины, о чем свидетельствуют метафорические корреляты тела женщины в образном пространстве художественного произведения, акцентирующие ее потенциальную вынужденность испытывать страдания, деформации и разрушение как хрупкое и нежное существо, страдающее от губительного влияния социума и властных режимов, олицетворенных мужским началом.

1. Бурлачук В. Власть и тело: история любви // Социология: теория, методы, маркетинг. 2006. № 2. С. 24–37.

2. Быховская И. М. «Homo somatikos»: аксиология человеческого тела. М.: Эдиториал УРСС, 2000.

3. Дискурсы телесности и эротизма в литературе и культуре. Эпоха модернизма. Антология. М.: Ладомир, 2008.

4. Галуцьких І. А. Специфіка еротики тіла та еротизації в художній прозі В. Вулф та Д. Г. Лоуренса: семантико-когнітивний аналіз // Проблеми зіставної семантики. Вип. 11. К.: КНЛУ, 2013. С. 309-316.

5. Галуцьких І. А. Сенсорика смаку в контексті художньої тілесності (досвід концептуального аналізу) // Вісник Київського національного лінгвістичного університету. Сер. Філологія. 2012. Том 15, № 1. С.27-36.

6. Галуцких И. А. Телесный код ЛЮБВИ в образном пространстве художественной прозы английского постмодернизма: семантико-когнитивный анализ (на материале текста романа Дж. Уинтерсон

«Written on the Body») // *Lingua Mobilis*. Челябинск, 2013. № 4 (43). С. 39–57.

7. Галуцьких І. А. Соціалізоване тіло людини у художньому тексті епохи англійського модернізму: концептуальний аналіз (на матеріалі художньої прози В. Вулф) // *Нова Філологія: Зб. наук.праць*. Вип. 58. Запоріжжя: ЗНУ, 2013. С.37-42.

8. Гапова Е. Полный Фуко: тело как поле власти // *Неприкосновенный запас*. № 76(2). 2011. С. 94–106.

9. Гомілко О. Є. Феномен тілесності : автореф. дис. ... д. філос. наук: 09.00.04. Київ, 2007.

10. Медведева Н. С. Проблема соотношения телесности и социальности в человеке и обществе : дис... канд. филос. наук: 09.00.03. Луганск, 2005.

11. Некрасова Н. А., Некрасов С. И., Садикова О. Г. Тематический философский словарь. М., 2008.

12. Никитин В.Н. Психология телесного сознания. М.: Алетея, 1999.

13. Подорога В. А. Феноменология тела. М.: Ad Marginem, 1995.

14. Полтаробатько Е. Д. Категория телесности в акмеистическом дискурсе : дис... канд. филол. наук. М., 2009.

15. Сокулер З. А. Концепция «дисциплинарной власти» М. Фуко // *Знание и власть: наука в обществе модерна*. СПб.: РХГИ, 2001. С. 58–82.

16. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / пер. с фр. В. Наумова ; под ред. И. Борисовой. М.: Ad Marginem, 1999.

17. Штохман Л.М. Антропология нарації: стаття, гендер і сексуальність в романі Дженет Вінтерсон, „Тайнопис плоті” // *Studia methodologica*. № 25. Тернопіль: ТНПУ, 2008. С.284–287.

18. Deleuze G., Guattari F. *Capitalisme et schizophrénie. L'Anti-Œdipe*. Les Editions De Minuit, 1972.

19. Kövecses Z. *Metaphor: A Practical Introduction*. Oxford: OUP, 2002.

20. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live by*. Chicago: University of Chicago Press, 1980.

21. Mikkonen K. Theories of metamorphosis: from metatrophe to textual revision / Kai Mikkonen // *Style*. #6/22. 1996. URL: <http://www.highbeam.com/doc/1G1-19175945.html>.

22. Fowles J. *The Collector*. London: Back Bay Books, 1997.

Н. И. Гуляева

Приветствия в форме вопроса в коми языке

УДК 811.511.132'367.322

В статье проанализированы вопросительные предложения, употребляемые в качестве приветствия в коми языке, выявлена и описана их специфика. Установлено, что особенностью вопросительных предложений данного вида является семантическая опустошенность и отсутствие дополнительных субъективно-модальных эмоционально-оценочных значений. Их основной функцией является инициирование ответной реакции адресата для вовлечения его в контакт с целью последующего общения.

Ключевые слова: коми язык, вопросительные предложения, семантика приветствия.

Natalja I. Gulyaeva. Greetings in the form of a question in the Komi language

The article analyzes the interrogative sentences that are used as a greeting in the Komi language, identified and described their specificity. The features of interrogative sentences of this kind are the semantic emptiness and the absence of the additional subjective-modal emotional estimates. Their main function is to initiate the response of the addressee to engage it in contact with a subsequent communication.

Keywords: Komi language, interrogative sentences, semantics of greeting.

Вопросительные предложения в коми языке часто употребляются либо вместе с приветствием, либо в качестве приветствия. К данной группе предложений относятся такие структуры, как «*Кыдзи оланныд?*», «*Кыдз делöясыд?*», «*Мый выльыс?*» и так далее. Подобные предложения можно встретить в других языках, например в русском языке: «*Как дела?*», «*Как живете?*», в английском – «*How*

are you?», в немецком – «*Wie geht es?»*», финском – «*Mitä kuuluu?»*», в удмуртском – «*Кыче-мар улӱськоды?»*», венгерском – «*Hogy van?»*», «*Hogy vagy?»*», мордовском – «*Кода тинь эрятада-ащетада?»*» (в мокшанском), «*Кода эрят-аштят?»*» (в эрзянском), марийском – «*Кыце ылыкалет?»*» (в горномарийском), «*Кузе иледа?»*» (в лугово-восточном марийском), в коми-пермяцком – «*Кыдз ни олат?»*». В качестве ответа обычно используют: в русском языке – «*Нормально*», «*Хорошо*», в английском – «*Very good*», «*Not so bad*», в немецком – «*Es geht mir gut*», в финском – «*Huvä*», в венгерском – «*Jól vagyök, köszönöm*» и т.д.

Как видно из примеров, нигде не требуется подробного ответа на поставленный вопрос, так как основной функцией конструкций данного вида является побуждение адресата к контакту, а не запрос информации.

Согласно Э. М. Медниковой, такие вопросительные предложения не несут никакой познавательной информации и нередко превращаются в формулы, клише, «представляют своего рода «сигнализирующие» высказывания, смысл которых заключается не в том, что говорится, а в том, что что-то вообще сказано<...> Целевая установка таких произведений речи полностью исчерпывается желанием или необходимостью продолжить, поддержать состояние контакта» [6, с. 57].

По мнению М.-Л. А. Руткаускайте-Драздаускене, обмен подобного рода фразами никогда не воспринимается как собственно информация, так как смысл, заключенный в таких высказываниях, настолько общий, что, по существу, никаких сведений они не содержат [11, 1].

Р. Ратмайр подчеркивает, что для формул приветствия достаточно высока степень обязательной реактивной реплики [10, с. 18].

Исследователь чувашского языка А. В. Кузнецов пишет, что классическая форма приветствия в тюркских, монгольских и других восточных традициях является диалогом, состоящим из ряда вопросов-ответов. Но с течением времени для быстрой реализации цели установления контакта многие вопросы, не относящиеся к адресату, начали пропускаться. В итоге сегодня большая часть диалогов-приветствий имеет фрагментарные формы, содержащие лишь во-

просы, относящиеся к адресату и членам его семьи или же только к адресату [4, с. 19]. Здесь же он указывает, что в тюркских языках преобладают вербальные средства этикетного общения тематической группы «Формулы приветствия» в форме вопросительного предложения, в то время как в индоевропейских языках употребляется в основном форма повелительного предложения, а в финно-угорских языках соотношение вопросительных и директивных формул речевого этикета одинаковое. К тому же обряд приветствия в тюркских и монгольских культурах представляет собой беседу из ряда вопросов-ответов [4, с. 37].

Непременным условием употребления вопросительных предложений в качестве приветствия в коми языке является равноправие адресанта и адресата по социальному положению.

Обычно семантика приветствия в таких предложениях возникает в результате ослабления основных значений: посредством вопросительного предложения коммуникант выражает свое намерение, а адресат заявляет о своей готовности к общению репликой-реакцией с минимальным содержанием информации, например:

– *Чолём, Марья, – шыасис кодкё. Вёлём Микол Анна. – Дыр нин эг волы, мися, видла коть. Кыдзи олан-вылан? – Ола тай кыдзкё... Лун да вой кольё* [2, с. 53]. «Здравствуй, Марья, – сказал кто-то. Оказалась Микол Анна. – Долго уже не приходила, дай, думаю, навещу. Как поживаешь? – Живу как-то. День и ночь проходят».

– *Но, кыдзи, Толя, олёмыс мунё? – Мунё тай* [8, с. 57]. «Ну, Толя, как жизнь идет? – Идет вот».

– *Но, кутшёма нин овсьё? Эз на гажтём босьт ёткёнавнытё?*

– *Кор кыдзи. Луныс уджалігад сідз кольё-а* [14, с. 22]. «Ну, как живется? Тоска не берет от одиночества? – Когда как. Когда работаешь, день как-то проходит».

– *Кутшёма олан, Павел?*

– *Лун-войыс тай, майбыр, прёйдитё-а...*[5, с. 91]. «Как живешь, Павел? – День-ночь, слава Богу, проходят...».

На минимизацию значений основной функции вопросительных конструкций в предложениях данного вида указывает отсутствие в отдельных случаях ответа на обращение, например:

– Данилович! Мый вöчан? – Ваньö Дядь нöшта коялис чужöмсö Печора ванас, петис пыжысь да дөрöм соснас чужöмсö, кымöссö косöдиг лашкис кыр йылö. – Иван Данилович! – шыасис Андриян художник – Гадайтём, гадайтём Юрийкөд – некыдз ог кужö шуны: мый тиян вочсьö? Петём ыркөдчыны – гөгөр руалö. Видзöдам: но! Тэнад сосед йöрын мотор жургö, со но водзын – Öкульяс сайын – бара мотор уджалö. Висьтав төлкөн: мый тайö лоö?..– Телевизор видзöдöны, – гажтöма вочавидзис Ваньö дадь [12, с. 200]. «Данилович! Что делаешь? – дядя Ваня еще оплескал лицо водой из Печоры, вышел из лодки и, вытирая лицо, лоб рукавом рубашки, поднялся на берег. – Иван Данилович! – заговорил художник Андриян. – Гадали, гадали с Юрием – никак не можем понять, что у вас делается? Вышли проветриться – везде туман. Смотрим: В твоём соседнем огороде мотор работает, вот впереди– за Окулем – тоже мотор работает. Объясни толком: что это такое?– Телевизор смотрят, – грустно ответил дядя Ваня».

Семантическую опустошенность вопросительных предложений с семантикой приветствия подтверждают и следующие примеры:

Аньлысь мөвпьяссö торкис Алиналөн гөлöсыс:

– Мамöй, менам кынöмöй сьумалö.

– Дитюк, садьмин? Но лок сёйышт [3, с. 45]. «Мысли женщины перебил голос Алины: – Мама, я есть хочу. – Деточка, проснулась? Ну, иди, поешь».

Посводзянь сы вылö видзöдис Галина Петровна. Быттö инмöма сьлөн неважёнся сёрни визьыс, кевмöма лои, да со кылöма.

– Галя! Бөр локтін? – эз сяммы дзэбны нимкодълунсö Вась Микулай [9, с. 53]. «Из сеней на него смотрела Галина Петровна. Исполнилось его желание, попросил, и вот услышала. – Галя! Вернулась? – не смог скрыть радость Вась Микулай».

Как видно из примеров, в предложениях данного вида констатируется информация, получаемая коммуникантом из ситуации, а именно вопросы задаются при полной очевидности ответа.

В определенных ситуациях вопросительное предложение с семантикой приветствия оказывается способным выполнять первичную функцию вопросительных конструкций, при этом происходит слияние вопросительного и контактного значений. Проявление соб-

ственно вопросительной семантики в предложениях данного под-
типа происходит тогда, когда установление контакта является для
коммуниканта условием получения необходимых ему сведений,
обычно связанных с его желанием узнать о состоянии дел адресата,
о его здоровье, жизни и т.д., например:

*Асывсяньыс Марья баб град йӧрас бергаліс, ёг весаліс, сэсса
парникын ноксышитіс да ваяліс ва, мед шонді водзас дэбалыштас.
Тадзи кӧ пӧжны кутас, рытнас мед киськӧдчыштны.*

– *Мый нин вӧчан?* – *миртуй вывсянь чукӧстіс Микол Анна, Ма-
рья баблӧн суседкаыс.*

– *Капуста му весышти да мый да... Зэв тай омӧлик таво ка-
пустаыс, ог и тӧд, мыйкӧ воыштас оз* [2, с. 49]. «С утра бабушка
Марья возилась в огороде, убирала сорняки, потом повозилась в те-
плице и натаскала воды, чтобы нагрелась на солнце. Если будет та-
кая жара, чтобы вечером полить немного. – Что делаешь-то? – с
центральной улицы окликнула Микол Анна, соседка бабушки Ма-
рьи. – Прополола капустную грядку и еще кое-что... Очень плохая в
этом году капуста, не знаю, будет ли урожай».

– *Велӧдчан, Гриша?* – *юалі ме сӧрни панӧм могысь.*

– *Да. Десятӧйӧ таво муна* [13, с. 107]. «Учишься, Гриша? –
спросил я, чтобы начать разговор. – Да. В десятый в этом году
пойду».

– *Надя, менӧ помнитан?* – *юаліс зон, медым кыдзкӧ панны
сӧрнисӧ.*

– *А-а,– вомсӧ восьтыштіліс ныв, здук мысти содтіс.* – *Кыдзи
не помнитны ас сиктсаясӧс* [7, с. 110]. «Надя, ты меня помнишь? –
спросил парень, чтобы как-то начать разговор. – А-а, – чуть приот-
крыла рот девушка и тотчас добавила.– Как не помнить односель-
чан».

Как отмечено выше, данная группа предложений употребляет-
ся для усиления доброжелательности: традиционно коммуникант
стремится узнать о состоянии дел, здоровья и жизни адресата. От-
метим, что при более непринужденном общении интересуются ра-
ботой и семейными делами, например: «*Мый выльыс?*» «Что ново-
го?», «*Мый вӧчан?*» «Что делаешь?», «*Кыдз мамыд?*» «Как мама?»,
«*Кыдз челядьыд?*» «Как дети?» и другие.

Таким образом, особенностью вопросительных предложений с семантикой приветствия является их семантическая опустошенность и отсутствие дополнительных субъективно-модальных эмоционально-оценочных значений. Основной функцией вопросительных предложений данного вида является инициирование ответной реакции адресата для вовлечения его в контакт с целью последующего общения, какая-либо информация коммуниканта не интересует.

Широкое функционирование в речи вопросительных предложений в ситуации установления и поддержания контакта обусловлено их способностью к реализации как первичной функции вопросительных конструкций, так и собственно фатической.

Отметим, что на проявление контактной семантики оказывают влияние определенные традиции употребления в качестве приветствия вопросительных предложений, а также конкретные условия установления контакта.

1. Драздаускене М.-Л. Лексические особенности речи в контакто-устанавливающей функции // Вестник Московского университета. Филология. 1974. № 5. С. 56–64.

2. Ильина А. Марья баблӧн шуд. Висьт // Войвыв кодзув. 2008. № 9. 49–55 л.б.

3. Ильина А. Муслун арлыд // Войвыв кодзув. 2009. № 12. 42–58 л.б.

4. Кузнецов А. В. Речевой этикет народов Волго-Уралья : монография. Чебоксары: ЧГИГН, 2008.

5. Льюров А. А. Водзын любовь // Коми писательяслӧн рассказяс. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1954. 98–127 л.б.

6. Медникова Э. М. Целевая направленность речи и семантика языка // Вестник Московского университета. Филология. 1970. № 1. С. 52–60.

7. Напалков В. Е. Томъяс: Повестьяс. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1988.

8. Попов А. В. Мыйла и волісны // Войвыв кодзув. 2001. № 6. С. 49–57.

9. Попов А. В. Баба гождӧм // Войвыв кодзув. 2010. № 8. 30–59 л.б.

10. Ратмайр Р. Функциональные и культурно-сопоставительные аспекты прагматических клише (на материале русского и немецкого языков) // Вопросы языкознания. 1997. № 1. С.15–22.

11. Раутскайте-Драздаускене М.-Л. А. Можно ли объективно выделить речь в контактоустанавливающей функции? // Вестник Московского университета. Филология. 1969. № 6. С. 80–85.

12. Шахов П.Ф. Мыйла олам. Очерк, повестьяс, пьеса, висьтъяс. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1985.

13. Юшков Г. А. Ловъя лов. Повестьяс да висьтъяс. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1979.

14. Юшков Г. А. Рөдвуж пас. Роман. Повесть. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1988.

МЕТОДИКА

С. С. Мигунова

Использование проблемных ситуаций на уроках русского языка (на примере изучения орфографии)

УДК 372.881.161.1

В статье анализируются выделенные в психолого-педагогической литературе типы проблемных ситуаций, определяются особенности их использования на уроках русского языка на примере изучения орфографии как одного из разделов школьного курса русского языка.

Ключевые слова: *проблемная ситуация, классификация проблемных ситуаций, типы проблемных ситуаций*

S. Migunova. The use of problem situations on the lessons of the Russian language (on the example of studying spelling)

In the article highlighted in the psychological-pedagogical literature the types of problem situations, are determined by the peculiarities of their use at lessons of Russian language on the example of studying spelling as one of the sections of the school course of Russian language.

Keywords: *problem situation, classification of problematic situations, types of problem situations.*

Задача активизации мыслительной деятельности учащихся, развития самостоятельности их мышления воспринималась как ак-

туальная во все периоды развития педагогической мысли. Однако если в отечественной лингводидактике XX в. проблемное обучение рассматривалось лишь как одно из направлений работы учителя, то в новом поколении стандартов владение действиями по решению проблемных задач выделено в качестве метапредметных результатов освоения основной образовательной программы основного общего образования [8, с. 6–7].

В процессе изучения дидактики будущие учителя знакомятся с такими понятиями теории проблемного обучения, как методы проблемного обучения, проблемная ситуация, проблемная задача и этапы ее решения. На занятиях методики обучения русскому языку студенты рассматривают специфику организации проблемного обучения на уроках родного языка, приемы создания проблемных ситуаций и решения проблемных задач на этапе постановки проблемы и ее решения при введении знаний по русскому языку, формировании языковых и коммуникативных умений.

Целью данной статьи является анализ типов проблемных ситуаций, приводимых в психолого-педагогической литературе, и определение путей использования проблемных ситуаций разных типов в процессе изучения русского языка (на примере изучения орфографии).

В одной из первых типологий проблемных ситуаций, предложенной психологом Н. А. Менчинской, выделяется два типа ситуаций, которые автор обозначает как путь познания «сверху» и путь познания «снизу» [4, с. 192]. С их помощью ставятся теоретические проблемы, базирующиеся на некоторых известных ученику общих положениях (теоретических сведениях).

Первый тип проблемной ситуации (путь познания «сверху») предполагает раскрытие общего положения, что способствует осознанию действий, которыми овладевают учащиеся. В средней школе в процессе изучения систематического курса русского языка учащиеся часто сталкиваются с подобной проблемой – осознания и теоретического обоснования известных практических действий, например тех, которые были освоены еще в начальной школе. Так, действие проверки безударных гласных с помощью проверочных слов, в которых гласная ставится под ударение, выполняется уже

учащимися первого класса. Задача уроков русского языка в 5 классе – раскрытие общего положения о сильной и слабой позиции гласных, обосновывающего те действия, которые выполнялись учащимися ранее. Прийти к нужным выводам позволяет создание учителем проблемной ситуации, в которой сталкивается владение практическим действием и неумение дать его обоснование. Ситуацию затруднения создают правильно поставленные вопросы и задания, организующие деятельность учащихся:

1. Выделите корни слов (например, в словах вода – воды).
2. Какая гласная пишется в корнях обоих слов?
3. А какие звуки произносятся?
4. От чего это зависит? (подсказка: поставьте ударение)
5. Какой вывод можно сделать? Почему для обозначения разных звуков используется одна буква?

Второй тип проблемных ситуаций, выделенный Н.А. Менчинской, – путь познания «снизу», представляет собой постановку практической проблемы. Особенность проблемных ситуаций данного типа заключается в том, что учащиеся сталкиваются с некоторыми «интеллектуальными препятствиями», которые необходимо преодолеть для выполнения известных им действий. Подобные проблемные ситуации организуются при необходимости овладеть каким-либо новым способом действия. Например, после понимания учащимися общего положения о том, что в одной морфеме в слабой позиции пишется та же буква, что и в сильной, следующий этап состоит в переходе на уровень практического овладения действием подбора проверочных слов. С этой целью учащимся могут быть предложены два ряда слов: однокоренные слова и формы слова, выступающие в качестве проверочных. Например:

На какие две группы следует разделить слова, с помощью которых можно проверить безударную гласную в слове «вода»:

Водный, к водам, на водах, подводник, водами.

В результате анализа конкретных языковых фактов учащиеся осознают, что для обоснования выбора безударной гласной в корне слова в качестве проверочных слов могут использоваться однокоренные слова (водный, подводник) и формы слов (к водам, на водах, водами). Данный тип проблемной ситуации позволяет исполь-

зовать знание теоретического положения для овладения определенными практическими действиями.

Основываясь на типологии Н. А. Менчинской и развивая ее, А. М. Матюшкин разрабатывает классификацию проблемных ситуаций, среди которых выделим ситуации, связанные, во-первых, с этапом осознания теоретических сведений и, во-вторых, с этапом формирования способа действия. К первому типу автор относит теоретические проблемные ситуации, определяя их как «проблемные ситуации, для которых характерно рассогласование на уровне предмета действия» [2, с. 69–70]. Целью анализа подобных ситуаций является раскрытие новой закономерности, нового положения. В процессе изучения орфографии проблемные ситуации первого типа реализуются в связи с осознанием учащимися таких новых для них орфографических понятий, как орфограмма, условия выбора орфограммы, опознавательный признак орфограммы, включенных в современные программы русского языка. Рассмотрим, как может быть организовано усвоение центрального понятия раздела «Орфография» – орфограммы.

В учебнике русского языка для 5 класса под редакцией Н. М. Шанского дается следующее определение данного понятия: *Написания в словах по орфографическим правилам или по традиции называются орфограммами* [7, с. 12].

Усвоение данного понятия в рамках традиционного обучения сводится к тому, что учащиеся среди слов, предложенных учителем, находят слова с написаниями, для обозначения которых необходимо применить орфографическое правило, например водА, и слова с написаниями, для обозначения которых не нужно применять орфографическое правило (воды). Очевидно, что использование данного метода не ставит учащихся в ситуацию затруднения и, таким образом, не способствует развитию их мыслительной активности.

Создание проблемной ситуации позволяет организовать усвоение понятия в активной познавательной деятельности, толчком к которой становится сомнение или удивление.

В основе создания проблемной ситуации, способствующей усвоению любого понятия, лежит осознание его существенных при-

знаков. Основу понятия «орфограмма» составляет возможность передать написание несколькими графическими знаками, поэтому учащимся может быть предложено оценить представленные варианты записи слова:

— Я Ё
 — — Т Е Ж Л Ы Й
 — И О

Причем вопреки сложившейся практике проблемная ситуация должна создаваться не заданием доказать, какой из вариантов написания является правильным, а, напротив, заданием доказать, что звук средний между И и Э, в первом слове и звук О во втором слове можно отразить на письме с помощью разных букв: Я, Е, И – в первом слове и букв Ё, О – во втором слове.

Цель анализа еще одного типа проблемных ситуаций, выделенного С. М. Матюшкиным, состоит в нахождении способа действия [2, с. 70]. На уроках русского языка, в том числе при изучении орфографии, результат определения способа действия может представлять собой, например, составленный алгоритм применения правила (после того как само правило – теоретическое положение – уже сформулировано). Подобная работа способствует выделению основных шагов (этапов) применения правила, определению последовательности их выполнения и, таким образом, осознанному усвоению способа действия. Например, после знакомства с правилом написания Н и НН в суффиксах прилагательных большинство учащихся в качестве способа действия при выборе правильного написания используют следующую последовательность действий:

1) выделение суффикса прилагательного, например: в слове грачиный суффикс -ИН-, в слове пламенный суффикс -ЕНН-;

2) рассуждение: в суффиксах -АН-, -ЯН-, -ИН- пишется одна буква Н, значит, в слове грачиный надо писать одну букву Н;

3) рассуждение: в суффиксах -ОНН-, -ЕНН- пишется две буквы Н, значит, в слове пламенный надо писать две буквы Н.

Эксперимент, проведенный в шестом классе одной из сыктывкарских школ показал, что такой алгоритм приводит 74 процента учащихся.

Усвоение подобного неполного способа действия, когда пропускается первый шаг – определение основы существительного, от которого образовано анализируемое прилагательное, приводит к типичной ошибке, когда в прилагательных с сочетанием букв -ИИ- перед окончанием учащиеся, принимая данное сочетание букв за суффикс, пишут одну букву И.

Целью анализа проблемной ситуации является создание полного алгоритма. Ситуацию затруднения может вызвать сопоставление пар прилагательных: 1) прилагательное с производящей основой, оканчивающейся на -И; 2) прилагательное с суффиксом -ИИ-, например:

машинный – мышинный
шинный – петушинный
винный – совиный.

Задание: докажите, что выбор одной или двух букв И зависит от структуры слова – приводит учащихся к необходимости начать анализ орфограммы не с выделения суффиксов, а с определения производящей основы.

Проблемные ситуации данного типа используются, кроме того, с целью предупреждения ложной аналогии, которая возникает или в том случае, когда учитель не использует возможности обобщения формируемых орфографических действий, или при неумелом использовании обобщения при изучении некоторых орфографических правил. Как известно, логическая операция обобщения предполагает не только поиски сходства однородных в каком-то отношении языковых фактов, но и их разграничение. Типичной ошибкой школьной практики является неразграничение (на этапе введения теоретических сведений) в чем-то сходных явлений, в результате чего возникает необоснованное обобщение, которое проявляется в том, что способ действия, усвоенный в процессе применения одного орфографического правила, неправомерно переносится на другое правило, воспринимаемое как сходное, вследствие чего учащиеся пытаются использовать усвоенные ранее действия. Так, в процессе изучения рассмотренного выше орфографического правила правописания одной и двух букв И в отыменных прилагатель-

ных учащиеся усваивают действия, связывающие выбор одной или двух букв Н с определенным набором суффиксов:

в суффиксах -АН- }
 -ЯН- } пиши -Н-
 -ИН- }

в суффиксах -ОНН- }
 -ЕНН- } пиши -НН-.

Усвоение данного способа действий приводит к тому, что в дальнейшем, при изучении правописания одной и двух букв -Н- в отглагольных прилагательных и причастиях, происходит перенос действий: действия, производимые в процессе применения первого правила необоснованно используются при применении второго правила. Учащиеся при этом рассуждают следующим образом:

- В слове скошенный пишется две буквы -НН-, потому что суффикс -ЕНН-. Причем, несмотря на то что в данном случае написание выбрано правильно, применяемый способ действия может быть использован при выборе написания одной или двух букв Н в отыменных прилагательных и не может быть использован при выборе написания одной или двух букв Н в отглагольных прилагательных и причастиях, поскольку второе правило предполагает другие условия выбора орфограммы, что ведет к необходимости оперирования другим способом действия. Проблемная ситуация может быть создана с помощью приема сопоставления написания причастия (скошенный) и отглагольного прилагательного (кошенный). Для разграничения написаний -НН- и -Н- учитель обращает внимание учащихся на то, что, казалось бы, один и тот же суффикс пишется в двух словах по-разному (с одной и двумя -Н-). Решение проблемы организуется выдвижением учащимися гипотез как результата размышления над вопросом: от каких условий может зависеть выбор правильного написания. В качестве гипотез учащиеся пытаются предложить известные способы действия (от определения спряжения производящего глагола до подбора проверочного слова). Для выдвижения «решающей гипотезы» в качест-

ве «подсказки» (терминология Е.Л. Мельниковой – 3, с. 15) предлагается определить вид глагола, от которого образовано причастие.

В процессе анализа проблемных ситуаций учащиеся не только самостоятельно анализируют предложенные учителем языковые факты, но и оценивают, использование каких уже известных им теоретических сведений поможет привести к «открытию» новых знаний. В связи с этим весьма актуальной для педагогической практики является классификация проблемных ситуаций, разработанная Т. В. Кудрявцевым. Среди типов проблемных ситуаций, выделенных автором, рассмотрим две ситуации, ранее не выделенные в психолого-педагогической литературе: анализ задач с неполными данными и ситуацию анализа задач с излишними данными [1, с. 248].

Анализ задач с неполными данными требует от учащихся самостоятельного добывания знаний, а постановка задач с излишними данными ставит учащихся перед проблемой выбора и оценки имеющихся знаний, активизируя тем самым их поисковую деятельность. Изучение орфографии позволяет организовать работу учащихся с данными видами задач, например, в процессе знакомства с написанием чередующихся гласных Е–И и А–О в корне слова. Представим последовательность изучения корней с чередующимися гласными и условия выбора орфограммы – гласной в корне слова на примере программы М. Т. Баранова и других авторов [6, с. 23–37].

Последовательность изучения корней с чередующимися гласными	Условия выбора орфограммы
5 класс	
лаг – лож	суффикс -а- после корня
раст – ращ – рос	последние согласные корня
бер – бир, мер – мир, пер – пир, дер – дир, стел – стил, блест – блист и др.	суффикс -а- после корня
6 класс	
гар – гор	ударение
кас – кос	суффикс -а- после корня

Как видно из таблицы, правописание гласных в корне гар – гор

включается в программу 6 класса, когда учащиеся уже знакомы с написанием некоторых корней с чередующимися гласными и условиями выбора этих гласных, однако такое условие выбора написания чередующихся гласных в корне, как ударение, шестиклассникам еще неизвестно. Поэтому изучение правописания корня гор – гар возможно организовать в процессе рассмотрения задачи «с неполными данными». Анализируя предложенный учителем материал, например:

гореть	загар
загорелый	огарок
горение	нагар,

учащиеся определяют условия выбора орфограммы, используя в качестве данных для решения задачи известные им условия. Последовательно выдвигая гипотезы о том, что условием выбора орфограммы может быть суффикс -а- после корня или последние согласные корня, проверяя выдвинутые гипотезы и затем отказываясь от данных предположений как несостоятельных, дети приходят к выводу о том, что имеющиеся в их распоряжении данные не помогают решить задачу. «Открытие» учащимися способа решения может быть организовано разными путями: 1) с помощью графического выделения условий выбора орфограммы (в предложенных в качестве материала для наблюдений словах выделяются корни и отмечается ударение); 2) с помощью «подсказки» (по Мельниковой – 3, с. 15): поставьте ударение в словах двух групп и сделайте выводы об условиях выбора орфограммы.

Изучение правописания гласных в корне кас – кос может быть организовано как решение задачи «с излишними данными». В этом случае в качестве «данных» учащиеся уже располагают знаниями трех условий выбора орфограмм, причем с условием выбора изучаемой орфограммы (суффиксом -А- после корня) учащиеся уже познакомились в процессе анализа написания корня лаг – лож и корней с чередующимися гласными Е–И, поэтому цель их деятельности при анализе данного типа задач меняется – они должны выбрать из имеющихся данных те, которые отвечают предложенным условиям. В соответствии с классификацией методов проблемно-

диалогового обучения, разработанной Е. Л. Мельниковой, решение познавательной задачи на этапе поиска решения (в данной ситуации – определения условий выбора орфограммы) может строиться с использованием метода, побуждающего к выдвижению и проверке гипотез диалога, который представляет собой сочетание специальных вопросов, стимулирующих учеников выдвигать и проверять гипотезы [3, с. 15]. В качестве гипотез будут привлекаться ранее известные учащимся условия выбора орфограммы.

Следующий тип проблемных ситуаций, выделенный Т. В. Кудрявцевым, предполагает использование «ранее усвоенных знаний в новых практических условиях» [1, с. 253]. Такими «новыми практическими условиями» при изучении орфографии может стать, например, анализ трудных случаев применения правила.

Так, знакомство с основными случаями написания одной и двух Н в отыменных прилагательных не свидетельствует о формировании умения писать правильно все слова с этой орфограммой. В рамках изучения данной темы должна быть организована специальная работа по усвоению написания некоторых слов с затемненной этимологией, в частности слова *подлинный*. Создание проблемной ситуации при знакомстве с написанием данного слова основывается на необходимости предупредить ошибку в выделении суффикса -ИН-, которое ведет к написанию одной буквы Н в этом слове. Перенос знаний в новые условия будет состоять в необходимости познакомить учащихся для усвоения написания этого слова с его этимологией. Приведем данные этимологического словаря:

Подлинный, обычно сблизают с *подлинник* («длинный шест») на том якобы основании, что при судебной расправе, чтобы выпытать правду, били «подлинниками» – длинными палками, [9, с. 297–298].

Как видим, проблемную ситуацию вызывает необходимость столкнуться с разными условиями выбора орфограммы в применении одного правила:

- 1) одна буква Н пишется в суффиксе -ИН-;

2) две буквы Н пишутся, если прилагательное образовано от существительного с основой, оканчивающейся на Н.

Трудный случай применения правила состоит, кроме того, в том, что связь слова *подлинный* с производящей основой *длина* неочевидна для учащихся (сравним, например, связь слова *лимонный* с производящей основой *лимон*).

Еще один тип проблемной ситуации, представленный в классификации Т. В. Кудрявцева, состоит в наличии «противоречия между практически достигнутым результатом выполнения учебного задания и отсутствием у учащихся знаний для его теоретического обоснования» [1, с. 256].

Особенность изучения школьного предмета «русский язык» состоит в том, что дети начинают овладевать языком задолго до его изучения в школе путем подражания (родителям, окружающим). Однако, осваивая язык практически, правильно, в соответствии с литературными нормами, склоняя и спрягая слова, учащиеся не могут объяснить свои действия, поскольку не владеют необходимыми теоретическими сведениями. Этой же закономерности подчиняется усвоение орфографии. М. Т. Баранов отмечает, что «овладение орфографическими умениями – процесс длительный и неравномерный. Правописанием одних орфограмм учащиеся овладевают относительно быстро, правописанием других – достаточно долго». Кроме того, усвоение правописания слов, пишущихся на основании одного орфографического правила, происходит «по-разному в связи с тем, что есть трудные случаи в применении правил» [5, с. 165]. Так, учащиеся не испытывают затруднений при написании слова *читают* (в отличие, например, от слова *борются*), поскольку сами не раз писали это слово и видели его написанным. Поэтому практическое действие (написание слова) в данном случае не вызывает затруднения пятиклассников. Вместе с тем обосновать, почему в окончании глагола пишется буква безударного гласного звука Ю, до того как получат сведения о спряжении глагола, учащиеся не могут. Процесс создания проблемной ситуации в данном случае может быть организован следующим образом:

Деятельность учителя

Давайте запишем слово *читают*.
Все ли написали слово одинаково?
Какое окончание в слове?

Дайте характеристику гласной в
окончании глагола.

Можно ли допустить ошибку в ее
написании? Почему?

Вы написали слово правильно, а
можете ли доказать, что в
окончании слова *читают* нужно
писать букву Ю?

Почему вы не можете объяснить
это написание?
Значит, что мы должны сегодня
узнать? Какой будет тема нашего
урока?

Деятельность учащихся

Записывают (в тетради).
Написали одинаково, с
окончанием -ют.

Это безударная гласная.

Ошибку допустить можно, потому
что безударные гласные звуки
произносятся неотчетливо.

Учащиеся не могут дать
объяснение.

Не изучали такое правило.

Таким образом, анализ показал, что в научной психолого-педагогической литературе представлен широкий взгляд на теорию проблемной ситуации, выделены различные типы проблемных ситуаций. В процессе изучения методики русского языка будущие учителя должны овладеть особенностями использования проблемных ситуаций на уроках русского языка.

1. Кудрявцев Т. В. Проблемное обучение: истоки, сущность, перспективы. М.: Знание, 1991.

2. Матюшкин А. М. Проблемные ситуации в мышлении и обучении. М.: Педагогика, 1972.

3. Мельникова Е. Л. Технология проблемного диалога: методы, формы, средства обучения. URL: http://nachalka1-4.ucoz.ru/tehnologiya_problemnogo_dialoga.pdf
4. Менчинская Н. А. Вопросы умственного развития ребенка. М.: Знание, 1970.
5. Методика преподавания русского языка / под ред. М. Т. Баранова. М.: Просвещение, 1990.
6. Программно-методические материалы: Русский язык. 5–9 классы / сост. Л. М. Рыбченкова. М.: Дрофа, 2002.
7. Русский язык : учебник для 5 класса общеобразовательных учреждений / Т. А. Ладыженская, М. Т. Баранов, Л. А. Тростенцова и др. М.: Просвещение, 2004.
8. Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования. URL. <http://standart.edu.ru>
9. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. М.: Прогресс, 1987. Т.3.

В. С. Петунин

Семантика безличного *es* в функции подлежащего (об одной из трудностей в практической грамматике немецкого языка)

УДК 378.022:811.112.2'36

В статье рассматривается местоимение es в функции подлежащего, традиционного именуемого безличным. На основе привлечения функционально-семантических характеристик сказуемого у такого подлежащего было выявлено несколько значений, что позволило сформулировать правила его обязательного и факультативного употребления, а также его дистрибутивно обусловленной обязательной элиминации.

Ключевые слова: грамматика немецкого языка, безличное местоимение, функционально-семантическая взаимообусловленность подле-

жащего *es* и сказуемого, правила употребление безличного *es* в зависимости от его значений.

Valentin Petunin. The semantics of the impersonal pronoun es as sentence subject (a difficulty in Practical Grammar of the German language)

The article deals with the pronoun es as sentence subject traditionally called impersonal. Drawing on functional-semantic characteristics of the predicate in this subject are revealed several meanings, which allow to formulate rules of its obligatory and facultative use, as well as those of its distributive obligatory elimination.

Keywords: *German Grammar, impersonal pronoun, functional-semantic interdependence of subject es and predicate, usage of the impersonal subject es due to its meanings*

Тема «Употребление безличного подлежащего *es*» среди других грамматических тем считается относительно несложной для изучения. На начальном этапе это явление, как правило, вводится лексически через предложения, примерно по той логике, которая представлена в популярном «Справочнике по грамматике немецкого языка» О. Э. Михайловой и Е. И. Шендельс. В параграфе, посвященном этому местоимению как части речи, говорится буквально следующее: «Безличное местоимение *es* не изменяется и на русский язык не переводится. Оно употребляется в качестве подлежащего в безличных предложениях: *Es ist kühl. Es regnet..In der Ausstellung hat es ausgezeichnete Gemälde gegeben*» [1, с. 82–83].

Далее, в разделе о безличных глаголах имеется уточнение: «Безличные глаголы имеют только форму 3-го лица единственного числа и употребляются с безличным местоимением *es* во всех временных формах. Безличные глаголы обозначают большей частью явления природы. При переводе на русский язык ... не всегда может быть использована безличная форма глагола:

... *Es dunkelt – темнеет.*

Но: *Es regnet – Идет дождь. ...*» [1, с. 115].

На последующих этапах обучения происходит уточнение сфер употребления этого местоимения. Так, в учебнике Е. И. Шендельс, предназначенном для студентов институтов и факультетов ино-

странных языков, определяется его (местоимения) функциональная нагрузка. Оно выступает:

▪ как *безличное подлежащее*, «если реальный агент отсутствует или неизвестен»:

Es regnet. Es zischt [2, с. 224–225];

▪ в качестве *открывающей предложение частицы (Platzhalter)*:

Es lebte ein malein Kaiser [2, с. 337];

▪ в качестве *коррелята*:

Es ist ungewiss, ob er kommt

Es ist verboten, hier zu rauchen[2, с. 336, 367],

Подобной точки зрения придерживаются и Г. Хельбиг и Й. Буша, авторы одной из самых лучших грамматик, ориентированных на обучение немецкому языку иностранцев [3, с. 393]. Примечательно, что *es* при безличном глаголе и в предложении, построенном по модели *Es ist + Adj*, они называют формальным субъектом, а глаголы в этой позиции считают глаголами с нулевой валентностью [3; с. 619, 629]. Указанное местоимение не включается ими в число актантов и интерпретируется как формальный элемент, призванный сохранить синтаксическую структуру предложения [3, с. 624]. Х. Вельман называет его «пустой морфемой», поскольку оно не несет смысловой нагрузки [4, с. 204].

Из показанного выше вытекает, по крайней мере, два вопроса, на которые мы не получаем ответа:

1) Почему так называемое *безличное местоимение es* по-разному ведёт себя в предложениях?

Es обязательно:

Es ist im Zimmer warm → *Im Zimmer ist es warm*

Es gibt in der Klausur Fehler → *In der Klausur gibt es Fehler*

Es факультативно:

Es ist mir warm → *Mir ist es warm* ODER: *Mir ist warm*

Es возможно только на первом месте в предложении:

Es wird heute tüchtig gearbeitet → *Heute wird tüchtig gearbeitet*

Es fährt ein Zug nach nirgendwo → *Ein Zug fährt nach nirgendwo.*

2) Какова роль сказуемого, и прежде всего его глагольной части, при определении обязательности/факультативности и обязательного исключения местоимения *es*?

Начнем со второго вопроса, чтобы ответить на первый. О взаимобусловленности субъекта и предиката говорят практически все лингвисты. Приведем две цитаты:

«... Предложение напоминает геометрическую фигуру эллипс: как в эллипсе два основных фокуса определяют его форму, таким же образом в предложении подлежащее (субъект) и сказуемое (предикат) зависят друг от друга» [4, с. 310].

«При сочетании глагола с подлежащим необходимо учитывать значение подлежащего, поскольку от этого зависит семантика глагола и другие параметры его сочетаемости» [2, с. 18–19].

Скорее всего, здесь следует говорить о взаимной обусловленности предиката (глагола) и подлежащего. Направление «от глагола к подлежащему» находит свое отражение в функционально-семантических признаках последнего [5, с. 27]. По этой причине при определении характеристик подлежащего нами принималась во внимание семантика глагола, выступающего в качестве сказуемого.

Во-первых, подлежащее обязательно как актанта глагольного ядра сказуемого, поскольку оно является участником действия, процесса и т. д. на уровне реализации (в высказывании). Во-вторых, оно выполняет определенную роль, отведенную ему семантикой глагола. На этой основе семантически однозначные глаголы подразделяются нами на четыре группы, образуя так называемые виды событийности. Последние были выделены нами путем семного анализа глаголов с учетом их обязательных актантов, выявляемых на основе семантической классификации Х. Бринкмана [2, с. 16].

Глаголы, традиционно именуемые безличными (*regnen, gruseln, schneien* и др.), трактуются в литературе по-разному:

- как глаголы, обозначающие состояние;
- как глаголы, обозначающие процесс;
- как глаголы со значением “состояние-действие” [7, с. 99].

Такая трактовка зависит от их понятийной интерпретации говорящим. Если *Es regnet* воспринимается говорящим (наивным носителем языка) как динамичная событийность, то “дождь” определяется как процесс (Vorgang). Если же дождь для говорящего – неизменное состояние природы, то высказывание *Es regnet* можно соотнести с понятием “состояние” (Zustand). Подлежащее выступает в

семантической структуре глагола носителем событийности. Носитель этого состояния или процесса в любой интерпретации этого предложения (высказывания) пассивен. Поэтому в данном контексте мы можем синонимично использовать понятия «подлежащее» и «носитель событийности».

Таблица 1

Виды событийности

Вид событийности	Интерпретация				Пример
	Значение	Характер носителя событийности	Характер событийности	Направленность на объект	
Состояние (sein/ haben,)	форма существования его носителя	пассивен	статична	отсутствует	Es ist kühl. Er liegt auf dem Sofa. Es regnet
Процесс (werden)	изменение, протекающее на носителе событийности	пассивен	динамична	отсутствует	Sie wird alt. Das Mädchen errötet.-
Действие (tun)	действие- «заятийность»	активен	динамична	отсутствует	Die Oma strickt.
Воздействие	направленное действие с изменением состояния объекта	активен	динамична	имеется	Das Kind bricht eine Blume

С точки зрения функционально-семантических характеристик подлежащее определяется через следующие параметры:

1) по его роли в понятийной предикации (носитель событийности *Satzgegenstand*);

- 2) по участию в событийности (активность/пассивность);
- 3) по признаку «одушевленность/неодушевленность»,
- 4) по его местоположению в предложении.

Последний параметр релевантен при интерпретации *es*.

Анализ показывает, что вышеперечисленные параметры у безличного подлежащего *es* реализуются через следующие характеристики:

Таблица 2

**Параметры подлежащего и их значения
у безличного подлежащего**

Параметр	Значение параметра (реализация)
Роль в понятийной предикации (функционально-семантическая нагрузка)	Носитель событийности
Характер участия в событийности	Пассивен
Одушевленность/неодушевленность	Признак нерелевантен (для безличных глаголов)
Дистрибуция	релевантна

На этой основе можно выделить два вида подлежащего, выраженных безличным *es*: (1) формальное подлежащее и (2) безличное или медиумное подлежащее. Последний вариант названия образован от латинского слова *medium* (среда).

Рассмотрим их в противопоставлении друг другу по вышеуказанным параметрам:

а) дистрибуция:

– формальное подлежащее *es* может употребляться только на 1-м месте в предложении.

Es wurde gelacht. ↔ *Heute wurde gelacht.*

Es ist noch nicht bekannt, ob er kommt. ↔ *Ob er kommt, ist nicht bekannt.*

– безличное подлежащее *es* обязательно независимо от его местоположения в предложении: *Es regnet heute.* *Heute regnet es.*

б) функционально-семантическая нагрузка обуславливает вышеназванный фактор и является проявлением топологических отношений в высказывании.

Формальное es выступает: 1) в функции заполнителя-маркера первого места в предложении (Platzhalter), а точнее “Leerplatz-Halter”, как в случае с односоставной пассивной конструкцией или же 2) коррелятом, указывающим на наличие содержательной интерпретации подлежащего-местоимения *es*.

Es freut mich

Формальное
подлежащее *es*

Sie kennen zu lernen.

Содержательная
интерпретация

Другими словами, местоимение *es* замещает инфинитивную группу *Siekennenlernen*, являясь её пустой оболочкой, её «вместилищем». А инфинитивная группа есть содержание (семантика), наполнение этой оболочки.

Es = Sie kennen lernen → Sie kennen lernen freut mich

В силу тема-рематических отношений в высказывании содержательная интерпретация находится в постпозиции, поскольку рема в стилистически нейтральном предложении всегда стремится к концу предложения. Такое сочетание формального компонента и его содержательной интерпретации несет черты двухкомпонентной аналитической конструкции [6, с. 233].

Х. Вельман приводит на этот случай такой пример:

Es waren zwei Dealer, die sie in den Tod trieben

Он называет такую структуру «расщеплённым предложением» (cleft-sentences) и видит в предложении с формальной точки зрения два субъекта, а семантически считает обе части единым субъектом [4, с. 311].

Функционально-семантическая нагрузка второго вида подлежащего (безличного *es*).

На понятийном уровне отражения языком объективной реальности оно имеет функцию носителя состояния или процесса, выражаемого безличным глаголом, как среда его проявления. Поэтому

этот вид подлежащего мы можем назвать «медиумным». Покажем его суть на следующем примере:

Сегодня холодно (Es ist heute kalt).

Поставим к этому предложению несколько некорректный вопрос: «А что холодно?» (*Was ist kalt?*). Вариант ответа «Всё холодно (*Allesistkalt*)» будет неправильным, поскольку предполагает перечисление отдельных предметов: «Это, это и это (*das, das und das*)» с указанием на них пальцем. Ответ на некорректный вопрос, скорее, можно изобразить жестом, разведя руками вокруг себя на уровне глаз, как бы охватывая весь мир, поскольку мы чувствуем, что речь идет обо всей окружающей нас нерасчлененной среде. На нее невозможно показать пальцем как на отдельный предмет. Поскольку на уровне реализации (номинации) язык не находит лексической единицы с соответствующим лексическим значением для обозначения этого “участника” событийности, то такое указание на носителя производится только синтаксическими и морфологическими средствами. Местоимение *es* выступает в качестве подлежащего и выражено местоимением в его денотативном статусе, т. е. указывает на наличие предмета, не называя его.

Подтверждением такой интерпретации служит и точка зрения, которую можно встретить в литературе. Безличные предложения имплицитно «неопределенного деятеля, стихийную силу и т. д.» Напомним, что происходящее, выражаемое безличным глаголом, может быть определено как “действие-состояние” [7, с. 99]. Обобщим сказанное в таблице (табл. 3).

Если принять эту точку зрения, то в так называемых безличных предложениях можно вычленить два вида отношений:

1. Взаимообусловленность и взаимовключенность носителя и его состояния:

(1) *Es ist kalt.* → *Es = Kalt-Sein.* (2) *Esfriert.* → *Es = Frieren.*

2. Состояние/процесс типа *Esistkalt/Esfriert* могут быть соотносены с воспринимающим их объектом или их получателем, в таких случаях как:

(3) *Es friert mich.* (4) *Es friert mir.*

Тогда возможно объяснить случаи факультативного употребления местоимения *es*:

(5) *Mich / mir friert es.*

(7) *Mir ist es schlecht.*

(6) *Mich / mir friert.*

(8) *Mir ist schlecht.*

Таблица 3

Характеристики формального и «медиумного» подлежащего

Параметр	Формальное подлежащее	«Медиумное» подлежащее
Дистрибуция	Только 1-е место в предложении <i>Es wurde gelacht – Heute wurde gelacht.</i> <i>Es ist nicht bekannt, ob er kommt. – Ob er kommt, ist nicht bekannt.</i>	Любое место в предложении <i>Es taut heute. – Heute taut es.</i>
Функционально-семантическая нагрузка	Заполнитель 1-го места (Plathalter) (см. пример 1)	Среда («медиум») как носитель состояния/ процесса
	Коррелят <i>Es freut mich, Sie kennen zu lernen.</i> <i>Es = Sie kennen zu lernen.</i>	

Являясь воспринимающим объектом (*mich*) или получателем действия (*mir*), в то же время оказывается в роли и его пассивного носителя (как в случае глаголов состояния и процессуальных глаголов). А поскольку *mich* уже называет носителя, то второй носитель *es* может быть опущен из соображений языковой экономии. Таким образом, становятся возможными варианты, проиллюстрированные на примерах (5), (6), (7), (8). Такой носитель процесса-состояния получил в литературе название деми-агенса [2, с. 288] и в силу своей семантики возможен в сфере выражения психических и физических состояний живых существ, например,

Es hungert ihn/ Ihnhungert

Опущение безличного *es* в качестве подлежащего невозможно, если в высказывании отсутствует указание на иного носителя:

Es ist draußen kalt. → Draußen ist es kalt.

Es friert draußen. → Draußen friert es.

Л. Ю. Максимов и В. В. Бабайцева отмечают, что состояние, выражаемое безличными предложениями, характеризуются «безотчетностью, неосознанностью, произвольностью» [7, с. 101]. Можно предположить, что данный оттенок значения возникает вследствие неопределенности носителя действия-состояния. Интересно в этой связи трансформация подлежащего *es* с данным значением в объект:

Es ist mir im Sessel bequem → Mach es dir bequem.

В первом предложении *es* выступает в роли «удобной, комфортной среды», среды-медиум. В каузальной трансформе *es* принимает функцию объекта воздействия, подлежащего изменению. *Dir* выступает в роли объекта получателя (*Zuwendgröße*): т. е. «устрой себе место так, чтобы тебе было удобно». Другими словами, и *es* и *dir* не выступают более в роли носителя (среды) протекания процесса/действия, а поэтому не могут быть элиминированы, т. е. являются обязательными. Подобного рода отношения мы наблюдаем и в следующем примере:

Du hast es gut! (Тебе хорошо!)

Подводя итог сказанному о видах подлежащего *es*, подчеркнем, что их классификация осуществляется комплексно. С одной стороны, это позволяет показать суть «безличности» данного вида подлежащего, а с другой – дать обучающимся алгоритм определения вида подлежащего и его обязательности или факультативности в предложении.

1. Бабайцева В. В., Максимов Л. Ю. Современный русский язык: Синтаксис: Пунктуация. М.: Просвещение, 1978. 256 с.

2. Вельман Х. Грамматика немецкого языка. Звук. Слово. Предложение. Текст. М.: Московский лицей, 2009. 568 с.

3. Михайлова О. Э., Шендельс Е. И. Справочник по грамматике немецкого языка с упражнениями для 9–10 классов средней школы. 4-е изд., перераб.. М.: Просвещение, 1981. 304 с.

4. Шендельс Е. И. Практическая грамматика немецкого языка : учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. 3-е изд., испр. М.: Высш. школа, 1988. 416 с.
5. Bußmann, H. Lexikon der Sprachwissenschaft. 2., völlig neu bearbeitete Auflage. Stuttgart: Kröner, 1990.
6. Helbig, G., Buscha, J. Deutsche Grammatik. Ein Handbuch für den Ausländerunterricht. – 17. Auflage. Leipzig, Berlin, München, Wien, Zürich, New York: Langenscheidt Verl. Enzyklopädie. 1996.– 731 с.
7. Komarow, A. Dialektik des Satzes //das wort. Germanistisches Jahrbuch 1993 Deutscher Akademischer Austauschdienst.

В. М. Гурленов

Психологическая интерпретация требований ФГОС среднего образования. Предмет «Иностранный язык»

УДК: 378.022:81'243

В статье раскрывается проблема интерпретации требований ФГОС среднего образования применительно к предмету «Иностранный язык». Становление личности обучающегося прослеживается через психологическое состояние, побуждающее человека к деятельности. Обучающий, имея представление о сферах проявления человека как личности, может создавать комплексы установок-приемов, которые придали бы процессу обучения личностно-деятельностный характер.

Ключевые слова: ФГОС СО, предмет «Иностранный язык», личность, личностно-деятельностный подход, мотивация.

Vladimir M. Gurlenov. Interpretation of the requirements of the Federal State Educational Standard (FCES) of secondary education. The school subject Foreign Language

The article touches upon the issue of interpretation of the requirements of the Federal State Educational Standard (FCES) of secondary education with reference to the school subject Foreign Language. The development of the personality of a student is observed through psychological states, which make the person work. The teacher having the idea about the spheres of development of a person's individuality can create sets of techniques, which would make the process of education individually-centered and activity-based.

Keywords: *Federal State Educational Standard of secondary education, school subject Foreign Language, individual, individually-centered and activity-based approach, motivation.*

В содержании федеральных государственных образовательных стандартов, которыми руководствуются в настоящее время школы, ясно выражено стремление общества обеспечить свое будущее людьми, которые могли бы принимать на себя ответственность за судьбы разных коллективов, начиная от сформулированных на основе дружеских отношений, кончая занимающимися государственными проблемами. Речь идет о людях, которых во все времена называли и называют личностями. Таких людей призвана формировать современная школа.

Стандарт устанавливает требования к результатам освоения обучающимися основной образовательной программы: личностным, метапредметным, предметным. В настоящей статье речь пойдет о том, как интерпретировать такой процесс обучения, который был бы сиюминутно нацелен на становление личности обучающихся, поскольку достижение личностного самовыражения школьников является основополагающим для всего процесса образования.

Анализ технологических карт учителей, представленных на страницах ведущих профессиональных журналов России, выявил следующую картину. Ниже приводится список того, что педагоги вкладывают в понятие «личностные учебные действия» (мы не будем здесь останавливаться на проблеме правомерности термина «личностные действия»):

- развивать мотивацию учебной деятельности и формировать личностный смысл учения, осознавать степень своего усвоения материала;

- осознавать возможность использования имеющихся знаний в новой языковой ситуации, проявлять интерес к новому содержанию, оценивать уровень собственной языковой компетенции и необходимость ее повышения, проявлять умения выступать и презентовать свою работу, оценивать собственный вклад в работу группы;

- сознавать неполноту знаний, проявлять интерес к новому содержанию;

- уметь высказать свою точку зрения;

- осознавать возможность использования имеющихся знаний и умений;

- проявлять интерес к новому содержанию;

- осмысливать то, что, как и для чего делается в школе;

- осознавать правила поведения в школе;

- осознавать свою роль в группе;

- развивать творческое воображение;

- выражать свои мысли в соответствии с задачами и условиями коммуникации;

- анализировать личные достижения по теме;

- осуществлять самоконтроль и оценку;

- оценивать уровень собственной языковой компетенции;

- оценивать собственный вклад в работу группы;

- проявлять интерес к дальнейшему изучению предмета.

Многое в этом списке формулируется на уровне лозунгов-желаний, конкретика ограничивается привычными для учителя определениями умений. Это, действительно, понятный всем язык. Однако когда мы говорим о становлении личности, совершенно необходимо понимать, ЧТО происходит в психике человека, ЧТО он чувствует/ощущает в тот момент, когда в нем **пробуждается** самосознание, самоосознание, самоощущение того, что он: а) уникален и б) нужен другим. Приоткрыв эту тайну, легко будет принимать правильные методические решения на каждом уроке.

В процессе образования необходимо понять одну важную мысль: если мы дадим ощутить становящемуся человеку, что он

свободен в выборе/принятии целей, а также в выборе средств при их реализации, то тем самым мы будем влиять на личностное становление школьника.

Личностное становление реализуется через мотивацию, которая имеет место, если учитель строит урок, затрагивая сферы:

- волевою;
- интеллектуальную;
- информативно-смысловую;
- инструментально-смысловую;
- эмоционально-оценочную, сферу воображения;
- индивидуую (индивидуальный опыт ученика, его поведение, интересы, склонности и потребности);
- социальную (коллективную/лидерскую/аффилиационную);
- сферу актуализации мыслительных противоречий;
- познавательную.

Рассмотрим каждую из этих сфер отдельно. Особенность представления их содержания состоит в том, что мотивации переданы в виде стандартизованных ощущений обучающихся.

Волевая мотивация. Напомним, что функцией воли является оптимизация процессов становления и удержания необходимой формы деятельности. Усилием воли человек может управлять своими психическими процессами. Волевая мотивация реализуется в следующих психических состояниях:

Я могу:

- *быстрее всех;*
- *больше всех;*
- *лучше всех;*
- *занимательнее всех;*
- *красивей всех;*
- *с наименьшим количеством ошибок или совсем без них;*
- *так, как учитель (диктор, лучший ученик).*

Интеллектуальная мотивация. Интеллект – это проявление познавательных способностей человека. Он позволяет легко научиться, находить выход из нестандартных ситуаций, не теряться в меняющихся обстоятельствах. Интеллектуальная мотивация реализуется в следующих психических состояниях:

- *Это любопытно! Меня это волнует, затрагивает (проявление любопытства).*

- *Я смогу отбросить ненужное, второстепенное, обращая внимание на главное, необходимое (проявление глубины ума).*

- *Я могу по-новому посмотреть на это. Я в этом оригинален (проявление гибкости и подвижности ума).*

- *Я попробую быть последовательным в рассуждениях. Я попробую учесть все (проявление логичности).*

- *Я смогу доказать (проявление доказательности).*

- *Я способен исправить свои неверные действия (проявление критичности).*

- *Я могу предложить несколько вариантов решения проблемы (проявление широты ума).*

Информативно-смысловая мотивация. Эта мотивация основывается на присущей человеку двусторонней потребности обладать и делиться информацией. Она реализуется в следующих психических состояниях:

- *Я знаю то, что никто не знает, и хочу этим поделиться (обладание информацией).*

- *Я знаю, что об этом знает(ют) ..., и тоже хочу об этом узнать (желание обладать информацией).*

- *Я могу найти только... (поиск информации).*

- *Я могу (рас)сказать только ... (отбор, фильтрация информации).*

- *Я могу рассказать подробно (детализация информации).*

- *Я могу ещё (рас)сказать... (добавление информации).*

- *Я могу сказать то же самое о... (идентичность информации).*

- *Я могу найти и объединить по смыслу (классификация информации).*

- *Я могу найти и представить в определенном порядке (упорядочивание информации).*

- *Я могу рассказать об этом разным людям и в разных аудиториях (адаптация информации).*

- *Я знаю, где это найти (источники информации).*

- *Я знаю, для чего это мне нужно (функции информации).*

Инструментально-смысловая мотивация. Инструментально-смысловая мотивация заключается в том, что в определенные моменты своей деятельности человек создает то, что для данного момента смысла не имеет, но это необходимо для реализации другой, смысловой, цели (например, мы собираем ягоды не для того, чтобы их собрать, а для того, чтобы зимой лакомиться вареньями и компотами). Она реализуется в следующих психических состояниях:

Я не смогу рассказать..., написать..., создать..., если я перед этим:

- *не потренируюсь в...*
- *не найду ...*
- *не узнаю...*
- *не составлю план...*
- *не создам черновик... и т.д.*

Эмоционально-оценочная мотивация. Эмоциональное переживание имеет место, когда человек встречается с чем-то нестандартным, не соответствующим его представлениям о мире (в обстановке, в поведении людей, в развитии событий, в мнениях и т.п.). Эмоции всегда косвенным образом говорят о том, что человек мотивирован, следовательно, проявляет себя как личность. Эта мотивация реализуется в следующих психических состояниях (эти состояния могут быть вопрошающими или восклицательными):

- *Это интересно?!*
- *Это нелогично, абсурдно?!*
- *Это сказочно?!*
- *Это неожиданно?!*
- *Это необыкновенно?!*
- *Это неправильно?!*
- *Это забавно?!*
- *Это смешно?!*
- *Представь себе... (игра воображения).*
- *А что будет дальше?!* (детективная неопределенность)
- *Я хочу, чтобы мной любовались!* (эстетическое желание)

Индивидуальная мотивация. Индивидуальное поведение – это такое поведение, которое реализует сугубо индивидуальные цели, которые, в свою очередь, являются функцией его интересов, склонностей, по-

требностей, мотивов. Для методических целей полезно представлять индивида: а) социального субъекта со всей иерархией его социальных (бытовых, профессиональных) связей, которые налагают отпечаток на его содержательное и ролевое поведение, и б) как психологического субъекта (т.е. как индивида со всей гаммой его индивидуальных качеств темперамента и характера). Индивидуальная мотивация реализуется в следующих психических состояниях:

Я сделаю это по-своему, потому что:

- *я вижу по-другому,*
- *я отношусь по-другому,*
- *я хочу по-другому,*
- *я думаю по-другому,*
- *меня волнует другое, и т.д.*

Социальная мотивация. Она представлена тремя типами состояний:

– *Коллективная деятельность:*

Нам предстоит совместно разработать ..., составить..., ответить...

– *Лидерская реализация:*

Я могу организовать своих товарищей на...

– *Аффилиационная реализация (в данном контексте аффилиация понимается как стремление быть полезным окружающим):*

Без меня не получится...

Актуализация мыслительных противоречий. Здесь выделяется особая группа мотивации, происходящей от противоречивости, проблемности процесса мышления. Проблемность кроется в многомерной и разноуровневой среде (которая может быть противоречивой и непротиворечивой), всю многомерность которой человек не различает. В проблеме всегда есть отсутствие (замаскированность) какого-то условия. В противоречивости самого мышления, которое тоже является многомерным, лежит его альтернативность. Эта мотивация реализуется в следующих психических состояниях:

– *Альтернативный выбор:*

Я должен склониться к одному из предложенных вариантов, объясняя свой выбор.

– *Проблемное состояние:*

- учебной проблемы: *Я должен решить учебную задачу;*
- жизненной проблемы: *Я должен предложить свое понимание, решение жизненной проблемы.*

Познавательная мотивация. Эта мотивация реализуется в следующих психических состояниях:

• *Непонятно, поэтому любопытно, забавно, интересно, странно, неожиданно, ново (...)* (эмоциональная устремленность к предмету, внимание к предмету, действию).

• *Это не соответствует моему родноязычному опыту (речемышлению, поведению, обычаям, ...).* В чем причина этого рассогласования? (состояние умственного затруднения).

• *Эврика! Я понял, почему это так, зачем это нужно (...)*! (инсайт-понимание).

• *Попробую сделать так же в аналогичной ситуации! Получится ли?* (ориентировочный интерес).

• *Надо узнать ещё, подробнее, в деталях, сравнить, уточнить значение, понять смысл (...)* (желание обладать информацией).

• *Попробую задать вопрос по поводу того, чего я не понимаю* (определение содержания и объема незнания).

Отдельно стоит выделить группу психических процессов, которые нельзя отнести к познавательной мотивации. Тем не менее они обеспечивают мышление и речемышление человека, делая его все более и более гибким и креативным. Это **мыслительные операции:**

- *анализа,*
- *синтеза,*
- *сравнения,*
- *противопоставления,*
- *обобщения,*
- *конкретизации,*
- *интерпретации,*
- *выделения главного (определение главной мысли) и второстепенного,*

- выделения смысловых частей,
- добавления,
- уточнения,
- выявления противоречий, неточностей,
- отождествления,
- различения,
- селекции, отбора,
- классификации,
- группирования.

Подводя итог, необходимо заметить, что выявленные здесь психологические состояния и процессы актуализируют внутренние психические импульсы, побуждающие человека к деятельности. Представляется, что обучающий без особого труда, используя эти знания, сможет создать комплексы установок-приемов, которые придали бы процессу обучения личностно-деятельностный характер.

Авторы выпуска

Бондарев Алексей Владимирович, кандидат культурологии, доцент кафедры теории и истории культуры РГПУ им. А.И. Герцена.

Быстров Алексей Иванович, старший преподаватель Института информационных технологий и управления (Серпухов).

Галуцких Ирина Анатольевна, кандидат филологических наук, докторант, доцент кафедры английской филологии Запорожского национального университета (Запорожье, Украина).

Гуляева Наталья Ивановна, кандидат филологических наук, научный сотрудник Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН (Сыктывкар).

Гурленов Владимир Михайлович, кандидат педагогических наук, доцент кафедры немецкого и французского языков Института иностранных языков Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина (Сыктывкар).

Мартысюк Павел Григорьевич, доктор философских наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Российского государственного социального университета, филиал в г. Минске (Минск, Беларусь).

Мигунова Светлана Степановна, кандидат филологических наук, докторант, доцент кафедры филологического образования Института гуманитарных наук Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина (Сыктывкар).

Муравьев Виктор Викторович, доктор философских наук, профессор кафедры культурологии и педагогической антропологии Института культуры и искусства Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина (Сыктывкар).

Петунин Валентин Сергеевич, доцент кафедры немецкого и французского языков института иностранных языков Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина (Сыктывкар).

Сараев Андрей Сергеевич, старший научный сотрудник Музей-квартиры Л.Н. Гумилёва (филиал Музея Анны Ахматовой в Фонтанном доме) (Санкт-Петербург).

Сулейманов Александр Альбертович, кандидат исторических наук, научный сотрудник сектора арктических исследований Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения РАН (Якутск).

Тихомиров Сергей Алексеевич, директор Вологодского регионального научно-исследовательского центра краеведения и локальной истории (Вологда).

Фельдт Ирина Николаевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры культурологии и религиоведения Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова (Архангельск).

Худяев Андрей Сергеевич, аспирант кафедры культурологии и религиоведения института социально-гуманитарных и политических наук Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова (Архангельск).

Юдина Вера Ивановна, доктор культурологии, доцент, профессор кафедры теории и истории музыки Орловского государственного института искусств и культуры (Орел).

СВЕДЕНИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Правила оформления статей

1. Редакция принимает статьи объемом от 0,5 до 1 п. л. (40 000 знаков); сообщения — до 0,5 п. л. (20 000 знаков).
2. Параметры страницы: поля — 2 см; формат А4.
3. Абзацный отступ — 1 см (в автоматическом режиме).
4. Кегль — 14.
5. Междустрочный интервал — 1.
6. ФИО автора **строчными** буквами (например, И. И. Иванов) над названием статьи.
7. Название статьи **строчными** буквами.
8. Аннотация к статье на русском и английском языках (до 500 знаков).
9. Название и фамилия автора на английском и русском языках.
10. Ключевые слова на русском и английском языках (до 10 слов).
11. Указание УДК.
12. При цитировании необходимо использовать только **русский вариант кавычек («»)**.
13. Литература, использованная при написании статьи, должна быть оформлена следующим образом: в алфавитном порядке; каждый новый источник — с новой строки; с указанием издательства и (для статей) общего количества страниц; ссылка на источник в тексте дается в квадратных скобках [5, с. 17]
14. Примечания оформляются в виде постраничных автоматических сносок (кегель 10; нумерация начинается на каждой странице).
15. Сведения об авторе представляются **отдельным файлом** и включают в себя:
 - ФИО;
 - указание ученой степени и ученого звания;
 - информация о месте учебы аспиранта или соискателя (город, вуз) и данные о научном руководителе;
 - рекомендация научного руководителя (для аспирантов);
 - должность, место работы;
 - контактный телефон, E-mail;
 - адрес организации;
 - домашний адрес с указанием почтового индекса.

Статьи и материалы можно присылать по адресу: iefadeeva@mail.ru (Ирине Евгеньевне Фадеевой); dist@syktsu.ru (Романчук Надежде Ивановне, с пометой «Человек, культура, образование» (журнал)).

Телефон: (8212) 255 145; +7 9129686825

Факс: (8212) 43 68 20

На журнал открыта подписка.

Все статьи и материалы подлежат обязательному рецензированию. Публикация бесплатная. Редколлегия оставляет за собой право отбора материалов.

Периодическое издание

ЧЕЛОВЕК. КУЛЬТУРА. ОБРАЗОВАНИЕ

*Научно-образовательный
и методический журнал*

№ 3 (17) / 2015

Редактор *О. В. Габова*
Компьютерный макет *Л. Н. Руденко, Т. В. Матвеевой*
Корректор *Е. М. Насирова*

Подписано в печать 17.09.2015 . Формат 60x84 ¹/₁₆.
Тираж 300 экз.
Печать ризографическая. Гарнитура Times New Roman.
Усл. печ. л.12,7. Уч.-изд. 10,3. Заказ № 259.

Издательский центр СГУ им. Питирима Сорокина
167023. Сыктывкар, Морозова, 25